

Book Ordinary Communism 10 24 14

Обыкновенный коммунизм

Александр Болонкин

Ordinary Communism

Alexander Bolonkin

USA 2014

Об авторе

Д.т.н. Б. Кругляк

Александр Болонкин - ученый и правозащитник

В этой небольшой заметке я хочу коротко рассказать об удивительном человеке - Александре Александровиче Болонкине, его сложной и трудной судьбе как ученого и Защитника прав обездоленных.

Родился он на Урале в г. Пермь и уже в детстве и юности проявил недюжие способности. Начиная с 4-го класса: школа, авиатехникум, авиационный институт, аспирантура МАИ - а это 16 лет! - всегда был первым в своем потоке, имел только отличные оценки. В детстве увлекался авиамоделизмом, установил несколько Всесоюзных рекордов, превышал и мировые достижения. За что был награжден серебряной и золотой медалями. В период учебы в институте постоянно награждался грамотами, премиями за научные разработки и был (студент!) отмечен в Приказе Министра высшего образования СССР. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал ведущим инженером в авиационном

Опытно-конструкторском бюро Олега Антонова и

начальником отдела надежности в ракетном бюро академика В.П. Глушко. Рассчитанные им АНы возили миллионы пассажиров, а ракетные двигатели поднимали спутники и космические корабли. Казалось, человек достиг всего, и осталось только наслаждаться жизнью.

Но, получив доступ к сверхсекретной информации (у него был высший допуск - Особо секретно государственной важности), Александр стал понимать, что режим, которому он, подобно всем советским людям, служит, совсем не то, за что он себя выдает. Лицемерие и ложь - пропитали все верха, железный занавес отгородил советский народ от всего мира и весь режим держится на обмане.

В это время (конец 60-х годов) в стране началось диссидентское движение. Академик А.Д. Сахаров, ряд ученых и писателей открыто потребовали демократизации советского общества, соблюдения прав человека, прекращения репрессий. Диссиденты очень нуждались в множительной технике, которая находилась под строгим учетом КГБ. К Александру обратились за помощью, и он изобретает простой множительный аппарат. Этот аппарат мог изготовить любой из подручных средств. Сам он лично сделал 8 таких аппаратов и раздал диссидентским группам. Только его группа на одном из таких аппаратов отпечатала более 150 тысяч страниц диссидентской литературы, включая произведения Сахарова, Солженицына, Роберта Конквиста *"Великий террор"*, подпольные журналы: *"Хроника"*, *"Демократ"*, *"Луч Свободы"*, *"Вече"* и др. Выпускали они и собственный журнал *"Свободная Мысль"*. Печатали статьи Болонкина, посвященные исследованиям уровня жизни в СССР и западных странах, выполнению (точнее провалам) пятилетних планов. Некоторые экземпляры его журнала и статей попали за границу и были переопубликованы. Когда сотрудники КГБ стали находить при обысках у диссидентов не 1-2 копии,

отпечатанные на машинке, а сотни экземпляров запрещенных изданий, ЦК КПСС забило тревогу. КГБ был дан строгий приказ - найти " злоумышленников" во что бы то ни стало. А тут в июне 1972 года в связи с десятилетием повышения цен группой Болонкина в 8-ми районах Москвы были распространены 3500 листовок, отпечатанных на неизвестных КГБ аппаратах. Всесоюзный КГБ было поставлено на ноги и в сентябре 1972 года А. Болонкин и его группа были арестованы.

Следствие вел тогда никому не известный рядовой следователь московского КГБ Анатолий Трофимов. Болонкину вынесли приговор: 4 года концлагерей строго режима и два года ссылки, пообещав, что это только начало и он никогда не выйдет из тюрьмы. Слово свое они сдержали, вышел он только через 15 лет, в конце 1987г в начале «перестройки». После его осуждения в 1974г по его делу было специальное постановление ЦК КПСС "Об усилении идеологической работы в МВТУ имени Баумана" (где преподавал Болонкин). Трофимов быстро пошел в гору, став начальником следственного отдела по Москве и Московской области, и упрятал за решетку сотни диссидентов, включая таких известных правозащитников, как С.Ковалев, Н.Щеранский, К.Любарский и многие другие.

Невозможно описать каким постоянным истязаниям, пыткам, издевательствам, избиениям, подвергался Александр Болонкин во время заключения. Более 3-х лет его продержали во внутрилагерной тюрьме особого режима и свыше 400 суток (больше года!) практически раздетого в холодном карцере с обледенелыми стенами на 400 граммах черного хлеба и воде. Требовали одно - раскайся. Его имя стало известно заграницей, о нем неоднократно передавали "Голос Америки" и "Свобода". Он был на учете в Амнисти Интернейшин, в его защиту неоднократно выступал академик Сахаров и видные ученые мира.

После освобождения Александр сразу же был выдворен за границу. У него отобрали жилье, лишили имущества, заставили заплатить 4000 долларов выкупа.

Поселился он в США. Четыре года работал в Главных лабораториях Военно-Воздушных Сил США в Дейтоне (Огайо), Эглин (Флорида) и два года в НАСА (NASA, DFRC, Калифорния) над важнейшими оборонными проектами США. Выступал на Международных космических конгрессах (1992,1994,1996, 2002 гг.), два раза на Всемирных авиационных конгрессах (1998, 1999гг.) и много раз на общеамериканских научных конференциях в США. Вот некоторые темы его выступлений: «Ядерный ракетный двигатель для космических аппаратов» и «Способ извлечения энергии в космосе из солнечного ветра». Он автор знаменитых книг "Безракетные запуски и полеты в космос" ("Non-Rocket Space Launch and Flight", Elsevier, 2006, 488 pgs.), "Новые концепции, идеи и инновации в космонавтике, авиации, технологии и науке о человечестве" ("New Concepts, Ideas and Innovations in Aerospace, Technology and Human Science", NOVA, 2008, 320 pgs), "Человеческое бессмертие и электронная цивилизация" ("Human Immortality and Electronic Civilization", Lulu, 2007, English, Russian), более 250 научных работ и книг и 17 изобретений, многие из которых засекречены.

Не отказывается Болонкин и от общественных обязанностей. Бывшие политзэки в 1990 году избрали его Президентом «Международной Ассоциации бывших советских политзаключенных и жертв коммунистического режима». Под его руководством Ассоциация превратилась из маленькой американской группы, которая вначале насчитывала 25 человек, в огромную организацию, имеющую более 30 тысяч членов, главным образом за счет присоединения Ассоциаций репрессированных России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и др. стран. Ассоциация решительно выступает за права жертв коммунизма, против коммунистов всех мастей, требует «Нюрнберг-2» над руководством

КПСС, КГБ-НКВД за уничтожение 60 миллионов советских людей, справедливой компенсации жертвам коммунистического произвола, а также против присвоения нынешними российскими властями высшего воинского звания генерал - полковника палачу диссидентов Анатолию Трофимову и назначения его замдиректора нового Российского КГБ-ФСБ. Не забывает о Болонкине и Трофимов. В конце 1995 года автомобиль Болонкина был взорван. Сам он чудом избежал смерти.

Российская газета "Известия" с иронией писала по поводу Болонкина и Трофимова: "Наша страна щедро делится талантами с Америкой: «ненужное» сплавляет за океан, «нужное» сохраняет".

Мне бы хотелось пожелать успеха этому выдающемуся ученому и правозащитнику, у которого коммунистические лагеря и тюрьмы отняли 15 лет творческой жизни. Более подробную информацию желающие могут найти в книге "Русские в Америке", в статье В. Левина "Две жизни Александра Болонкина", журнал "Вестник" №№13-14, 1993г., либо в небольшой автобиографической повести **«Записки советского политзаключенного»** (<http://vixra.org/abs/1309.0187>,http://www.archive.org/details/MemoirsOfSovietPoliticalPrisoner_inRussian), [#1142](http://intellectualarchive.com)). Его жизнь также кратко описана в книге А. Болонкин, «Жизнь. Наука. Будущее» (биографические очерки, исследования и инновации), Пермь, Россия, 2010, 286 pgs, 23 Мб., <http://viXra.org/abs/1309.0204>, <http://www.archive.org/details/Life.science.futureinRussian...>,

Обе книги переведены на английский язык и изданы в США.

Д.т.н. Борис Кругляк

Александр Болонкин доктор технических наук, специалист в области авиастроения, ракетостроения, математики. Работал в опытно-конструкторских бюро О.К. Антонова, В.П. Глушко, преподавал в Московском авиационном институте, Московском авиационно-технологическом институте, МВТУ им. Баумана.

Автор более 250 научных трудов и 17 изобретений. В 1972г был арестован по обвинению в распространении произведений А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына и др. Пробыл 15 лет в советских концлагерях и ссылках. С началом перестройки в 1987г был освобожден и выслан за границу.

В настоящее время проживает в США.

К.п.н. Иван Мартынов

Александр Болонкин имел всё: интересную работу в самой престижной области - космической, ученую степень доктора наук, материальное обеспечение и прочее. Имел и отказался от этого, встав на путь борьбы с режимом в те годы, когда сроки конца этого режима были неизвестны. Встал на путь борьбы и лишился всего. В результате началась другая жизнь, жизнь политзаключенного со всеми страшными её сторонами.

Доктор исторических наук Владимир Гусаров

"ДВЕ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА БОЛОНКИНА - УЧЕНОГО И ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО"

/Из цикла передач Русско-американского радио в США /
/ 4-е передачи по 45 мин./

Содержание:

Предисловие.

Преамбула

1. Советское благополучие
2. Включение в правозащитную деятельность
3. Листовки

Часть 1. Лефортовская тюрьма.

1. Арест
2. Первые дни в тюрьме
3. Аресты подельников
4. Общая камера
5. Допросы. Вменяемая литература
6. Следователи и тюремщики
7. Другие камеры
8. Описание тюрьмы. Условия содержания
9. Окончание следствия
10. Поездка в Ленинград
11. Суд

Часть II. Концлагеря

1. Концлагерь ЖХ-385/17а
2. Прибытие в концлагерь
3. Работа. Условия содержания
4. Политзаключенные
5. Полицаи и другие
6. Концлагерная жизнь

Часть III. Концлагерная больница ЖХ-385/3-3

1. Первые впечатления
2. Игра
3. Встречи с политзаключенными
4. Морг
5. Больные
6. Изгнание из концлагерной больницы

Послесловие

Приложения

Предисловие

Эти заметки написаны мною в 1977г в Сибири в поселке Багдарин Бурятской АССР, где я находился в ссылке после 4-х лет следственной тюрьмы и концлагерей КГБ. Они охватывают только незначительный период моего 15-летнего пребывания в советских концлагерях и ссылках как политзаключенного. (В отличие от «Записок политзаключенного», написанных в 1991г после прибытия в США, данная книга охватывает маленький период (только начальных 2-а года после ареста, с сентября 1972г по декабрь 1974г), но она более детальная, т.к. писалась по более свежей памяти (но под гнетом тех лет). Эти записи были найдены КГБ в моем жилище в поселке и хранились в судебных органах Бурятии для фабрикации новых дел. Только после перестройки, отъезда в США и

полной реабилитации (1992г) где то в начале 2000-х годов мне удалось вытребовать их из Бурятского Верховного Суда. Преимущество этих записей в том, что они описывают этот короткий период (2 года из 15) примерно в десять раз более подробнее, ибо я помнил детали событий тогда лучше (1977г), чем 20-30 лет спустя, когда я писал «Записки советского политзаключенного»

(<http://vixra.org/abs/1309.0187>, <http://www.archive.org/details/MemoirsOfSovietPoliticalPrisoneri> nRussian), <http://intellectualarchive.com> #1142), находясь в безопасности в США. Недостаток в том, что писалось это под страхом того, что записи могут попасть в руки КГБ, быть использованы для фабрикации нового дела или повредить упомянутым людям.

Я думаю, что они будут полезны как обычным людям, так и новоявленным защитникам коммунистических режимов, сторонникам коммунистических идей.

Коммунизм во всех странах одинаков и люди должны четко понимать, что их ждет даже в самые лучшие годы после 50 лет коммунистического строительства «светлого будущего всего человечества».

Предисловие 1977г. Коммунистические диктатуры, расходуя гигантские средства на пропаганду, без устали вопят о том, что в их странах якобы установлены подлинная свобода и демократия, равенство и счастье, обеспечены права на жилье, труд, свободу информации, построено развитое социалистическое общество.

В данной книге описывается только то, что пришлось повидать и пережить автору в брежневских тюрьмах и концлагерях, услышать от людей, многие из которых и поныне томятся в заключении (1977г). Правда и только правда лежит в основе этой книги. Все имена подлинные. Ссылки на рассказы лиц, которые еще находятся в заключении и в СССР, пока не могут быть приведены, ибо в стране «невиданной свободы» одной такой ссылки достаточно, чтобы человека снова засадили в тюрьму или концлагерь или продлили срок заключения.

Все виденное и пережитое воспринимается теперь как кошмарный сон. Конечно многим советским людям, выросшим в мире мифов, описанное покажется невероятным, невозможным в социалистическом обществе, но пусть неверующие поедут и попробуют посетить описанные тюрьмы и концлагеря, побеседовать с политзаключенными, потребовать от властей ознакомления с вмененной им «клеветнической» литературой. Им быстро разъяснять, кто «хозяева», а кто «слуги» в советской стране, и какова на самом деле «подлинная свобода».

Я уверен, что достаточно любого здравомыслящего человека коммуниста или защитника советского строя провести советским арестантским этапом от Мордовии до Улан-Удэ, чтобы навсегда вычистить из его головы ту коммунистическую труху, которую ему набивали в нее всю жизнь.

И стоит хотя бы раз провести Брежнева от концлагеря ЖХ-385/19 поселка Лесной Мордовии до поселка Яvas в обосранном, оплеванном боксе арестантского воронка, где на 3 квадратных метра железной герметической коробки, высотой 1,5 метра набивают до 20 человек, а затем трясут 40-60 минут по ухабистой дороге, чтобы он уже никогда не смог произносить свои лживые лицемерные речи.

Книга состоит из воспоминаний расположенных в хронологическом порядке, а также дневниковых записей и копий заявлений и документов, которые, не смотря на бесконечные обыски и конфискации каждой бумажки, удалось вывезти из концлагерей.

Пусть она послужит уроком тем, кто верит в «еврокоммунизм», «демократический

коммунизм» и т.п. ерунду. Под любой маской тоталитаризм един – относится ли это к коммунизму Сталина, Гитлера, Брежнева или Андропова. Демократия и коммунизм также не совместимы как плюс и минус, тепло и холод, свобода и рабство.

Преамбула

1. СОВЕТСКОЕ «БЛАГОПОЛУЧИЕ»

Я родился в г. Пермь и рос подобно большинству советских детей в обычной советской нищете. Мать работала уборщицей, отец погиб в 1936г в советско-японской стычке у Халхин-Гола. Жили в комнатке деревянного барака, как говорят нынче, с удобствами во дворе.

Начиная с 4-го класса, я был отличником и рано увлекся авиамоделизмом, выступал на многих соревнованиях, установил ряд Всесоюзных рекордов и даже однажды превысил Мировое достижение.

В 1958г окончил Казанский авиационный институт со средним баллом «пять» и был направлен на работу в Опытно-конструкторское бюро О.К.Антонова (г. Киев), в котором быстро продвинулся до ведущего инженера-расчетчика летных данных. Принимал участие в создании самолетов от АН-8 до АН-124. Одновременно учился на механико-математическом факультете Киевского университета, а затем поступил в аспирантуру Московского авиационного института.

После защиты кандидатской диссертации в 1964г работал в Опытно-конструкторском бюро ракетных двигателей академика В.П. Глушко, преподавал в Московском авиационном институте, Московском авиационном технологическом институте, МВТУ им. Баумана. В 1971г защитил докторскую диссертацию по кибернетике.

К середине 1972г опубликовал свыше 40 научных трудов и книг. Как ученый я видел много несурзностей и неполадок в советской системе, но, не имея никакой информации, кроме официальной пропаганды, относил это к личным недостаткам отдельных руководителей и полагал, что цели социализма благородны, успехи значительны и с течением времени все станет хорошо, ведь компартия в 1962г еще при жизни нынешнего поколения обещала построить коммунизм к 1980г. От матери я слышал о страхе, в котором жило население в 30-ые годы, когда по ночам "черные воронки" забирали людей, но верил утверждениям коммунистов, что это сталинское отклонение, оно в прошлом и больше не повторится.

2. ВКЛЮЧЕНИЕ В ПРАВОЗАЩИТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 1970г я познакомился с Юрий Юхновец. Он рассказал, что был студентом МГУ. Его исключили за критические выступления, и сейчас он работает грузчиком. Он рассказал кое-что о правозащитном движении в Союзе и предложил почтить некоторые самиздатовские материалы, в частности, "Хронику текущих событий", - отпечатанные на пишущей машинке сборники с информацией о тайных репрессиях в СССР.

Честно говоря, я пришел в ужас от этих сведений, от жестокости, с которой "борцы за народное счастье", как провозглашали себя власть имущие, преследовали людей,

высказывающих иные взгляды или просто обменивающихся неугодной властям информацией.

Вскоре Юхновец обратился ко мне с просьбой взять на временное хранение самиздатовскую и запрещенную литературу, которую он не мог хранить дома, т.к. был на учете в КГБ. Он привез ее целый чемодан, и месяц я почти беспрерывно читал, узнавая о деятельности партии и ее "выдающихся" и "благороднейших" вождей такое, от чего волосы становились дыбом и меркли все нацистские преступления. Воспитанный советской школой в духе борьбы за счастье трудящихся, я увидел, что компартия и ее вожди являются самыми худшими врагами этих трудящихся, что идет самое грандиозное надувательство в истории человечества.

Я решил помогать правозащитному движению, чем мог. К этому времени Юхновец познакомил меня с преподавателем техникума Валерием Балакиревым, а тот - со своим другом инженером-электриком Владимиром Шаклеиным. Оба они были на учете в КГБ, т.к. подписали ряд протестов против нарушения прав Человека в СССР.

Балакирев свел меня с геологом, ленинградцем Георгием Давыдовым и его женой Лерой Исаковой. Георгий уже попадался с запрещенной литературой и КГБ наказал соседям по квартире следить за ним.

Один из моих знакомых, знаяший о моем интересе к запрещенной литературе, направил ко мне студента Сергея Заря, который также интересовался ею и, по его словам, ранее в своем родном городе был исключен из института за попытку создания нелегальной группы.

Я был неплохим фотографом и хорошо освоил репродуцирование (фотографирование) книг. К тому времени из-за границы в среду советской интеллигенции стали проникать крамольные издания. Стоили они невероятно дорого. Морякам заграничного торгового флота, туристам и командировочным стало выгоднее везти из-за границы не колготки и электронные часы, а политическую литературу. Конечно, это было связано с большей опасностью, чем простая контрабанда, но и доход был выше. Достаточно было кому-то из интеллигентов заиметь 1-3 книги, как по принципу: ты мне дашь почитать то-то, а я тебе дам почитать то-то, начинался процесс обмена литературой. Для нас этот процесс резко упростился. Обычно для внимательного прочтения толстой книги нужны недели. На такой срок давали неохотно (подобная литература была на разрыв!), но на 1-2 вечера получить любую книгу или самиздат можно было без особого труда. Этим занимался в основном Валерий Балакирев. Но и Юрий Юхновец также добывал немало литературы.

Получив книгу на несколько часов, они мчались ко мне, я тут же совал ее под репродукционную установку и перефотографировал за 1-2 часа. Знакомство с содержанием происходило часто после того, как книга уже была возвращена владельцу.

Таким способом мы изготавливали фотопленки и отпечатки многих зарубежных книг, периодических изданий, самиздатовских материалов и подпольных журналов. Например, книгу Конквиста "Большой Террор", Авторханова "Технология власти", Джиласа "Новый класс", Марченко "Мои показания", Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма", зарубежные журналы "Посев", "Границы", "Вестник РСХД"; советские подпольные журналы: "Хроника текущих событий", "Свободная мысль", "Демократ", "Луч Свободы", "Вече" и др.

К этому времени Балакирев познакомился с сыном ответственного идеологического работника ЦК КПСС. И через него стал получать нелегальные типографские советские переводные издания зарубежных политических книг. В частности, я помню, мы заимели таким способом фотопленку и фотокопию книги Шиклинг Вилли "Хрущевская шарманка. Игра на нервах человечества". Перевод с немецкого. Издательство "Прогресс". 1964г, 114

стр. (о методах хрущевской пропаганды) и полное издание "Мемуаров" Де Голля. Последние позднее были изданы в СССР для населения с большими купюрами.

Подобным образом мы за короткое время составили весьма обширную библиотеку из сотен, если не тысяч запрещенных произведений.

Фотопленки были удобны и тем, что с них любой фотолюбитель мог изготовить сам нужное число отпечатков.

Разумеется, прочитанное не бралось просто на веру. Что только возможно, я стремился проверить лично. В одном самиздатовском сочинении я встретил фразу о том, что первый пятилетний план не был выполнен. Как раз в это время у нас на кафедре математики и в МВТУ проходили торжественные собрания, посвященные успешному выполнению и перевыполнению очередного 1965-1970гг пятилетнего плана. Я взял газету 1965г с директивами на 1970г и газету начала 1971г с достигнутыми результатами. Из 47 упомянутых в плане показателей выполненными оказались только 3 второстепенных. Так выполнен (и даже перевыполнен) был план продажи населению мебели (в рублях). Составители отчета "забыли" только упомянуть, что этот пункт они "перевыполнили" за счет резкого повышения цены на мебель.

Многие важные пункты плана были выполнены всего на 15-20%, хотя в среднем по количеству продукции план был выполнен примерно на 50%.

Я удивлялся наглости властей и наивности населения. На торжественных заседаниях коммунистические функционеры вдохновенно твердили о грандиозных успехах, об успешном выполнении и перевыполнении планов пятилетки и ни у одного ученого мужа, не говоря уже о простых смертных, не возникало даже мысли взять и сравнить запланированные и достигнутые показатели! Впоследствии я убедился, что то же самое относилось и к любому советскому пятилетнему плану. Ни один из них не был, не только перевыполнен, но даже выполнен хотя бы наполовину.

Особенно убийственными оказались проверки выполнения плана "Строительства коммунизма" к 1980г, принятые на 22-ом съезде КПСС в 1961г. Там были даны промежуточные показатели, которые планировалось достичь в 1970г. Ни один из них не был выполнен. Выполнение в лучшем случае не превышало 10-15%. А ведь эту "Программу строительства коммунизма" заставляли изучать не только всех студентов и учащихся страны, но рабочих и служащих буквально всех учреждений. И я не помню ни одного случая, чтобы кто-то пытался проверить утверждения об успешном выполнении и сопоставить запланированные и достигнутые показатели.

Второе, что я попытался проверить, это советское утверждение о невиданном росте благосостояния советского народа после "социалистической революции" и "потрясающей нищете трудящихся" в странах "прогнившего капитализма". В частности, коммунистическое утверждение о том, что после «революции» зарплата советских трудящихся выросла (к 1970г) в 180 раз (!!?) по сравнению с 1913г (данные привожу по памяти). Какими бы бедными не были российские трудящиеся в 1913г, но они не умирали с голоду, и рост зарплаты в 180 раз дал бы наивысшее благосостояние в мире. Здравый смысл подсказал мне, что для сравнения жизненных уровней достаточно сравнить зарплаты и цены на основные продукты и предметы первой необходимости.

Я попытался найти данные о заработках и ценах в США и западных странах в советской литературе. Но это был напрасный труд. Все советские источники были полны общих утверждений о нищете, безработице, отсутствии жилья в "странах капитала", но конкретные цифры начисто отсутствовали. После чтения советских источников

приходилось удивляться, как до сих пор население так называемых капиталистических стран не вымерло с голода.

К этому времени я случайно узнал, что в библиотеке им. Ленина есть специальная комната 13, где выдаются закрытые для населения зарубежные книги, советскую литературу и журналы "для служебного пользования". Эта комната оказалась запрятанной на самом верху в служебном отделе, и добираться до нее приходилось длинными коридорами. В ней мне объяснили, что для пользования этой литературой необходимо специальное ходатайство руководства моего института с указанием темы исследования и разрешение на пользование спецфондомдается на один год.

Я оформил такое ходатайство на тему "Исследование роста благосостояния советских людей" и стал читателем "спецхрана". Здесь я выписал много закрытых статистических данных о состоянии здоровья населения СССР, о заболеваемости раком, туберкулезом, венерическими болезнями, психическими расстройствами, алкоголизме, наркомании и т.п. Данные о нехватке медицинского персонала, больничных мест, медикаментов, количество сумасшедших домов, так называемых, "лечебно-трудовых диспансеров для алкоголиков" (т.е. трудовых концлагерей) и т.д.

Были также закрытые данные о ценах на колхозных рынках всей страны и закрытые отчеты командированных в другие страны.

К сожалению, данных о заработках и розничных ценах на предметы первой необходимости в зарубежных странах не было и здесь.

Но, в конечном счете, я достал иностранные статистические сборники, а также труды ООН, где эти данные имелись.

В итоге мною было написано большое исследование "*Сравнение жизненного уровня трудящихся России, СССР, и капиталистических стран*", статьи "*Здравоохранение в СССР и зарубежных странах*", "*К итогам 8-го пятилетнего плана 1966-1970*", "*Сравнение итогов первого десятилетия "строительства коммунизма" с директивами 22-го съезда КПСС*", разные информационные материалы.

Кроме того, совместно с Балакиревым я стал выпускать общественно - политический журнал "**Свободная Мысль**", который с помощью mimeографа размножался в больших количествах. Один из номеров этого журнала попал за границу и был опубликован в сборнике "*Вольное слово*", вып.7, Посев, 1973г.

Самиздатовские вещи, журналы в подавляющем большинстве были отпечатаны на пишущей машинке, копии их были слепые и трудночитаемые. Я понимал, что без приличной множительной техники правозащитное движение будет вечно обречено на забаву очень узкого круга мыслящей интеллигенции. Но где же взять множительную технику, если внутри страны даже пишущие машинки на ночь опечатывались, копировальные машины помещались в спецкомнаты и к работе на них допускались только проверенные КГБ сотрудники. Выход был один - множительную технику надо создавать самим, она должна быть легко изготавливаемой и достаточно производительной.

Я на долгое время засел в Ленинскую библиотеку. В советское время подобная литература, естественно, не издавалась, а предусмотрительный КГБ, разумеется, постарался изъять посвященные этому дореволюционные издания. Все же по крупицам в литературе, старым патентам мне удалось собрать необходимые сведения, а заодно и способы шифрования, тайнописи и конспирации. Эта информация была обобщена в самиздатовской книге Сухов **"Простые методы размножения технической**

документации", а также в ряде самиздатовских статей по методам размножения и статей по методам шифрования, тайнописи и конспирации.

Для практического применения мною фактически был заново изобретен и технологически отработан метод мимиографии очень простой и эффективный. На пропитанный парафином микалентной бумаге на пишущей машинке печатался текст. Полученная матрица накладывалась на чистый лист бумаги и по ней прокатывался валик с краской. Внизу получалась копия текста. Весь процесс получения оттиска занимал несколько секунд. Все компоненты этого процесса продавались в магазинах. Изготовить или купить фотовалики в магазине мог каждый. Правда, качество оттисков было невысокое.

Я заказал 7 или 8 резиновых валиков одному из мастеров МВТУ затем снабдил и обучил Балакирева, Юхновца, Давыдова, Зарю, Шаклеина техникой пользования этими аппаратами. Аппарат был прост, практически он состоял только из резинового валика. Впоследствии при обыске у Георгия Давыдова в Ленинграде КГБ не обратил внимания на этот аппарат.

После изобретения аппарата "Хроника текущих событий", подпольные журналы, стали выходить не по 4-5 копий, а сотнями экземпляров только в нашей группе, не говоря уже о других. Мы также стали издавать общественно - политический информационный журнал "*Свободная мысль*". Я начал издавать по частям свою книгу "*Сравнение жизненного уровня трудящихся царской России, СССР и капиталистических стран*", а Балакирев затеял издание по частям перевод книги Р. Конквиста "*Великий террор*". Раздавалось все это, разумеется, в основном бесплатно. А все основные расходы приходилось нести мне как состоятельный члену группы.

Заря даже снял для этой цели отдельную квартиру, привлек своего друга Рыбалко и организовал настоящую типографию. К сожалению, он действовал, в основном, из корыстных побуждений и тайно от нас продавал порой за значительную сумму литературу случайному людям. До момента ареста только нашей группой было размножено в общей сложности более 150 тысяч страниц запрещенной литературы и кадров фотопленок.

После того как по стране стали ходить отпечатанные на мимеографе подпольные журналы, книги, а при обысках у инакомыслящих стали изымать уже не единичные экземпляры, а целые тиражи запрещенной литературы, в советских верхах началась паника. Там прекрасно понимали, что на пишущей машинкой, где, затратив колоссальный труд, получаешь всего 4-5 копий, особой пропаганды не сделаешь. Но если без особого труда чуть ли не каждый может изготовить сотни и тысячи экземпляров, то эта, идущая снизу свобода печати, может в корне подорвать существующий режим. Был задействован весь КГБ и началась охота во всесоюзном масштабе.

К этому времени попал на учет в КГБ и я, правда, как простой читатель запрещенной литературы. В Ленинграде я показал кое-что из самиздатовских материалов В. Сенюкову - мужу сестры жены. Он очень заинтересовался, попросил кое-что перепечатать. Я дал при условии, что он не будет показывать это своей жене Валентине. К сожалению, он не сдержал своего обещания, показал ей, она потащила статью "*Дочь Деспота*" (о дочери Сталина Светлане) на работу, похвастаться перед подругой. Потом вспомнила, что у подруги дядя работает в КГБ. Прибежала домой и в панике все сожгла. Когда ее вызвали в КГБ, она сказала, что литература получена от меня. Мужу же ничего о вызове в КГБ не сказала. Когда вызвали его, якобы в соцстрах, то он также с перепугу заложил меня, но у него хотя бы хватило мужества позвонить мне в Москву и сказать об этом.

3. ЛИСТОВКИ

1 июня 1972г исполнялось 10 лет со дня крупного повышения цен на продукты питания. При этом повышении советские правители в 1962г. клялись, что это повышение временное, "пройдет 2-3 года и цены будут сделаны ниже, чем были".

Юрий Юхновец решил отпечатать и распространить листовки, посвященные этому событию. Я пытался его отговорить от этой затеи, но он был настроен решительно. Он попросил меня помочь составить текст (который он переделал по своему, внеся в него вместо фактов эмоции) и отпечатать несколько вариантов. В общей сложности было изготовлено более 3,5 тысяч листовок.

В ночь на 1 июня 1972г. Юхновец с товарищами разбросал эти листовки по почтовым ящикам в 6-и районах Москвы. На другой день он передал информацию и образцы листовок Петру Якиру, а тот спустя несколько дней передал иностранным корреспондентам. 19 июня 1972г информация о распространении и содержание листовок была передана зарубежными радиостанциями.

Пожалуй, это было самое крупное распространение листовок после 20-х годов. ЦК КПСС дало указание КГБ во что бы то ни стало найти виновных. Весь московский КГБ был поставлен на ноги.

Беседуя с Петром Якиром при вручении листовок, Юхновец сказал, что он связан с группой интеллигентии, располагающей множительной техникой, способной как снабжать этой техникой других, так и выпускать в больших количествах подпольные журналы и книги.

В июле 1972г Якир был арестован. К сожалению, к этому времени он спился, уже не мог существовать без алкоголя. КГБ пообещал ему море водки, лишь бы он заговорил. И он наговорил 120 томов, в том числе и о нашей группе. Мой телефон был подключен на запись и я стал замечать за собой слежку.

Часть 1. Лефортовская тюрьма.

1. Арест.

21 сентября 1972г в 15 часов я вышел из своей московской квартиры¹. В 16 часов должна была состояться моя лекция по высшей математике в Московском Высшем Техническом Училище им. Баумана. Утром ко мне заехал и забрал литературу Георгий Давыдов – ленинградский геолог, возвращавшийся из Сибири в Ленинград. Среди этой литературы был самиздат², журнал «Свободная Мысль» №2, работа «Сравнение жизненного уровня трудящихся СССР и капиталистических стран», фотопленки книг, изданных на Западе. О своем приезде он предупредил телеграммой дней за пять и в связи со сбором и подготовкой материалов для него, кое-что из литературы осталось на моей квартире.

Выйдя из подъезда и сворачивая за угол, я заметил мужчину, который быстрым шагом прямо через палисадники и зеленые насаждения ринулся мне наперерез. Увидев, что я обратил на него внимание, он сделал безразличный вид и убавил шаг.

На углу дома он меня нагнал, вынул из кармана книжечку сотрудника КГБ и потребовал, чтобы я шел с ним обратно домой. Тогда подошел еще один тип из КГБ. Вдвоем они доставили меня к дверям моей квартиры. Стоило мне только открыть дверь, как откуда ни возьмись (по-видимому, они ждали на лестничных площадках верхних этажей) в квартиру ввалились 10 – 12 кагебистов. Остановивший меня тип представился как капитан КГБ

Горшков Серафим Николаевич и предъявил ордер на обыск. В квартире кроме меня и кагебистов никого не было.

Обыск начали с большой (18 кв.м) комнаты (еще была маленькая комната 6 кв.м.). Кагебисты разделили ее на площадки по 1.5 – 2 кв.м. и тщательно обследовали каждый свой участок, перебирая каждую бумажку, осматривая каждую вещь. А затем обыскали малую комнату, кухню и туалет. В 7 часов вечера после работы пришла жена. Ее также как и меня посадили на стул и запретили переговариваться. Обыск продолжался до часу или двух ночи. Несколько раз звонил телефон, но подходить к нему не разрешали. Как только он смолкал, один из кагебистов подходил снимал трубку и на станции, видимо, ему говорили, откуда звонили.

-
1. Адрес: 107258, Москва, Б-258, Погонный проезд д.50, корп. 2, кв.2, тел. 169-34-26.
 2. Запрещенная, обычно машинописная литература, циркулирующая в СССР.

Забрали чистую бумагу в пачках, все записные книжки, фотопленки, изъятую из обращения советскую литературу (самиздатовской было совсем немного), фотоаппарат, репродукционную установку, пишущую машинку, все деньги, сберкнижку, разные баночки с краской. Из этого я понял, что они ищут множительные аппараты. Набрали один или два мешка. Только некоторые из взятых вещей вписали в протокол обыска. Предложили в нем расписаться. Я отказался.

Были и приятные моменты. Ни один из тайников не был найден. Кроме того, кагебист не посмотрел в один из карманов, где была записная книжка. Перед уводом я попросился в туалет и, оставшись на миг один, засунул ее под белье. Минуту спустя кагебист открыл дверь туалета и не спускал с меня глаз, а после моего выхода еще раз обыскал туалет. Но записной книжки не нашел.

Меня взяли плотно под руки двое кагебистов и вывели из квартиры. Прямо у подъезда стояла «Волга». Была ночь и кругом не было ни души. Посадили на заднее сиденье. С боков сели двое кагебистов и машина тронулась.

С грустью я смотрел на ночную Москву. Когда ее увижу вновь и увижу ли вообще?

Здание КГБ в центре Москвы. Во внутреннем дворе есть специальная тюрьма куда привезли А. Болонкина.

2. Первые дни в тюрьме.

Машина подошла к задней стороне мрачного здания КГБ на площади Дзержинского. Со скрипом открылись ворота и мы оказались в боксе между двух ворот. Краткий допрос в кабинете Горшкова: «Откуда антисоветская литература?» - «Купил у незнакомого человека» - и снова в машину.

Приехали, как я узнал впоследствии, в Лефортовскую тюрьму КГБ, где меня сдали тюремной администрации.

Пришел надзиратель. Раздели до гола, тщательно обыскали всю одежду (как я был рад, что записную книжку спрятал дома). Забрали ремень, все металлические предметы (не положено!). Пришла женщина. Нагнитесь. Раздвиньте. Заглянула в зад. «И там ищите запрещенную литературу» - не утерпел я. «К чему пустые разговоры» - каким-то обыденным, привычным тоном буркнула она.

«Когда последний раз был в бане?» - спросил надзиратель. «Неделю назад» - ответил я, хотя ежедневно мылся в ванной.

Меня провели в грязный душ. Все мытье продолжалось 10 минут. Мне выдали тощий матрац, простыню, тонкое застиранное одеяло и отвели в одиночную камеру.

Было уже около 3-х или 4-х часов ночи. Стояла гробовая тишина. Не было даже слышно шагов надзирателей, ступавших по специально постеленным мягким ковровым дорожкам корпуса. Лишь время от времени открывался застекленный глазок и на меня смотрел чей-то глаз. Состояние было ужасное. Казалось, что я в гробу, из которого никогда не выйдешь.

Только прилег на койку и забылся тревожным сном как с грохотом открылось небольшое прямоугольное отверстие в дверях – кормушка и грубый голос заорал «Подъем». Я стал говорить, что прибыл ночью. «Ну, поспи еще часок – до завтрака» - смилиостивился надзиратель.

Через час кормушка вновь с грохотом открылась и чья-то рука засунула жестянную миску с овсом, сваренным в воде. Вкус овсянки был противен. Есть ее я не смог. Тошнило. Тоже повторилось в обед и ужин с той разницей, что овес был заменен сечкой, а в обед дали еще миску баланды (вода с капустой). Есть эту «пищу» я смог съесть только спустя несколько дней, когда основательно проголодался. И все полтора года своего пребывания в Лефортово мучился с желудком.

Камера представляла собой небольшую комнату примерно 2x3 метра. Три железных топчана, сваренных из листового и уголкового железа, стояли вдоль стен. Посредине наглухо вделанный в пол столик. В углу унитаз, маленькая раковина с холодной водой, на стене полочка. Вверху в углублении потолка за решеткой мощная, иногда выключаемая только днем, лампочка. В одном конце дверь с застекленным глазком и кормушкой, в другом – маленькое окно под потолком, заделанное решеткой.

Спать на железном топчане и тощем 1 см матрасе оказалось очень жестко. По 5 – 10 раз за ночь приходилось просыпаться, ворочаться с боку на бок, оттирать затекшие места. Как я понял впоследствии сделано это было специально. Я уже пытался потом складывать матрац пополам вдоль. Но он был узкий. Ночью я постоянно скатывался на железные полосы. Складывал и поперек. Было коротко для туловища, а о ногах я уже не говорю, как их не подгибай, а с железа не уберешь. КГБ не обхитришь. Все отработано на миллионах жертвах, прошедших через кагебистские застенки.

Решил выяснить: есть ли кто за стенкой – стукнул раза два ложкой по крану. Тут же с

грохотом открылась кормушка: «Еще раз стукнешь, сядешь в карцер!» - рявкнул надзиратель.

Десять суток меня продержали в одиночной камере. Раза 3 – 4 за это время вызывали на допросы, пытались выяснить откуда у меня запрещенная литература.

3. Аресты подельников.

Во время допросов следователь сообщил, что арестованы мои знакомые Валерий Балакирев, Владимир Шаклейн, Юрий Юхновец, Георгий Давыдов, Сергей Заря и его знакомый Рыбалко.

Валерий Балакирев, 1940г рождения, окончил Московский институт стали и сплавов и несколько лет работал преподавателем московского вечернего металлургического техникума. Познакомил меня с ним в 1970г Юрий Юхновец.

Владимир Шаклейн – инженер Московского треста по обслуживанию электростанций учился вместе с Балакирем и был его другом. Познакомил меня с ним Балакирев.

Юрий Юхновец раньше учился в Московском университете на филологическом факультете. За интерес к запрещенной литературе был исключен из университета. Работал грузчиком в одном из мебельных магазинов. Познакомился я с ним в 1970г во время перевозки мебели.

Георгий Давыдов – ленинградец, геолог – знакомый Шаклейна и Балакирина. Познакомился я с ним во время моих поездок и его приездов в Москву.

Сергей Заря - студент 2-го курса пединститута. В Москву, как он объяснил, приехал с целью перевода в столичный вуз и говорил, что он уже договорился в Московском пединституте. Познакомил меня с ним один доцент, порекомендовав его как человека, интересующегося самиздатовской литературой.

Рыбалко – друг Зари и с ним я не был знаком.

Как уже выяснилось в конце следствия при ознакомлении с делом, показания на нас дал 13 июня 1972г Петр Якир. Следователи потом хвастались, что за время заключения в Лефортово он наговорил им 120 томов показаний на других людей. Алкоголик не мог существовать без выпивки и на этом сыграли кагебисты.

Из всех арестованных с Якиром были знакомы только Юхновец и Балакирев. Юхновец как-то сказал Якиру, что он связан с интеллигенцией, занимающейся сбором и перепечаткой самиздатовской литературы, а также другие данные. Все это выложил Якир кагебистам. В июле при поездке в Пермь, мне стало известно, что КГБ интересуется моим пребыванием в Перми и целями поездки. В августе и сентябре я дважды замечал за собой слежку.

Валерий Балакирев, Владимир Шаклейн, Юрий Юхновец давно состояли на учете в КГБ, т.к. вначале мирными заявлениями пытались убедить коммунистических правителей в необходимости демократизации советского общества, предоставления людям большей свободы, подписывали обращения в защиту преследуемых.

Георгий Давыдов уже два раза попадался с запрещенной литературой. Один раз на него показал знакомый, которому он дал что-то почитать и тот попался в КГБ. При обыске у Давыдова нашли мешок запрещенной литературы. Георгий уперся, что мешок с литературой он нашел на улице и сколько кагебисты не бились, твердо стоял на своем.

Дело ограничилось проработкой на собрании по месту работы со злобными выступлениями одних и тайными сочувствующими взглядами других тех, кто был знаком с подобной литературой.

Сергей Заря во время учебы в Донецком пединституте пытался организовать какую-то группу националистического толка. Попался. Написал под диктовку КГБ торжественное Обязательство больше эти не заниматься. При переписке Обязательства в последней фразе «Обязуюсь бороться за коммунистическое будущее» заменил слово «коммунистическое» на слово «светлое» будущее Кагебист вначале не заметил подмены, но, получив нагоняй от начальства, набросился с бранью на Зарю: «За светлое будущее все борются, а нам надо, чтобы ты боролся за коммунистическое будущее!»

Обязательство заставили переписать и Зарю отпустили. Роль Зари в нашем деле до сих пор неясна. Он занимался размножением литературы и тайно по собственной инициативе продавал ее кому попало. Арестовали его и Рыбалко 22 сентября 1972г на его съемной квартире. Раскололся он с первого допроса, сообщая обо всех разговорах в его присутствии, и сообщал сведения, о которых никто, кроме него не знал, например, места хранения самиздатовской литературы, о которых ему говорили доверчивые читатели. Все это привело к лавине обысков и конфискаций. Уже находясь в Мордовских концлагерях, я вновь услышал о людях, которые по вине Зари очутились за решеткой. Дело в отношении Зари было выделено в отдельное и прекращено, а сам он через 4-е месяца в феврале 1973г вместе с Рыбалко был выпущен на свободу.

Знакомство с такими людьми не могло оказаться незамеченным КГБ. Мой телефон стоял на записи уже длительное время.

Кроме того, во время своих поездок в Ленинградский политехнический институт, связанных с подготовкой и защитой докторской диссертации, я обычно останавливался у Сенюковых – сестры моей жены. Муж ее имел пишущую машинку. Однажды в 1971г я показал ему кое-что из запрещенной литературы. Он сильно заинтересовался, захотел перепечатать кое-что и лишние экземпляры обещал отдавать мне.

Некоторые из запрещенных произведений он дал почитать своей жене – женщине вздорной и глупой. Та потащила их на работу похвастаться перед подругами. Потом вспомнила, что у одной из подруг дядя работает в КГБ, прибежала домой и в панике сожгла всю литературу. Когда ее дернули в КГБ, она заложила своего мужа и высказала предположение, что литература получена от меня. О вызове в КГБ мужу ничего не сообщила. Обыватель в СССР запуган настолько, что готов продать и предать собственную семью.

Через несколько дней ее мужа вызвали в отдел социального обеспечения (во всяком случае, на двери комнаты, в которую он вошел, висела такая вывеска). Там его ждали кагебисты. Основательно перепуганный Сенюков рассказал все и подписал показания против меня. Кагебисты, конечно, прекрасно понимали, что перед ними перепуганный обыватель, на которого достаточно цыкнуть, чтобы он ничего не читал кроме советских газет, готовый от страха дать любые показания. После допроса они отпустили его. Однако у него хватило мужества позвонить мне и сообщить о вызове в КГБ.

Ничего, кроме того, что у меня есть самиздатовская литература, Сенюков сообщить не мог. Кагебисты, видимо, решили, что я такой же любопытствующий обыватель. Раза два они приходили ко мне для душеспасительной беседы, но оба раза не заставали дома. Однако я был поставлен на учет, а телефон мой подключили для подслушивания.

Возможно, что квартира моего соседа – сотрудника МВД – была использована для наблюдения за дверью и посетителями моей квартиры, а соседям и лифтерам дано указание запоминать посещающих меня лиц.

Как уже упоминалось Георгий Давыдов возвращался в Ленинград из экспедиции в Сибирь. 15 сентября 1972г дал мне телеграмму «Буду проездом в Москве через пять дней. Гена.» Гена – псевдоним Георгия. Мы уже знали, что эта просьба подготовить литературу. Эта телеграмма как выяснилось в конце следствия была перехвачена КГБ. В связи со сбором и подготовкой литературы в эти дни меня посетили Балакирев и Заря. 20 сентября вечером ко мне приехал Георгий. Мы упаковали все в большой рюкзак и сетку и он поехал к Балакиреву. Однако увидеться ему с ним не удалось, т.к. он утерял его адрес. Он переночевал на вокзале и утром 21 сентября заехал ко мне, забрал рюкзак и сетку и направился в аэропорт. Возможно, он подцепил хвост филеров у моей квартиры, но Вячеслав Петров (подельник Давыдова) утверждал, что хвост за ним тянулся из Сибири. В аэропорту Давыдов сдал рюкзак и сетку с литературой в багаж. Кагебисты, конечно, поинтересовались их содержимым, пришли в ужас, срочно вызвали подмогу и примерно в 12 часов при посадке в самолет Георгий был арестован. У него изъяли записную книжку с моим телефоном. В 15 часов был арестован я, а в тот же день вечером примерно в 22 часа, когда Балакирев возвращался с работы у подъезда дома его ждали кагебисты. Обыск у меня длился всю ночь. Забрали много литературы, записей передач иностранных радиостанций, пишущие машинки, советский радиоприемник.

22 сентября был сделан обыск в однокомнатной квартире, которую снимали Заря и Рыбалко и оба были, по-видимому, арестованы.

В тот же день 22 сентября к матери Валеры зашел Володя Шакlein, узнал об аресте Балакирева, предупредил кого надо и уехал в командировку в Шатуру. Его арестовали в Шатуре, спустя несколько дней примерно 24 сентября. Именно, благодаря нему, при последующих обысках и арестах кагебисты находили практически пустые квартиры.

26 или 27 сентября был арестован Юрий Юхновец. При обыске у него нашли одну заваленную книжицу.

4. Общая камера.

На 10-й день мне предъявили обвинение: статья 70, часть 1 Уголовного Кодекса РСФСР – переписка, хранение и распространение антисоветской клеветнической литературы. В тот же день меня перевели из одиночки в общую камеру, где было двое. Один представился Грицаем Анатолием Михайловичем. Сказал, что он пытался бежать на Запад, но был пойман на границе. Второй – узбек, посаженный за спекуляцию и валютные операции. Судьба Грицая довольна любопытна. Это бывший офицер воздушно-десантных войск. Ушел из армии, стал добиваться поездки к сестре в Соединенные Штаты. На его запросы даже не отвечали. Решил бежать через границу. Перешел вначале границу между СССР и Польшей. Затем между Польшей и Чехословакией. Очень красочно рассказывал, как он один зимой на лыжах прошел 400 км по горам в Чехословакии, прожил около месяца у знакомых и вместе с одной чешкой решил переходить в Австрию. Но не тут то было. Оказалось, что вся граница заминирована против беглецов из социалистического рая. И решили они переходить в контрольно-пропускном пункте для туристов. Он оставил пистолет у попутчицы и бросился на виду у иностранных туристов бежать ко второму шлагбауму, за которым была уже Австрия. Впереди у него был только один пограничник у шлагбаума. Стрелять по нему не могли, ибо перед ним по ту сторону границы были иностранные туристы и пули могли попасть в них. Иностранные туристы пришли в большое возбуждение, особенно одна женщина, которая махала руками и подбадривала его криками.

За ним пустили специально натренированную овчарку, но, перебросив ее через себя, он вспорол ей живот ножом. Говорят, что остановили его только крики подруги - чешки, на которую набросились пограничники. Минуты замешательства было достаточно, чтобы подбежавшие пограничники скрутили и его. Он был передан советским властям. Здесь его связали, несколько часов он сидел с кляпом во рту. Затем обыскали – искали секретную информацию. Содрали даже коронки с зубов, не потрудившись поставить их обратно. На рот его было страшно смотреть. Ему предъявили стандартное обвинение в нежелании жить в социалистическом раю, т.е. по советской терминологии – в измене родины.

Выкрутился он благодаря предательству. В подготовке побега ему помогал один видный украинский националист, фамилию которого я, к сожалению, забыл, и которого очень долго искали кагебисты. Он помог ему деньгами, дал карту, пистолет, адреса. Его то и решил заложить Грицай. Намекнул кагебистам, что знает о местонахождении этого националиста, его долго обхаживали, надеясь выудить эти сведения при помощи стандартных туманных обещаний и, наконец, прокурор лично клятвенно заверил его, что ему заменять статью 64 УК РСФСР (измена родине, срок от 10 до 15 лет плюс 5 лет ссылки, или смертная казнь) на статью незаконный переход границы (максимальный срок до 3-х лет).

Грицай, выдал своего покровителя, дав все адреса, где тот мог быть. Националиста арестовали, а Грицая оставили в Лефортовской тюрьме в должности стукача и подсадной утки. В этой должности он к моменту моего заключения подвизался уже года полтора и благодаря своему усердию, отличной памяти, красноречию и некоторым актерским данным достиг большого успеха. Потом мне рассказывали, что КГБ год бился над одним арестованным – директором крупной фабрики, пытаясь узнать, каким образом тот получал крупные суммы. К нему в камеру подсадили Грицая и тот несколько месяцев ухаживал за ним, изображал его лучшего друга, пока не вывел суть махинаций, которые по бухгалтерским документам было невозможно установить. Постепенно Грицай стал королем среди обширной армии стукачей Лефортовской тюрьмы. Как я узнал уже в лагере, до меня его подсаживали к Илье Глейзеру (которого посадили за возмущение клеветой советских газет об Израиле), где Грицай изображал из себя лучшего друга еврейского народа.

Продержали меня с Грицаем месяцев шесть. Все это время он усердно меня обхаживал, изображая из себя заботливого друга, ненавистника коммунистического режима и опытного заключенного. Однако выудить из меня ему ничего не удалось, несмотря на то, что первые два месяца, подобно большинству, попавшему впервые в советскую тюрьму, я находился в шоковом состоянии. Помогло простое правило, которого я придерживался всегда: никому и никогда не говорить ничего такого, что знать ему не обязательно. Позднее в лагере я узнал, что это правило было у украинских националистов сформулировано более кратко: не говори кому можно, а говори кому нужно. Кроме того, в отношении Грицая у меня появились подозрения, которые росли по мере общения с ним. И детали разговора с ним, которые становились известны КГБ. И то что он подонок как я вскоре понял. А негодяям я вообще не доверяю. А также некоторые странности его поведения. Например, нам всем приходили переводы по 10 рублей от родственников на ларек. Грицу такими переводами никогда не приходили. Тем не менее, на счету у него была солидная сумма, которая росла. Когда нас заставляли расписываться на личном счете за расходы на ларек, Грицай всегда старался встать у кормушки так, чтобы загородить свой счет. Как я узнал позднее КГБ своим штатным стукачам начисляло по 15 рублей в месяц. Учитывая расходы 10 рублей на ларек, заработка стукачей составлял всего 5 рублей в месяц. Недорого же ценят коммунистические правители своих верных псов.

Вспоминается и другой случай, когда мне стали сообщать стуком через стенку из соседней камеры, что то касающееся Грицая. Как он разнервничался и грубыми ударами в стенку спровоцировал вызов надзирателя.

Грицай в составе советских войск участвовал в подавлении народного восстания в Венгрии в 1956г. И был награжден за это орденом. Он рассказывал о бойне, которую там устроили «лучшие друзья венгерского народа» и о том, что он лично убил шестерых венгерских школьников.

Второй сосед по камере – узбек, несомненно, тоже состоял в доносчиках в КГБ и был приставлен, чтобы наблюдать за мной и Грицаем. Только вряд ли ему платили, скорее всего, он служил за надежду, обещание меньшего срока или помилование. Основная масса стукачей покупается по дешевке именно таким образом. И мне неизвестно ни одного случая, когда КГБ сдержал свое обещание. Да и всегда можно сказать, что иначе ты бы получил больший срок.

Этот узбек был как бревно. Интересовался только женщинами и деньгами. Надоедал нам своими рассказами о своих сексуальных победах, достигаемых ресторанами и деньгами. Был он толст, безобразен и непрерывно портил воздух так, что в камере нечем было дышать. Однажды женщина-надзиратель открыла кормушку, наклонилась к ней и на нее пахнуло таким зловонием, что ей стало дурно.

Проблема воздуха очень острая в камерах. В таких клетках по норме положено два метра на человека. Кормят плохо и все мучаются желудком и газами. Один из моих сокамерником перед спуском газов обычно подносил к заду спичку. Пламя иногда поднималось выше головы, а однажды на нем загорелась одежда. При использовании такого метода запаха сероводорода почти нет, но появляется более слабый запах чего то горелого.

Когда узбек спал днем, то Грицай сидел недалеко от него наготове со списками и спящий узбек напоминал огнедышащий вулкан. Узбек - бывший директор вагона – ресторана. Он за крупную сумму под видом практиканта завез в пограничную зону Средней Азии человека, который попался при переходе границы.

5. Допросы. Вменяемая литература

На допросы меня вызывали 2 – 3 раза в неделю. Все они относились к литературе, изъятой у меня и моих подельников. И, прежде всего, к издаваемому мною с Балакиревым общественно-политическому самиздатовскому журналу «Свободная Мысль». До ареста мы сумели выпустить два номера и подготовить третий.

В первый номер были включены статьи (по памяти):

1. От самиздата к Колиздату.
2. К итогам выполнения 8-го Пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. 1966-1970 годы.
3. К вопросу сравнения жизненного уровня трудящихся СССР и капиталистических стран.
4. Фотография как метод размножения документации.
5. Краткие сообщения.
6. Новости литературы.

Позднее примечание: Первую статью написал Балакирев (призыв к коллективному изданию), все остальное я. Опубликовано: «ВОЛЬНОЕ СЛОВО». Самиздат. Избранное. Документальная серия. Выпуск 7. Посев, 1973.

Во второй номер были включены работы:

1. О наших проблемах.
 2. Азбука конспирации.
 3. Здравоохранение в СССР и зарубежных странах.
 4. Гектография*.
 5. Краткие сообщения.
 6. Новости литературы.
-

* Простейшие методы размножения.

Первый номер этого журнала попал за границу и был опубликован в журнале «Вольное Слово», №7 за 1973г.

Статья «К итогам выполнения 8-го Пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, 1966-1970 гг.» была написана мной. В этой работе были взяты «Директивы XXIII съезда КПСС по VIII-му пятилетнему плану, изданные в 1966г., где писалось, что мы будем иметь в 1970г и вычислены приросты каждого вида продукции за 5 будущих лет. Затем взята февральская газета «Известия» за 1971г с сообщением Центрального Статистического Управления за 1970г и вычислены фактические приросты продукции. Там, где давалась «вилка», брались средние значения. Их отношение дало фактический процент выполнения плана прироста по каждому виду продукции.

Выявилась неприглядная картина. Из 47 запланированных показателей выполнены были три несущественных. Например, продажа мебели населению в рублях. Здесь даже было перевыполнение плана. Но достигнуто это было за счет крупного повышения цен на мебель. Фактическая же продажа мебели в штуках даже понизилась. По остальным же показателям план прироста был выполнен на 15, 20, 30, 50%, по отдельным показателям процент выполнения плана достигал 60 – 85%. В среднем было около 50%.

Как же можно считать пятилетний план успешно выполненным, задавал я вопрос в этой работе, если из 47 показателей выполнены только три? И затем приводил цитаты из советских газет, где говорилось: «Только под мудрым руководством коммунистической партии, смогли мы не только выполнить, но и перевыполнить 8-ой пятилетний план».

Я вспоминал собрания на нашей кафедре, посвященные выполнению и перевыполнению очередного пятилетнего плана и удивлялся тому как преподаватели и ученые мужи важно слушали и повторяли утверждения пропагандистов. Никому в голову не приходило взять старые директивы, сообщения ЦСУ и проверить самому. Никто не предполагал, что лож может быть такой наглой и циничной. Собственно натолкнуло меня на такую проверку одно упоминание в самиздатовской литературе о том, что по многим показателям первый пятилетний план не был выполнен.

После этого я решил проверить выполнение Программы строительства коммунизма к 1980г, принятую XXII съездом КПСС. На этом съезде в 1961г были заданы контрольные цифры того, что будет иметь СССР в 1970 и 1980 гг. 1970г прошел, данные по нему были опубликованы и за первое десятилетие строительства коммунизма можно было подвести итоги.

Здесь выявились вообще ужасающая картина. Ни по одному показателю намеченные контрольные цифры не были выполнены. План прироста в лучшем случае был выполнен на 15% .

И вообще я стал подозревать, что основные контрольные цифры ни по одному из

советских пятилетних планов не были выполнены. Рост, конечно, был, но он был далеко не таким, как его планировали и каким представляла коммунистическая пропаганда.

Следователь считал эту работу антисоветской и клеветнической и только с такими эпитетами записывал ее в следственных документах. Эти же эпитеты он упорно пытался вставлять в мои ответы. Когда же я стал протестовать и говорить, что всякий может взять указанные издания и проверить, то он стал писать: «Все цифры правильные, но выводы неверные!» Получалось довольно забавно, как в утверждении: Иванов имеет рост 2 метра, Петров 1,5 метра, но вывод, что Иванов выше Петрова – неверен.

Когда я ему стал указывать, на это несоответствие, то, не вытерпев, он завопил: «И зачем это, Болонкин, вам надо было. Если каждый начнет проверять правительство, то что будет? Установили несоответствие и помалкивали бы!»

Вообще же всяких разговоров на тему, где лож и клевета, кагебисты всячески избегали, Говорили, что данные произведения признали клеветническими на предыдущих процессах или, что это установит экспертиза. Как будто печать сообщала о предыдущих процессах и публиковала списки запрещенной литературы.

Второе мое произведение, к которому они особенно цеплялись, это большая работа «Сравнение жизненного уровня трудящихся СССР, России (Примечание: до 1917г) и основных капиталистических стран».

В 1969 году я захотел узнать о заработках и ценах на предметы первой необходимости в западных странах, чтобы получить хотя бы приблизительное представление об уровне жизни трудящихся капиталистических стран. Составил перечень необходимых данных: заработка, цены на предметы первой необходимости, жилье, здравоохранение, социальное обеспечение, народное образование. Обширные поиски в советской литературе оказались безрезультатными. Т.е., в ней было сколько угодно общих слов, трескотни о нищете, безработице, росте цен, трущобах, высокой плате за жилье и лечение, недоступности образования, высокой преступности в капиталистических странах, но невозможно найти конкретные цифры, например средние заработки разных профессий, сколько стоит мясо, молоко, сахар, хлеб в США, Англии, ФРГ, Франции. Какова стоимость радиоприемника, телевизора, мебели, автомобиля, квадратного метра жилья. Каковы размеры пенсий, пособий по безработице. Очень редко попадались отрывочные сведения о зарплате, организации системы социального обеспечения и здравоохранения.

В поисках этих материалов я узнал о существовании в научном зале Ленинской библиотеки комнаты №13, где по специальным ходатайствам выдавали зарубежные журналы, литературу, а также некоторые советские издания, предназначенные для служебного пользования.

Под предлогом научной работы я оформил в МВТУ специальное письмо в этот спецфонд. Оно давалось на текущий год и ежегодно должно было возобновляться.

Комната эта оказалась в дальних закоулках верхнего этажа служебных помещений. Материалы (судя по каталогу) оказались действительно обширные: зарубежные журналы, книги в первую очередь по истории, философии, которые были запрещено выдавать советским трудящимся; журналы, книги, периодика времен февральской революции и октябрябрьского военного переворота, советская литература, изъятая из обращения, труды «врагов народа», отчеты по зарубежным командировкам сотрудников научных учреждений.

Самое же главное, здесь оказались отчеты ряда институтов (в частности, им. Семашко) и ЦСУ со статистическими данными, публикуемыми во всех странах, но закрытыми в СССР. Это данные о состоянии здоровья населения, венерических заболеваниях, пьянстве,

безработице, тайных налогах на предметы первой необходимости.

Вообще работа этого спецхрана была организована по типу советских секретных отделов. В частности, с литературой можно было знакомиться только в двух спецкомнатах, выдавать ее должны были только по тематике, указанной в ходатайстве учреждения и т.п.

Но, пользуясь некоторой неясностью формулировки в моем ходатайстве (изучение роста благосостояния советского народа) и невнимательностью некоторых сотрудников этого отдела, я просмотрел за два года около 150 – 200 советских работ и извлек из них массу непубликуемых, потрясающих данных, исписав в общей сложности 5 - 6 толстых тетрадей по 100 листов. Некоторые из этих материалов были просто уникальны. Так я помню справка «Семейные пособия в зарубежных странах», подготовленная для Совета Министров СССР, которая была отпечатана всего в 15 экземплярах. Другая книга «История НКВД с 1917 по 1930г», которая содержала данные о числе арестованных и судебных дел в тот период.

Эти данные были настолько интересны, показывали всю ложь и лицемерие коммунистических руководителей и пропаганды, что я решил написать работу « Сравнение жизненного уровня трудящихся СССР, России и основных капиталистических стран».

Работа эта получилась очень обширная , хотя содержала просто статистические сведения о жизненном уровне СССР, США, ФРГ, Англии, Франции и др. стран.

Ее пришлось разбить на 5-ть выпусков по 40-50 машинописных листов каждый. Как я помню, названия у них были такие:

1. Сравнение жизненных уровней трудящихся СССР в настоящее время и России до революции.
2. Сравнение жизненного уровня трудящихся СССР и основных капиталистических стран (заработка и цены).
3. Социальное обеспечение в СССР и в капиталистических странах (организация социального обеспечения, пенсии и сравнение их покупательной способности).
4. Здравоохранение в СССР и капиталистических странах.
5. Народное образование.
6. Жилищные условия. Другие вопросы уровня жизни.

Из этих выпусков успело выйти три. Выжимки из 4-го выпуска вошли в статью «Здравоохранение в СССР и западных странах», помещенную во втором номере «Свободной Мысли».

Некоторые данные из этой работы очень интересны и я их привожу по памяти (данные по СССР примерно на 1970г).

Так благосостояние основной массы населения России (т.е. крестьян) по сравнению с 1913 годом резко упало. Раньше крестьянин имел 6 -10 гектар земли, а теперь только небольшой приусадебный участок. Сильно уменьшилось количество скота, находящегося в личном пользовании крестьян. Оплата труда крестьян в колхозах была много ниже оплаты труда в помещичьих хозяйствах. Раньше крестьянин, работая на помещика, получал в день 70 – 90 копеек, если с лошадью (а 1 – 2 лошади имела подавляющая часть крестьянских хозяйств), то 3 рубля 20 копеек. Покупательная же способность дореволюционного рубля была в 4 – 6 раз выше покупательной способности советского рубля в 1970г.

Очень резко упала зарплата интеллигенции. Заработки рабочих одинаковой квалификации остались примерно те же самые.

Утверждение же советской пропаганды, что реальные доходы рабочих выросли в 7 – 8 раз, а крестьян в 10 – 12 раз, представляли наглую ложь. Это, в общем, видно и без всякого

анализа. Если на нынешнюю советскую зарплату можно еле-еле существовать, то на зарплату в 10 раз меньшую люди бы просто вымерли с голоду.

Интересно, что бесплатное медицинское лечение было введено еще при царе в прошлом веке вскоре после отмены крепостного права, а не большевиками как утверждала советская пропаганда. Образование при царе также было бесплатным.

При сравнении жизненного уровня СССР и капиталистических стран оказалось, что советский трудящийся получает примерно в 10 раз меньше американского, в 8 раз меньше английского, в 5 раз меньше французского и в три раза меньше итальянского труженика. Примерно во столько же раз меньше покупательная способность советских пенсий и пособий.

Ужасающим оказалось состояние здоровья населения СССР. В пересчете на сто тысяч населения, как это принято в статистических исследованиях, в СССР оказалось в 10 раз больше психических больных, в 7 – 8 раз больше туберкулезных больных, в 5 – 6 раз больше желудочных больных, чем в промышленно развитых странах Запада. По некоторым инфекционным заболеваниям заболеваемость в сотни раз превышала западные показатели.

Общее число психических и психоневрологических больных на конец 1969 года составляло около 3 миллионов (примерно 2960 тысяч) в то время как в США в тот же период их было около 300 тыс. человек. Примерно 1,5 миллиона человек в СССР проходило ежегодно госпитализацию в психических и психоневрологических больницах и диспансерах (примерно 50% на 50%). Огромное число людей до 50 миллионов в год болело гриппом и другими простудными инфекционными заболеваниями.

Большое число желудочных заболеваний, видимо, результатом плохого питания, а огромное число инфекционных заболеваний следствием плохих (скученных) жилищных условий.

Стремительно росли раковые заболевания. С 1962г по 1968г число их выросло в 3 раза. Что являлось следствием нарушения коммунистическими правителями моратория на ядерные взрывы и проведения невиданной серии ядерных испытаний. Из раковых больных 70% умирало в течении года и 90% в течении двух лет после обнаружения рака. Число вновь выявленных наркоманов в СССР было около 8500 человек в год, в то время как в США 6500 – 7000 человек. Число венерических заболеваний в СССР примерно соответствовало мировому уровню, но распределены они были неравномерно. Например, заболеваемость сифилисом в Грузии была в 3 раза выше мировых показателей. В Прибалтике заболеваемость гонореей и другими легкими венерическими болезнями была в 3 раза выше среднего уровня.

Число сердечно-сосудистых заболеваний в СССР было примерно на 25% ниже, чем в США. Но это болезни старческого возраста и советские люди, по-видимому, просто не успевали до них дожить.

Чудовищных размеров достиг алкоголизм и общее потребление алкоголя (без учета самогона). В пересчете на водку потребление алкоголя достигло 12 литров на человека в год, включая стариков, женщин и детей. По потреблению алкоголя СССР стояло на первом месте в мире, оставив далеко позади западные страны. Около половины этого количества составляла водка. С учетом самогона эту цифру следует увеличить на 40 – 60%. Производство и реализация пол-литра водки обходилась государству в 2,6 копейки, а продавалась она за 3,5 – 4,5 рубля. Вино также продавалось в 3 – 5 раз дороже, чем обходилось государству. При помощи алкогольных напитков государство изымало у населения 12,5% всех выданных населению денег. На почве алкоголизма пышным цветком

расцветали хулиганство, преступность и заболеваемость. Число только больных алкоголыми психозами в СССР превышало число всех психических больных в США. Крайне плохо было поставлено медицинское обслуживание населения в сельской местности. Около 30 – 50% медицинских должностей в сельских больницах занимали люди, не имевшие соответствующего медицинского образования. В сельских поликлиниках отсутствовало многое необходимое медицинское оборудование. В некоторых областях в сельской местности на одного врача приходилось больше больных, чем в странах Африки.

Но больше всего меня поразило тайное обследование безработицы в СССР или как они лицемерно называли Исследование трудоспособного населения, не привлеченного к общественно-полезному труду. Советский Союз оказался страной с самой высокой в мире безработицей 16,5% от трудоспособного населения. 40% от этого количества были доведены до того, что были согласны на любую работу. Безработицей были поражены мелкие города и поселки, где отсутствовали промышленные предприятия. Практически мне пришлось столкнуться с безработицей в ссылке, где было трудно устроиться в поселках рядовым советским гражданам. Особенно жаловались на безработицу женщины. Вместе с тем на многих новостройках, особенно в отдаленных районах, ощущалась острая нехватка рабочей силы. И она не могла быть привлечена из других районов ввиду отсутствия жилья. Безработица среди молодежи, окончившей 10 классов, превышала 20%.

Каким лицемерием звучали вопли советских пропагандистов о безработице в США, где в то время было около 4 миллиона безработных (около 4% работающего населения) и 5 миллионов вакантных рабочих мест, о которых коммунистическая пропаганда никогда не упоминала!

Огромной была разница в уровнях образования молодежи СССР и США. В США в то время существовало бесплатное 12-летнее обучение. Причем 11 - 12 классы соответствовали 1 – 2 –му курсам советских институтов. После чего половина молодежи оканчивали 2-х – 3-х годичные колледжи, т.е. по советским меркам в США половина молодежи получали неполное высшее образование, а половина – высшее образование. В то время как в СССР высшее образование получал только один из 16 бывших школьников.

При сравнении по годам обучения процент учащихся до 8 лет обучения совпадал, поскольку в СССР в то время существовало обязательное 8-летнее обучение. Но дальше появлялся разрыв, который становился катастрофическим, когда количество лет обучения достигало 16 – 20. СССР готовило кандидатов и докторов наук в сотни раз меньше, чем Соединенные Штаты.

Огромной была разница в жилищных условиях. В СССР приходилось 7,8 кв. метра полезной жилой площади на человека (11 кв.метра общей площади, включая кухню, туалет, коридоры и прихожие). В то время как в США на одного человека приходилось 33 квадратных метра общей площади. Только 1/3 советской жилой площади имели основные удобства (кроме телефона). В США же эта цифра достигала 90%.

В то же время советская пропаганда на весь мир трубила, что в СССР строится на 1000 человек населения больше жилья, чем любая страна мира. Однако, посмотрев соответствующие материалы, я убедился, что СССР строит (в пересчете на 1000 человек населения) в 8 раз меньше благоустроенной жилой площади, чем страны Запада. Если даже в число этой площади включить деревянные хибары, строящиеся в СССР населением своими силами в сельской местности, то и тогда в Советском Союзе строилось в 4-е раза меньше жилья, чем в Западных странах, например, в фашистской Испании.

Оказалось в СССР существует тайный так называемый налог с оборота на предметы первой необходимости, в результате чего они продаются в 3 – 5 – 10 раз дороже их производства и реализации. Это же относится и ко многим продуктам питания.

Такова была цена утверждениям коммунистической пропаганды и «цифрам», которые они приводили в открытых статистических справочниках, предназначенных для населения.

Один из документов вызвал большую тревогу кагебистов. Это был один из первых декретов советской власти, их собственный секретный приказ ВЧК №286 о создании тотальной сети осведомителей по всей стране, изданный в 1921 году. В нем говорилось, что в каждом учреждении, в каждом поселке или деревне должен быть минимум один осведомитель ЧК. Т.е. вся страна покрывалась гигантской сетью сотен тысяч осведомителей, обязанных доносить на своих знакомых и сослуживцев. Как бледно по сравнению с этой сетью выглядела царская охранка, имевшая всего 186 агентов, засыпаемых только в революционные организации.

В этом приказе давались рекомендации, как и кого вербовать (секретари, лифтеры, дворники и т.п.), как встречаться осведомителям с сотрудниками ЧК на конспиративных квартирах, как писать доносы под кличками, как оплачивать осведомителей, как избавляться от них, когда они стали ненужными.

Забавно, что если беспартийным осведомителям могли оплачивать их «труд» до 50% их основной зарплаты, то партийные осведомители обязаны были стучать бесплатно.

В документе также давались рекомендации по организации службы фильтров – слежке за подозреваемыми.

Это был страшный документ. Трудно было придумать более агитационный материал. Достаточно было знакомства с этим полуграмотным приказом, чтобы понять до чего докатилась коммунистическая верхушка.

Другой документ представлял собой выписку примерно на 3-х страницах плотного машинописного текста из «Перечня сведений, запрещенных к опубликованию в печати, в передачах по радио и телевидению», Москва, 1971г., 280 стр.

На этом перечне стоял гриф «Секретно». На одной стороне стояло: «Утверждаю» - Председатель Комитета по печати – Романов. На другой стороне: «Согласовано с КГБ».

В выписке перечислялись сведения, запрещенные к опубликованию в СССР. Из обширного списка я записал только некоторые:

- 1) Запрещено публиковать местожительство, состав семьи, маршруты поездок, места остановок и предполагаемых выступлений членов ЦК.
- 2) Запрещено публиковать количество судебных дел, преступлений, число заключенных, расположение мест заключения.
- 3) Запрещено публиковать сведения о стихийных бедствиях, неурожаях, падеже скота и т.п. в отдельных областях, республиках и в целом по стране.
- 4) Запрещено публиковать сведения о потерях советских войск в отдельных операциях всех войн, начиная с боев у Халхин-Гола в 1938г.

И многое другое. Например, запрещено публиковать расположение и напряженность электромагнитного поля, радиационной обстановки, расположение и мощности залежей полезных ископаемых.

Но мне запомнились два пункта:

- Запрещено публиковать о ловле рыбы советскими судами в международных водах некондиционными сетями.

Выходит, что СССР попирает международные соглашения и ловит рыбу сетями с некондиционными (т.е. уменьшенными) ячейками!

- Запрещено публиковать сведения о потоплении судов нейтральных стран во время войны советскими подводными лодками.

Выходит, что СССР их топило!

Вообще, когда почитаешь этот советский документ, то выходило, что «хозяевам советской земли» не положено знать ничего, кроме коммунистической пропаганды.

Два последних документа имели такую изобличительную силу, что ни один из них не был вменен и даже упомянут в обвинительном заключении. Кагебисты не нашли в них ни антисоветчины, ни клеветы!

Не были вменены также фотопленки и фотографии с обширной переводной зарубежной литературы, тайно издаваемой в СССР издательством «Мысль» для партийной верхушки (членов ЦК КПСС СССР и ЦК союзных республик). Эта литература, каждый экземпляр которой был пронумерован и рассыпался по специальному списку, хранилась в секретном отделе и после ознакомления подлежала уничтожению. Она переводилась и издавалась без разрешения авторов.

Я помню некоторые из имевшихся у нас произведений:

1. Мемуары Никсона, Аденауэра, Де Голля (Мемуары Де Голля, не те урезанные, изданные для населения, а полные).
2. Хрущевская шарманка (о методах советской пропаганды).
3. История КПСС (перевод с немецкого, автор, кажется, Вилли Шандорф).
4. История итальянской коммунистической партии, написанная итальянскими коммунистами и изданная на Западе. Здесь с ней можно было знакомиться только партийной верхушке.
5. Сравнительная энциклопедия СССР – США.

И многое другое.

В частности, был секретный доклад Хрущева на 20 съезде КПСС «О культе личности и его последствиях», фотографии отдельных выпусков «Бюллетеня почтовой информации ТАСС» и «Атласа».

Среди этой литературы была очень острыя, например, «Хрущевская шарманка». Только потому, что она была издана в СССР, она не вменялась как антисоветская и клеветническая. Однако даже невинные эмиграционные издания оптом объявлялись таковыми. Особую ненависть у кагебистов вызывали прекрасные исторические исследования, объемные книги бывшего работника ЦК Авторханова «Технология власти» (около 800 стр.) и английского историка Р. Конквиста «Великий террор» (650 стр.). Трясло кагебистов и от программных документов, например, «Программы Демократического Движения Советского Союза», которая вначале циркулировала по Союзу в машинописном исполнении, а потом попала на Запад за границу и была издана там типографским способом.

6. Следователи и тюремщики.

Для ведения следствия по нашему делу (номер этого дела, как я помню, был 383) была создана следственная бригада из 10 – 12 кагебистов под руководством капитана Трофимова А.В. В ее ведении было 6 арестованных: я, Балакирев, Шахlein, Юхновец, Заря и Рыбалко.

Дело Давыдова вскоре было выделено и передано Ленинградскому КГБ. По словам Трофимова Ленинградское КГБ прямо зубами вырвал дело на Давыдова себе (видимо им

вообще нечем было заняться, а премий и наград очень хотелось).

Вначале непосредственно ко мне был приставлен следователь Горшков С.Н.- бывший судья, хвалившийся тем, что когда он был судьей, то всегда давал максимальные сроки. Однако вскоре его заменил сам Трофимов, ведший меня до конца следствия. Это была какая-то мокрая, скользкая личность, готовая фабриковать, что угодно, лишь бы выслужиться перед начальством. Семейный человек, отец двух детей Трофимов однажды признался, что прежде чем ложиться в постель с девочкой он смотрит по картотеке КГБ, а как она относится к советской власти.

Время от времени появлялся начальник следственного отдела полковник Коньков Н.М., изображая из себя некого благодетеля, неустанно пекущегося о благе подследственных (разумеется, за чистосердечное раскаяние). Как-то он проговорился, что во времена Берии лично участвовал в пытках и сожалел, что сейчас иные времена и работа у них затруднена.

Вообще за время следствия мне пришлось повидать много следователей и работников КГБ. Все они отличались каким-то умственным убожеством, ханжеством, взаимной подозрительностью. Все как попугай повторяли газетные утверждения и указания начальства и меняли свои «мнения» со скоростью пропаганды. Характерно, что никогда мне не приходилось встречать и даже слышать о сотрудниках КГБ – евреях. Видимо Андропову нельзя отказать в полном антисемитизме.

Лицемерие их проявлялось во всем. И в показной вежливости и в вопросах о здоровье, питании, самочувствии. Как-то, увидев простуженного Горшкова, я поинтересовался его самочувствием. «Да вот сидишь тут около тюрьмы – здоровье теряешь!» - ответил он, не заметив издевательского смысла свои слов.

Однако эта показная вежливость быстро улетучивалась, когда им не удавалось получить нужные показания. Если вначале они предлагали сигареты и даже готовы были угостить бутербродом, то при отказе подписывать нужные им показания тон их становился все более сухим, появились скрытие угрозы (подумай о себе, о своей карьере, о семье) и, наконец, переходил в дикую сцену, в которой начальник следственного отдела Бардин с пеной у рта орал на меня: «Сгноим в лагерях, лишим ученых степеней, посадим семью! Ты у нас на коленях ползать будешь!!»

На все это я писал протесты и заявления, но все они, как и другие неугодные КГБ документы, таинственным образом исчезли из дела.

В отличие от МВД, где основным методом получения нужных показаний стали жестокие избиения, в Московском КГБ запретили прямые физические пытки (за возможным исключением шпионов – граждан СССР). Но система косвенных пыток, а главное психологического шантажа и давления была очень мощная и отработана на миллионах жертв.

Это, прежде всего, полная изоляция подследственного от внешнего мира, отсутствие свиданий с защитниками, родственниками, шантаж и запугивание со стороны следователей, многочисленные психологические приемы, обработка и «советы» сокамерников – стукачей. Невозможность ознакомиться с законодательством, полное бесправие и беззащитность, физические страдания.

Основные психологические приемы:

- Утверждение, что им у них есть неопровергимые доказательства и единственное спасение подследственного это правдивые показания, признание вины и чистосердечное раскаяние.
- Создание иллюзии, что им все известно. Намеки на действия подследственного, которые они могут предполагать, или которые им стали известны, но нет доказательств. Особенно

широко используется это при допросе свидетелей. Им говорят, что обвиняемый давал такую-то литературу, среди которой попадают 1 – 2 названия, которые он действительно давал. Свидетели ломают голову – откуда КГБ это стало известно и стоит ли запираться? Хотя не надо никакого ума, зная круг знакомых, предполагать кому мог подследственный давать или у кого мог взять изъятую у него литературу.

Родственников заверяют, что единственная возможность у них помочь подследственному – это все рассказать и подписать нужные КГБ показания. При этом стараются натравить жену на мужа и наоборот, намекая на измену, любовников, сокрытие доходов и т.п.

- Утверждения, что все подельники каются и все валят на подследственного, что сопровождается иной раз чтением выдержек из сфабрикованных правдоподобных показаний. Утверждение или внушение через стукачей, что в результате запирательства он останется в дураках. Стараются сгладить подследственных между собой, передовая им случаи недобросовестности или отрицательные высказывания друг о друге или просто сочиняя гадости.

В отношении инакомыслящих перебирается вся биография, опрашиваются сотни знакомых, с тем, чтобы пришить ему добавочно какое-нибудь уголовное дело или дискредитировать его. Угрожают и угрожают его девушку дать показания, что он ее изнасиловал. Так в отношении меня было перебрано около 12 уголовных статей, начиная от измены Родине до подделки документов. И только моя решительная и непреклонная позиция, полное отсутствие каких-либо доказательств, заявление, что я самым решительным образом буду выступать на суде против каких-либо уголовных статей, привели, как я потом убедился в политическом концлагере в Мордовии, к тому, что я был единственным политзаключенным, имевшим только 70 статью УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

Показания допрашиваемых свидетелей переиначиваются и записываются в нужном для следователя духе. Инакомыслящих заставляют делать гадкие или отрицательные высказывания о выдающихся борцах за права человека. Помню как Трофимов пытался сделать подобные высказывания об Андрее Дмитриевиче Сахарове от моего имени. Задал мне вопрос о моем отношении к его деятельности и когда я сказал несколько хороших слов и стал перечислять его титулы и награды Трофимов разозлился и стал кричать, что Сахаров ненормальный и его давно пора упрятать в психбольницу и отказался записывать мои слова.

Вообще допросы представляли собой сплошные препирательства. Я записывал вопрос, обдумывал его, записывал ответ и начинал диктовать. Это совершенно не устраивало кагебистов поскольку они привыкли записывать ответы в нужном для них духе. По отдельным ответам мы препирались по часу и более. Трофимов уходил с допросов вымотанный и кричал: «Болонкин с вас приходится все вытягивать. Вы даете показания, когда припрешь вас к стенке. Вот Юхновец только задашь ему вопрос говорит и говорит пока его не остановишь!»

В одном из допросов он применил следующий психологический прием:

«Будете говорить Болонкин или нет? Ах, нет! Ну, тогда пеняйте на себя!» Он вскочил и побежал звонить в другую комнату.

Я сижу и жду, что сейчас ворвутся дюжие кагебисты и начнут меня пытать. Ожидание, учитывая психологическую обстановку там и прошлые деяния КГБ, скажу далеко не приятные. Наконец входит Трофимов и заявляет торжествующим тоном: «Все! Вопрос о вас решен!»

И мы снова сидим молча в ожидании чего-то. Кончается тем, что он вызывает тюремщика, который уводит меня в камеру.

Взаимное доносительство в ведомстве Андропова, по-видимому, основа основ его организации. Под окном одной из моих камер был гараж КГБ. Один шофер приглашает другого выпить. Второй отвечает: «С тобой выпьешь, а ты потом пойдешь и донесешь».

Нынешними ограничениями в физических воздействиях кагебисты были очень недовольны. Это проявлялось в постоянных жалобах на то, что подследственных им, якобы, трудно вызвать для допросов. То у подследственных завтрак, то обед, то ужин, то прогулка (30 мин в бетонном колодце). «Невозможно работать», возмущались кагебистские следователи.

Трофимов сам жадно читал и носил домой, изъятую у нас самиздатовскую и западную литературу. И в душе, видимо, никак не сомневался в правдивости этой «антисоветчины и клеветы». Однажды он вознегодовал: «Вот вы все пишите о кровавом КГБ и уничтожении миллионов невинных людей в сталинских лагерях! А знаете сколько было уничтожено сотрудников НКВД Сталиным!»

-«Диктаторы не любят исполнителей грязных дел и стараются избавиться от них как свидетелей», - ответил я.

О физических страданиях и неудобствах, представляющих по сути дела форму косвенных пыток, я уже говорил. Это однообразное, отвратительное питание, отсутствие должной медицинской помощи, жесткая постель, круглосуточный слепящий свет, а главное полная информационная изоляция. В случае отказа подследственного от показаний, эти условия ужесточаются. Подследственному пришивают какое-нибудь «нарушение» режима и сажают в легкой одежде в холодный карцер на черный хлеб (400 гр. в день) и воду, где на ночь для сна отстегивается доска.

"Хорошая" камера ШИЗО. Она имеет маленький умывальник и затычку туалетного отверстия. Не видно также торчащих болтов на откидных нарах (Пермь №36). В камерах, где более года (400 суток) продержали Болонкина, в качестве туалета использовалась огромная железная никогда не мытая вонючая параша с засохшими фекалиями –часто обычная 200-литровая железная бочка.

Заболевание подследственного используется как средство давления и косвенных пыток. Ему не говорят, чем он болеет, какие ему дают препараты. Практически его не лечат. В лучшем случае при угодном КГБ поведении, ему дают болеутоляющие средства. Диета является чуть улучшенным тюремным питанием. Она дается только в двух случаях: раковым, предсмертным больным и больным с последней стадией язвы желудка. Например, на мои жалобы на постоянные боли в желудке в связи с острым гастритом, дуоденитом, низкой кислотностью и обострением всех этих болезней в связи с переходом на тюремную баланду, тюремная «врач» не нашла ничего лучше как посоветовать делать приседания, чтобы проталкивать через себя тюремные суррогаты.

Во главе Лефортовской следственной тюрьмы стоял полковник Петренко – бывший следователь КГБ. Он вел знаменитое дело Рокотова и группы о тайном производстве в артели инвалидов шерстяных кофточек, в результате чего эта группа нажила несколько миллионов и перекупила все московское ОБХС и милицию. Дело раскрыли благодаря клятвенным уверениям КГБ, что в случае чисто сердечных показаний подследственным гарантируют жизнь и небольшие сроки заключения. Да и соответствующая статья уголовного кодекса предусматривала небольшие сроки наказания в то время за подобную деятельность. Однако раскрыв масштабы наживы, коммунистические правители ввели в эту статью в качестве меры наказания смертную казнь, огромные сроки и применили обратную силу закона, что вызвало большое возмущение зарубежных юристов.

Поскольку лица с моим положением не так часто попадали в Лефортово, Петренко по разным поводам несколько раз вызывал меня к себе, вступал в беседы, предавался воспоминаниям и рассказал об этом деле.

Заместителем Петренко по политической части был подполковник Степанов, окончивший какую-то политическую академию и ходивший подобно новобранцу, увешанный значками. Он любил приходить в мою камеру и пускаться в воспитательные беседы.

«Вот Болонкин вы увидели на стене маленько темное пятнышко и уставились на него. А посмотрите, стена, в общем, вся белая и чистая!»

- «В том то и дело, что вся стена настолько грязная и загаженная, что на ней трудно отыскать белое пятнышко!» - иногда я вступал с ним в спор.

Он был чем-то вроде попугая, повторявшего стереотипные газетные фразы и штампы пропаганды и не имевший ни одной собственной мысли.

Второй заместитель начальника тюрьмы подполковник Поваренков был серая скользкая и беспринципная личность не оставивший в моей памяти ни одной зарубки.

7. Другие камеры.

Месяцев через шесть меня перевели в другую камеру, где был молодой парень - валютчик, люто ненавидевший кагебистов. Он был уже осужден и его вызвали из лагеря по делам его друзей валютчиков. Другой сокамерник был мужчина лет 30, который представился также как валютчик, но как я узнал впоследствии, был бывший сотрудник МВД, осужденный за какие-то махинации и оставленный в Лефортово в должности стукача.

Молодой парень учился в техникуме, но чтобы подзаработать скапал у туристов доллары по 2 – 3 рубля. Они, конечно, меняли их с радостью, ибо по официальному курсу им дают всего 70 копеек, что в 5 - 8 раз было ниже фактической покупательной способности доллара. Во всяком случае, грузины с удовольствием скапали доллары по 9 – 10 рублей. Золотари

также с удовольствием скупали их с целью обмена при помощи иностранцев на золото в Госбанке СССР (тогда оно стоило 1 – 2 доллара за грамм) и последующей его продажи грузинам по 18 – 19 рублей за грамм, что было ниже официальной продажной цены (около 21 – 22 рублей за грамм). Собственно говоря, вопиющее несоответствие доллара и рубля и породило армию валютчиков и золотарей, которыми в основном и была заполнена Лефортовская тюрьма.»

Молодой парень с удовольствием делился техникой своей деятельности. Говорил, что следует опасаться переводчиков, в обязанности которых входит обо всем доносить в КГБ, сексотов (секретных сотрудников) и фильтров, обычно сопровождающих иностранцев. Сделав обмен, он тут же засовывал доллары в спичечный коробок или старую пачку из под сигарет и незаметно выбрасывал их в урну, в кусты или на газон. Приходил и забирал их спустя несколько часов, убедившись, что за ним нет слежки. Благо в Советском Союзе урны и газоны чистятся редко.

Пробыл я с ним неделю. Высказывания парня о кагебистах не понравились КГБ и меня вскоре снова перевели в другую камеру.

Вообще в Лефортовской тюрьме каждые 3 – 5 месяцев переводят в новую камеру. Все они стандартные трехместные и сидят там по 2 – 3 человека. Однако никогда не сажают вместе людей с одинаковыми статьями, а тем более не сажают вместе политических. Не сажают политических и через стенку во избежание перестукивания.

Однажды ошиблись и посадили меня в камеру, где за стенкой сидела Ирина Бологородская. Ее привезли, кажется по делу Якира. Мы смогли обменяться перестукиванием только приветствиями как на следующий день меня перебросили в другую камеру.

За 1,5 года пребывания в Лефортово из камеры в камеру проводились 5 – 6 раз, не считая переводов всей камеры целиком по причине ремонта. Перед моими глазами прошли десятка полтора валютчиков, спекулянтов, грабителей иностранцев, лиц подозреваемых в шпионаже. Большинство из них были стукачами, стучавшими за надежду на досрочное освобождение. Вообще за все время пребывания в Лефортово (а потом и позднее за 15 лет пребывания в тюрьмах, концлагерях и ссылке) в моем окружении всегда был стукачи.

Наиболее крупным и поучительным из сокамерников было дело Глота. Будучи **зувным** техником, Он однажды достал алмаз и с целью его огранки познакомился с одним из сотрудников московской фабрики огранки алмазов. Тот предложил ему для продажи алмазы, бриллианты и Глот занялся их перепродажей, разумеется, с немалой для себя выгодой. Перепродаив в основном грузинам, которые торговали на рынках в России дикими грузинскими цветочками, фруктами и имели большие доходы. Грузины стремились превратить бумажные советские деньги в подлинные ценности: бриллианты, золото, доллары. Сотрудники фабрики получали алмазы методом «наращивания», который учетными документами невозможно было обнаружить. Огранщик покупал небольшой алмаз, брал на фабрике в обработку более крупный, заявлял, что алмаз во время обработки раскололся и предъявлял в качестве обломка алмаз меньшего размера. Эта операция повторялась несколько раз. В итоге в его руках оказывался довольно крупный алмаз, который он обрабатывал и получал дорогостоящий бриллиант. Насколько я помню, бриллианты в 4-8 карат (карата 0,2 гр.) грузины покупали за 6 – 10 тысяч рублей.

Глот залмел машину, квартиру, переправил несколько бриллиантов в Израиль и решил туда поехать сам. С собой захватил один из бриллиантов. При таможенном досмотре у него его нашли. Нет бы упереться, что он его нашел или подарила умершая бабушка или еще что-нибудь в этом духе! Тогда при всем желании ему не могли бы ничего сделать. Так он

клюнул на обычную наживку кагебистов: угрозы сгноить в тюрьмах и клятвенные обещания, что ему ничего не будет, если он все честосердечно расскажет.

Глот выдает всех своих сообщников, их деяния, покупателей, выворачивается буквально наизнанку. Сидевшие вместе с ним рассказывали как он бегал по камере, схватившись за голову, и бормотал: «Ну, кого я еще забыл?»

В подобных делах оказалась замешанной буквально вся небольшая алмазная фабрика. Брали партиями человек по 30, с набором и обучением новых сотрудников, чтобы не останавливать производство.

Финал этой истории типичен и поучителен. Если в начале следствия кагебисты гарантировали Глоту освобождение, то после окончания следствия ему уже говорили, что с учетом его помощи ему дадут 7 лет.

На суде же ему заявляют, что он достоин смертной казни, но, учитывая его честосердечное раскаяние, ему заменяют ее на максимальный срок заключения - 15 лет.

Другие участники получили по 7 – 14 лет. Сажали не только продавцов, но и покупателей.

Так я помню по приговору проходила одна женщина с Кавказа, вся «винна» которой состояла в том, что она купила бриллиант. При обыске у нее нашли шкаф полный денег – 80 тысяч. Она сумела доказать, что 30 тысяч ей оставила в наследство умершая мать. Откуда остальные деньги установить не удалось. Муж продавал пирожки и имел зарплату 80 рублей в месяц. Сама неработающая домохозяйка, двое детей. От причастности к деньгам, муж категорически отказался. Деньги конфисковали (а заодно и все имущество) и ей дали 8 лет концлагерей.

Один из подсудимых пытался покончить самоубийством, вскрыл себе вены. Суд прервали на 3 дня, поставили его на ноги и влепили положенные ему 12 лет. Из этой истории вышел один человек, с которым я некоторое время сидел. Фамилию его я забыл, а имя Захар. Глот на него говорил, что он летал с ним на Кавказ якобы для продажи бриллиантов. Но Захар уперся, что он лично летал на день рождения к своему другу. Проверка показала, что в эти дни у друга действительно был день рождения, но торжества не было и друг не был дома. Захар был единственный, кто с самого начала категорически не признавал свою вину и кроме показаний Глota никаких доказательств не было. Тем не менее, ему дали 5 лет – минимальный срок из всех участников. Однако кассационная инстанция вынуждена была отменить этот решение и направить его дело на новое расследование. С ним мы встречались, когда он уже несколько месяцев ждал этого «расследования». Он был еврей и единственный из всех моих сокамерников, кто понимал суть коммунистического режима.

О Глote я еще раз услышал при этапировании в ссылку в 1976г. Один из попутчиков рассказал, что Глот сидит в их уголовном лагере, работает там библиотекарем и говорит, что посадили его за желание уехать в Израиль.

Длительное время я сидел вместе с одним спекулянтом иностранными товарами Юрием Гельман. У него было знакомство с таможенниками и при их помощи он покупал партии заграничных товаров, например, часы по 100 штук, которые перепродаивал более мелкими партиями с наценкой. Это была его вторая ходка в тюрьму. Первый раз он также сидел за спекуляцию.

Пришлось сидеть и с бывшим журналистом районной подмосковной газеты, который подвыпил, купил игрушечный пистолет и попытался с приятелем ограбить прохожего, а тот на их несчастье оказался французским журналистом. Стоили филеру сообщить по связи как тайные филеры КГБ, сопровождавшие журналиста, изображая из себя мужественных советских граждан, задержали убегавших от страха дебютантов грабежного бизнеса.

Молодой парень 22 –х лет сразу заявил, что его мужское достоинство 22 см и развлекался воспоминаниями о своих сексуальных похождениях. Ранее он служил в пограничных войсках на Дальнем Востоке и много рассказывал о ловле лиц, бегущих из социалистического рая.

Побывал среди моих сокамерников и бывший начальник отдела ЦСУ (Центрального Статистического Управления). От него я узнал о виде преступления, характерного только для «социалистического» общества. Он распределял за взятки электронно-счетные машины по организациям. Забавно, что взятки ему давали организации, остро нуждавшиеся в вычислительной технике. Он, в частности, сказал, что в СССР около 15 миллионов заключенных, причем 7 – 8 миллионов в тюрьмах и концлагерях и 7-8 миллионов так называемых «химиков», условно освобожденных и направленных в качестве рабочего скота на отдаленные стройки.

Один из последних сокамерников с кем мне пришлось сидеть это валютчик Лебедев Александр Васильевич по кличке Артур. Его оборот достигал полмиллиона рублей, а сумма наживы 100 или 200 тысяч рублей. Отдельные операции ему приносили до 10 тысяч дохода. О сути этих операций я уже говорил. Это покупка на доллары золота в банке (при помощи иностранцев) и перепродажа его грузинам.

Процесс его состоялся, он получил 6 лет и был, как я теперь уверен, оставлен в Лефортово, в качестве стукача, хотя официально ждал кассационного решения.

Артур усердно просвящал меня о якобы легальных способах добычи денег. От сбора на Кавказе дикой мимозы и продажи ее в Москве, до скупки фруктов на Украине, доставке их в северные и восточные районы СССР и сдаче в кооперацию вагонов с яблоками.

Он посоветовал и усердно помогал мне спрятать в сигареты и обложку книг выписки из моего дела. Разумеется, все эти выписки были найдены при отправке меня из Лефоровской тюрьмы.

Из других заметных дел, о которых мне приходилось слышать за время пребывания в Лефортовской тюрьме это дело широко известного устроителя и ведущего телевизионных передач КВН Саши Он оказался замешан в каких-то валютных делах, получил 10 лет, но через год был помилован. После его ареста столь популярная передача КВН прекратилась.

Рассказывали о двух женщинах, работавших в пункте обмена валюты для иностранцев. Они утаивали часть валюты и продавали ее оптом по 3 – 4 рубля за доллар. Эта система отлично работала несколько лет, дала им десятки тысяч рублей дохода, пока их не заложил провалившийся покупатель.

По-видимому, кабисты при ведении финансовых дел получали какие-то премии и награды в зависимости от взыскиваемой суммы, т.к. они становились просто бешеными в начислении иска. Мало того, они конфисковывали все имущество и оценивали его очень низко (чтобы их сотрудники могли купить его за бесценок в закрытом магазине), они навешивали на подсудимого иск, часто исчислявшийся десятками и сотнями тысяч рублей. Учитывая символическую плату за каторжный труд в советских концлагерях, погасить подобные иски было невозможно за тысячи лет. Правда такие крупные иски относились только к валютчикам и крупным делам, которые вело КГБ и число которых невелико. За время этапирования в Сибирь я повидал сотни уголовников, мелких воришек, жуликов и хулиганов, сидевших за украденную банку консервов или бутылку водки. Их иски редко превышали сотню рублей. Но даже выплата таких небольших исков при ничтожной оплате труда заключенных растягивалась на многие годы.

Например, мне был предъявлен иск на 75 рублей как моя доля якобы за оплату перевода для КГБ книги Р. Конквиста «Великий террор» (никакого перевода в деле конечно не было). Несмотря на ежемесячные вычеты без каких либо ограничений почти за три года каторжной работы в концлагере из этой суммы погасили только 52 рубля.

В спецфонде Ленинской библиотеки мне попался однажды документ, в котором говорилось, что на 1969г в погашение исков с заключенных вычитается ежегодно около 200 млн. рублей и общая их задолженность государству равна 400 млн. рублей.

8. Описание тюрьмы. Условия содержания.

Лефортовская следственная тюрьма КГБ это 4-х этажное здание, напоминающее в плане букву «К». В тюрьме около 160 – 170 камер примерно по 6 квадратных метров каждая. Нормальная емкость каждой камеры 3 человека. Таким образом, общая емкость камер около 500 человек, но при необходимости может быть доведена до тысячи (установкой двухярусных шконок). Как известно, в Москве есть еще две большие тюрьмы МВД - Бутырская и на Матросской Тишине. В первой по рассказам уголовников находится примерно 10 – 15 тысяч заключенных, а во второй около 5 – 8 тысяч. Кроме того, была еще большая тюрьма на 6 – 8 тысяч человек на Таганке, но в связи со сносом здания ее перевели куда-то в иное место. Мне говорили, что в подвалах мрачного здания КГБ на площади Дзержинского также есть камеры для заключенных.

В плотную к тюрьме примыкает 3-х этажный следственный корпус. В нем расположены следственные отделы Управления КГБ по Москве и Московской области и по слухам следственный отдел Общесоюзного Управления КГБ. Вплотную к тюрьме примыкает корпус, в котором расположено Управление тюрьмы.

Внутри замкнутого тюремного двора расположены каменные или бетонные колодцы с решетками наверху для прогулок (по официальной терминологии – прогулочные дворики). Это маленькие участки примерно 3x5 метров, огороженные высокой каменной стеной. В некоторых тюрьмах сверху они закрыты решеткой или сеткой. Наверху сделан настил, по которому ходит надзиратель.

Выводят в колодцы покамерно примерно на 1 час ежедневно. Система передвижения построена так, чтобы заключенные разных камер никогда не видели и не встречали друг друга. В центре тюрьмы стоит регулировщик с флагштоком, который дает разрешение на вывод заключенного из камеры только в том случае, когда все остальные заключенные закрыты в камерах. За 1,5 года пребывания в Лефортовской тюрьме я лишь однажды случайно встретился с Балакиревым и сопровождающие нас тюремщики-конвоиры тут же нас быстро развели.

Наиболее тягостно переносится полная изоляция от внешнего мира. Письма не пропускают и не отправляют. Радио нет. Правда говорят, что в обычных тюрьмах, где висит репродуктор, он служит постоянной причиной разногласий и скандалов среди заключенных, т.к. одни хотят его слушать, а другие нет. Из периодики выдается на короткое время только газета «Правда». Есть в библиотеке несколько хороших книг, изданных еще издательством «Академия» в 20-е годы и конфискованных у «врагов народа» во время массовых репрессий 20 - 30 годов. Но получить их трудно. Обычно выдают книги какие попало 2 – 3 штуки на 10 дней. В библиотеке нет ни одного учебника иностранного языка, хотя их постоянно спрашивают. Труды Ленина выдаются по специальному разрешению. Выдаются шашки,

шахматы, домино. Заключенные обычно играют в шахматы до одурения по 40 партий в день.

В баню (точнее в камеры – душевые) выводят один раз в 10 дней. Дважды в неделю выдают бритвенные принадлежности (закрученные безопасные бритвы) для бритья.

О питании я уже упоминал. Это постная каша или баланда утром, баланда и каша в обед и каша в ужин. Каша из сечки, овса или пшенная из воды и зерна без признаков жира. Никогда не дают манную или рисовую кашу. Суп также из сечки или пшена, иногда с рыбными отходами. Изредка винегрет и кусочек селедки. Все это плохо приготовленное и безвкусное. Пишу разносит обслуга из заключенных под наблюдением надзирателя. Поскольку многие не в состоянии есть подобную пищу и некоторые блюда остаются, при желании иногда можно запросить добавку.

Для подследственных, если не лишат, разрешается ларек до 10 рублей в месяц. Два раза в месяц надзиратель обходит камеры и записывает кому, что купить. Ассортимент строго регламентирован. Это колбаса (по 3 – 5 рублей за кг.) 0,5 кг., сахар 0,5 кг., сыра 0,5 кг., хлеб белый или сухари 1 кг., тетради, шариковые ручки, карандаши, конверты, махорка, спички.

Напомню, что это не значит, что вы можете все это взять, ибо общая сумма ограничена 10 рублями.

Для подследственных один раз в месяц (если следователь им доволен) разрешается передача до 5 кг, либо посылка такого же веса. Ассортимент передачи строго определен: колбаса 0,5 кг, сахар 0,5 кг, сыр 0,5 кг, сухари 2 кг., овощи или фрукты 0,5 кг, табак. Ассортимент посылки может отличаться, но связано это с тем, что тюремщикам просто лень отсылать посылку обратно. Вся упаковка удаляется и все продукты тщательно осматриваются и заворачиваются в бумагу тюрьмы, все консервы вскрываются и содержимое перекладывается в посуду тюрьмы.

Отсутствие информации, полная изоляция, убожество сокамерников, взаимная подозрительность и доносительство, наглая фабрикация дела, полная беззащитность, создают очень тяжелую психологическую атмосферу. Часты случай самоубийств. Для пресечения таких попыток все металлические, острые или колющие предметы и ремни отбираются. Запрещают спать с головой укрытой одеялом и т.п. Так станок для бритья специальной конструкции устроен так, что лезвие для бритья можно вынуть только при помощи специального ключа. Иглы с нитками для ремонта одежды выдают только на короткое время и постоянно наблюдают.

Однажды парикмахер забыл бритвенный прибор в нашей камере и не мог вспомнить в какой камере он его оставил. О Боже, что тут началось. Вначале тюремщики обошли все подозреваемые камеры, спрашивая, не был ли у вас оставлен станок. Мы, конечно, сказали нет и тщательно его спрятали. Потом пошли по камерам с обысками. Перевернули все вверх дном и после нескольких часов поиска – нашли. Жаль, что мы не выбросили его в форточку или не сдали вместе с грязным бельем (был как раз банный день). Это ЧП они обсуждали несколько месяцев.

Вообще обыски в камере проводили примерно раз в месяц. Казалось бы, что искать у людей, которые нагло замурованы и отрезаны от всего мира. Просто тюремщики не доверяют даже своим сотрудникам.

Официальная терминология в тюрьме была обычным коммунистическим лицемерием. Тюрьма называлась следственным изолятором, сокращенно СИЗо, надзиратели – контролерами, карцер – штрафным изолятором, политзаключенные – уголовниками, заключенные – подследственными или осужденными.

9. Окончание следствия.

В конце мая 1973г мне было объявлено, что следствие по нашему делу закончено и представили предварительное обвинительное заключение. Меня обвиняли по ст.70 ч.1 Уголовного Кодекса РСФСР в особо тяжком государственном преступлении: в хранении, размножении и распространении так называемой антисоветской клеветнической литературы, под которой понималось все, что не было угодно властям. Громкими ужасными фразами обвинялось обыкновенное человеческое желание выслушать обе стороны и составить собственное мнение. Если ты выпросил у друга почитать неугодную властям книгу (например, Солженицына или Сахарова), значит, ты хранил антисоветчину и клевету. Если ты сделал оттуда для себя выписки, сфотографировал или перепечатал на машинке понравившиеся места, то ты размножал контрреволюционную литературу, если ты дал почитать какое-либо произведение своему другу – значит, ты распространял враждебную пропаганду и клевету. Человеку припisyвалось, что тем самым он хотел подорвать советскую власть и коммунистический режим.

Бедная советская власть, бедные коммунистические диктаторы! Имея многомиллионную армию одураченных солдат, тысячи танков, самолетов, ракет, атомных боеголовок, гигантский аппарат пропаганды и 12-миллионную армию холуев – членов КПСС, как неуютно они себя чувствуют в Кремле, считая, что человек, имеющий собственное мнение, может подорвать дорогую им советскую власть.

Я спросил у следователей: «Ваша пропаганда утверждает, что империалисты всего мира, располагая огромными армиями, кораблями, ракетами, атомными бомбами, не могут ничего сделать с советской властью. Как это мог сделать я при помощи пишущей машинки, купленной в советском магазине?»

- «Мы вас вовремя остановили и пресекли вашу преступную деятельность» - был ответ.

Вообще когда неопытный человек читает эти общие обвинения, у него создается впечатление об ужасном преступлении, негодяе, прислужнике фашизма, ставившим своей целью ниспрoverгнуть существующий режим и вернуться к капитализму или царизму. Разумный же человек сразу анализирует конкретную часть - всю искалеченную, перевранную и раздутую. Тем не менее, видно, что людей сажают ни за что. Недаром после судебного фарса у политзаключенных отбирают обвинение, приговор, кассационное определение. А у тех у кого их оставляют, вырезают печати, подписи, чтобы в случае огласки заявить, что все это ложь и клевета. Они отлично сознают, что творят и кто настоящие преступники.

Затем в течении нескольких дней проходило знакомство с делом. Все дело состояло из 20 томов. Из них 3 – 4 тома показаний по делу подельников, свидетелей, экспертизы, а остальные тома, изъятая у нас литература. В одном томе надерганные из нее критические цитаты, иллюстрирующие якобы ее клеветнический характер. Ни одного доказательства клеветы не приводилось. Само собой подразумевалось, что любое критическое высказывание, сомнение, недовольство политикой ЦК, Брежнева, сообщение фактов, о которых не писалось в советской печати – есть клевета. Особенно неугодные факты, сравнения объявлялись злобной клеветой. Клеветой были объявлены даже выписки из решений прошлых съездов и пленумов КПСС с обещаниями по повышению жизненного уровня поскольку назначенные сроки давно прошли и становилось очевидным, что это было сплошное надувательство.

- Как же вы считаете эти выписки клеветническими? Ведь у каждой из них есть точная ссылка на соответствующие страницы советских изданий – требовал я ответа от следователей.

Они чаще всего отмалчивались. Однажды один из них не выдержал. «Болонкин, вы грамотный человек и прекрасно понимаете о чем идет речь. Незачем было вытаскивать на свет старые решения. Есть новые съезды, новые обещания».

Кагебистам надо было как-то объяснить откуда в их идеальном обществе появляются такие как Болонкин и в обвинении было записано, что это явилось якобы результатом систематического прослушивания зарубежных радиостанций «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая Волна» и др. В подтверждении приводились результаты «экспертизы», что на моем купленном в советском магазине радиоприемнике, прием этих радиостанций возможен. Эксперты только «забыли» упомянуть, что прием радиостанций очень сильно зависит от антенны, высоты ее расположения, экранировки другими зданиями и других факторов. А главное он просто невозможен из-за мощных глушилок, расположенных повсюду в стране, а особенно в Москве. Радиоприемник, подключенный к мощной антенной системе КГБ со специальными фильтрами (ибо КГБ также прослушивает и записывает все иностранные передачи на русском языке), принимает совсем иначе, чем в моей квартире на первом этаже с комнатной антенной, когда кругом стоят многоэтажные дома с металлическим каркасом, а рядом глушилки. К сожалению, прием в моей квартире был очень плохим. В то же время, у Балакирева, жившего на десятом этаже в другой части города, он был терпимым и я часто узнавал новости у него.

В обвинении (а затем и в приговоре) в полном противоречии с русской грамматикой и названиями документов, слова в заголовках многих неугодных КГБ произведениях, написанные с большой буквы, писались со строчной буквы. Зато кагебисты никогда не забывали писать слова КГБ, КПСС с заглавных букв.

В это время коммунистические диктаторы готовились к очередному фарсу – так называемому конгрессу миролюбивых сил – сборищу своих холуев. Наш групповой процесс был им очень не кстати. Готовилось раскаяние Якира. Поэтому было дано указание как-то спустить это на тормозах. Дело было разбито на ряд более мелких дел. Выделили и передали в Ленинград дело Давыдова Г.Д. и Петрова В.В., выделили дело Зари и Рыбалко, выделили дело Шахлейна В. и Юхновца Ю. Таким образом, в первоначальном деле остались только я и Балакирев В. В обвинении говорилось о моем плохом поведении на следствии и о хорошем поведении Балакирева, который, как было сказано, «своим поведением способствовал всестороннему и полному раскрытию преступления». Стало ясно, что Балакирева прикрепили ко мне для обличения на суде. Другие были освобождены под условие, что они дадут на суде нужные КГБ показания. Заря и Рыбалко были освобождены в феврале 1973г. В отношении Юхновца коммунистические врачи – психиатры вынесли заключение, что в мае 1972г., когда Юхновец распространял листовки и когда никто из них его не наблюдал, он был психически ненормальным, а теперь после года пребывания в тюрьме КГБ, он здоров. В июне 1973г на основании этой «экспертизы» Юхновец был освобожден и поставлен на психиатрический учет. Его предупредили, что в случае неугодных КГБ действий или отказа от своих показаний, его посадят в тюрьму - психбольнице.

Шахлейна помиловали до суда? После дачи нужных КГБ показаний на нашем процессе он был вынужден уехать из Москвы и следы его на тот момент затерялись.

Кагебисты очень торопили при ознакомлении с делом, угрожали, что лишат этого права.

На все 20 томов (по 500 листов в каждом) было отведено 3 дня. Все выписки, сделанные из дела, впоследствии были отняты, в дело не были включены многие мои заявления, показания свидетелей и документы неугодные следствию. Как я уже упоминал вопрос, где клевета вообще не рассматривался, а тем более не доказывался вообще. Расследовалось только, кто кому и что дал почитать, откуда это достал и какие сделал выписки.

На всех томах, даже содержавших только иностранную литературу или выписки из советской литературы, стоял гриф «секретно». Палачи получали, таким образом, возможность всякого, кто оглашал их неблаговидные дела, судить как разглашателя государственных секретов. Кагебисты проверяли всех моих родственников, не состоял ли кто из них на психиатрическом учете. Как видно было из протоколов они вымогали от свидетелей показания, не замечали ли они в моем поведении ненормальности.

10. Поездка в Ленинград.

В июле 1973г меня вызвали и объявили, что отправляют в Ленинград как свидетеля на процесс Давыдова – Петрова. Какие-либо записи взять с собой не разрешили, только чистую бумагу и конверты. Меня тщательно обыскивали, дали буханку черного хлеба и затолкали в грязный вонючий бокс черного воронка, замаскированного под обычную грузовую машину- фургон.

Несколько часов воронок крутил по Москве собирая из разных тюрем заключенных. В маленькое тесное общее отделение их набили так, что последних вталкивали сапогами. В воронке не было не только окна даже достаточного вентиляционного отверстия. Смрад, сильный запах выхлопных газов, мат, стоны и проклятия слышались внутри воронка.

Затем воронок часа дваостоял на затворках железнодорожной станции в ожидании погрузки. Когда нас вывели, стояла глубокая ночь. Мы находились где-то на заднем дворе станции. Столыпинский вагон, замаскированный под обычный пассажирский вагон, стоял на путях отдельно. Около десятка воронков стояло в куче недалеко от него. Короткий путь от воронков к вагону был оцеплен десятками солдат с автоматами, многие из которых держали на поводках здоровенных овчарок и был освещен фарами машин и прожекторов. Около вагона находился офицер с бумагами в руках. Заключенные выходили со своими котомками в грязной арестантской одежде и залезали в вагон. Там солдаты загоняли их в камеры, отделенные от коридора решеткой. В камеры равные по площади обычным четырехместным купе, но без окон, загоняли по 16 – 20 человек. Люди сидели друг на друге. Невозможно было повернуться или вздохнуть. Больные, инвалиды, молодые и старики – все в одной куче как селедки в банке. Особенно много было туберкулезников. Вначале их загоняли в одну камеру, а затем, когда туда затачивать стало невозможно, стали загонять в общие камеры. В отдельные камеры загоняли женщин. Некоторые из них были с грудными детьми. Мат, проклятия в адрес Брежнева, КПСС, стоны сопровождали эту посадку.

После погрузки начался шмон и перетасовка внутри камер. Меня как особо опасного государственного преступника, перевели в отдельную маленькую камеру, рассчитанную на двух человек. В пути, в зависимости от необходимости подсаживали от 1 до 4 уголовников. По сравнению с другими я ехал с «комфортом».

После погрузки вагон несколько часов стоял на путях. Затем его около часа перетаскивали с места на место пока подцепили к товарно-пассажирскому поезду и где-то под утро мы двинулись в путь.

Путь от Москвы до Ленинграда, который обычный пассажирский поезд проходит за 6 – 8 часов, занял около суток. На каждой станции поезд останавливался и почти на каждой станции кого-то встречали воронки, кого-то привозили или увозили.

Пищи никакой не давали. Остро стояла проблема, воды, туалета, воздуха. Воду, набранную в туалете, разносили 2 -3 раза в судки. Стояла жара, металлические коробки вагонов стали горячими, ни окон, ни единого отверстия в камерах не было, духота была нестерпимой, пить хотелось ужасно (при отправке иногда давали селедку). Солдат упрашивали чуть открыть стекла окон в коридоре. Но они соглашались это делать только во время движения, на стоянках это было категорически запрещено – ибо советские трудящиеся не должны были видеть, что возят в этих странных вагонах, с заваренными железными листами окнах с одной стороны (где камеры) и матовыми стеклами (за которыми скрывались решетки) с другой стороны вагона (где был коридор для охранников).

Я вспомнил, что и сам часто видел подобные вагоны, прицепленные к товарным или пассажирским поездам, но никогда не обращал на них внимания. Мне и в голову не приходило, что они битком набиты людьми, с которым обращаются хуже, чем с чужим скотом.

В туалет водили 2 – 3 раза в сутки по расписанию и по одному. Просьбы о туалете раздавались непрерывно, люди вынуждены были оправляться прямо в камерах. Наиболее опытные специально брали с собой для этой цели пластиковый пакет.

В Ленинград прибыли ночью. Час или два прошло пока наш вагон отцепили и отвезли на задворки станции. Снова ожидание и погрузка в воронки. Длительная езда по Ленинграду. Выгрузили нас в каком-то большом дворе, сплошь застроенном мрачными многоэтажными зданиями с решетками. Загнали в подвал напоминавший застенки для пыток, которые приходилось мне видеть в музеях и средневековых замках. И мужчин, и женщин стали вызывать к женщине в белом халате. Она заставляла их снимать штаны и осматривала половые органы.

Меня временно поместили в камеру ожидания. В полу в углу урчал унитаз. Прямо из него был выведен кран для питья. Стены камеры были заляпаны специальным ноздреватым цементом. Тем не менее, они все были исписаны. Тысячи фамилий, имен, проклятий заполняли их. Сколько же людей побывало здесь? Ведь каждый год стены, замазывают цементом, белят. И каждый год они сплошь заполняются новыми именами. Как я узнал позднее - это были Кресты – знаменитая Ленинградская тюрьма, поглотившая тысячи и тысячи невинных жертв.

Принимавший нас офицер, наконец, разобрался, что я направлен в тюрьму КГБ, попал к ним случайно и сдал меня обратно старшине воронка.

«За что же тебя посадили?» - поинтересовался он.

«За чтение оппозиционной политической литературы» - ответил я.

«Зачем же ты ее читал?» - искренне удивился солдат.

«Хотел знать правду о своих правителях. Хотел иметь собственное мнение».

В тюрьму КГБ прибыли часа в 3 – 4 ночи. Длительный шмон, во время которого как обычно раздели до гола, заглянули в зад, тщательно ощупали всю одежду. Конверты забрали (впоследствии их «забыли» вернуть).

В камеру поместили одного. Она оказалась такая же как в Лефортово. Только система вызова надзирателя была усовершенствована. Заключенный дергал рычаг. Звякал звонок, с наружной стороны флагжок принимал горизонтальное положение.

Утром давали хлеб и воду, но зато в обед маленькую котлету, да и приготовлена пища была лучше, чем в Лефортово.

Я попытался надуть ленинградских тюремщиков, записался на прием к начальнику тюрьмы майору Гришину, что в Лефортово у меня была диета. Фокус не удался. Оказалось, что моя медицинская карточка была прислана со мной.

Через несколько дней меня привезли в суд. Еще до меня там выступил Балакирев, показавший, что он через меня передал Давыдову самиздат. Давыдов также не отрицал этого. Я показал, что действительно передал Давыдову по просьбе Балакирева закрытую папку, но что там было я не смотрел и о никакой преступной деятельности Давыдова мне неизвестно. Тем не менее, как я уже узнал впоследствии в концлагере у Славы Петрова в его приговор было вписано, что его (Петрова) вина подтверждена свидетелем Болонкиным. На мои резкие протесты и требования исключить ссылку на меня как свидетеля Ленинградский суд и высшие инстанции ничего не ответили. Только посадили меня раздетого в холодный карцер на 15 суток на 400 гр. хлеба.

По окончании суда наши камеры с Давыдовым и Петровым оказались рядом. Мы смогли переброситься несколькими словами. От них я узнал, что Балакирев выступил в суде накануне и дал все нужные КГБ показания. Шакlein в знак протesta против условий этапирования, от дачи показаний отказался.

Обратный этап мало отличался от этапа из Москвы в Ленинград. Погрузка была сделана опять ночью на затворках станции. Как я убедился впоследствии, там где можно (например, на стации отправления) это делается специально, чтобы не привлекать внимания населения.

В качестве защитника я требовал Софью Калистратову. Карабисты заявили, что моим защитником может быть только адвокат, получивший от них разрешение, так называемый допуск к секретной работе.

- Но вы собираетесь судить меня так называемым открытым судом. Причем тут допуск к секретной работе?

Подобные вопросы были гласом вопиющего в пустыне.

За несколько дней перед судом ко мне явилась некая Власова, представившаяся как адвокат с допуском, назначенная юридической конторой. Я заявил, что иметь ее адвокатом не желаю и попросил узнать у жены и друзей кого они рекомендуют в качестве адвоката. Как я узнал впоследствии Власова заявила жене, что я ее хочу иметь в качестве адвоката, а мне заявила, что жена и друзья рекомендовали в качестве адвоката ее. Так было совершено еще одно надувательство.

11. Суд.

Следствие продолжалось максимально возможный срок 9 месяцев. После предъявления окончательного обвинительного заключения в конце июня 1973 года, согласно уголовно-процессуального кодекса, суд должен был состояться в течении месяца. Но в конце октября правящая хунта наметила в Москве сборище своих холуев – так называемый конгресс миролюбивых сил и наш процесс был им очень некстати. Понимая это, я стал требовать проведения суда в установленный законом срок. На мои заявления и жалобы просто не отвечали.

В августе нездолго перед конгрессом коммунистические правители провели пресс-конференцию Якира и Красина с раскаянием (непонятно в чем!?). Затем с обычной помпой и трескотней был проведен в конце октября конгресс «миролюбивых» сил. После этого

Брежnev смог снова заняться палаческими делами и после празднования очередной годовщины коммунистического переворота на 20 ноября был назначен наш процесс. Допустимый срок начала суда при этом был превышен в 5 раз!

Перед самым судом меня вызвали кагебисты: «Если будешь отрицать обвинения – получишь 12 лет. А если будешь вести себя как надо, то после суда пойдешь домой» - пригрозили и посулили они.

Впоследствии уже после суда я узнал, что это была обычная тактика (как и прикрепление расказавшихся в виде подельников-обличителей), и применялась к политическим арестантам, в отношении которых не было уверенности, что они будут вести себя в духе угодном КГБ и не испортят судебный спектакль.

По закону процесс должен был состояться в здании Московского городского суда. Однако кагебисты знали, что у Московского горсуда собирается обычно много инакомыслящих, расположение мосгорсуда хорошо знают иностранные корреспонденты. Поэтому в очередной раз, поправ собственное законодательство, они решили провести судебный спектакль в пригороде Москвы – Бабушкино.

20 ноября 1972г меня с Балакиревым в наглухо закрытом воронке в отдельных боксах привезли в Бабушкино. Воронок подогнали к самому входу Бабушкинского райсуда, Расстояние до входа было не свыше 2 метров. Я только сумел заметить вывеску около дверей как меня уже ввели в здание. Мы поднялись на третий этаж. На каждом пролете лестницы стояли кагебисты в штатском с красной повязкой, изображая из себя то ли дежурных, то ли дружинников. Нас вначале разместили в комнате под охраной кагебистов, а потом провели в небольшой судебный зал, где помимо судьи, двух заседателей (за три дня они не проронили ни одного слова), прокурора и защитников, родителей Балакирева, моей жены и сестры, находились 9 типов в штатском. Балакирев говорил в последствии, что многих из них он видел в КГБ. Мать и отец Балакирева пожилые люди - мало что понимали в политике и тяжело переживали за сына. В дверях стоял кагебист с красной повязкой, изображая из себя некого распорядителя или коменданта. Я вспомнил охрану у входа в суд, «дежурных» на каждом этаже в коридоре и понял насколько крепко мы забаррикодированы. Жена говорила мне впоследствии, что Андрей Дмитриевич Сахаров дважды пытался пройти на наш процесс, но оба раза его не пустили.

Жену мою удалили из зала суда до начала судебного разбирательства под предлогом допроса ее как свидетеля, хотя из материалов следствия было видно, что о моей деятельности ей ничего не известно. В приговоре она даже не была упомянута. Сестру мою оставили только потому, что она полностью глухая. Вследствие этого дефекта она стала газетной наркоманкой, искренне верила во всю коммунистическую блевотину и меняла свои мнения со скоростью пропаганды. Весь судебный спектакль она принимала за чистую монету с наивностью ребенка дошкольного возраста. Правда позднее она делала все, что в ее силах, помогая мне.

Суд походил, по-видимому, на все подобные процессы. Ни одного факта или доказательства клеветы из вменяемой литературы не приводилось. Ее якобы антисоветский характер принимался за истину, не подлежащую обсуждению. Как обычно рассматривался только вопрос, кто кому и что дал почитать и откуда ты ее взял. Освобожденные подельники давали нужные КГБ показания. Из затребованных мною 12 свидетелей ни один не был вызван. Их тут же в течении 5 секунд отклонили оптом, не поинтересовались, кто они, что знают, какие могут дать показания и, не записав правильно даже их фамилии.

Из всех выступавших свидетелей: Заря, Шакlein, Юхновец, Макаревский, Сенюковы, Балакирев, Ушаков, Лисовской, Веселовской, Смирновой и др. (последних 4-х я вообще не знал!), только Юрий Юхновец пытался зачитать свое обращение к суду (возможно о гуманизме). Бумажку у него тут же отобрали, судья ее бегло просмотрел, огласить отказался. Из судебного дела она также таинственно исчезла. Это был единственный свидетель, которому разрешили остаться в зале суда. Он услышал только слова: «На сегодня судебное заседание окончено». На следующий день его, разумеется, уже больше не пустили.

Очень противным было выступление Сенюковой. Она дрожала от страха за себя, ревела, сообщила суду, как она хорошо меня встречала, угостила даже испорченными сардельками, от которых отказалась ее дочка, а я такой негодяй дал почитать ее мужу (в ее отсутствие) эту самую литературу.

Муж ее также оказался на «высоте», подтвердил нужные КГБ показания о том, что я якобы давал читать ему журнал «Посев» №5 за 1970г (что было неправдой!). Я попросил следствие узнать у него названия статей, которые он там прочитал, описать внешний вид журнала. И хотя ни названия, ни содержания, ни описания внешнего вида он сделать не смог (не могли же кагебисты, в самом деле, ему доверить ознакомление с журналом!), тем не менее, этот эпизод был вменен мне.

Георгия Давыдова же вызвать в суд от казались под предлогом отсутствия времени для этапирования. Пять месяцев подготовки суда им было мало. Для вызова его жены времени хватило. Видимо, боялись, что он им подпортиТЬ спектакль.

При таком обилии нужных КГБ «показаний», закрытости суда-фарса, где судьи и защитники ничем не отличались от прокурора, а во многих случаях стремились выслужиться, показать даже большее рвение, чем КГБ, - пытаться доказывать что либо, было бесмысленно. Сказывались также наглый шантаж, угрозы и посулы со стороны КГБ (с их клятвенными заверениями, что они еще никого и никогда не обманывали). Приходилось в основном сидеть и молчать, что я считаю, было крупной ошибкой с моей стороны, как и вообще дача каких либо показаний на следствии. Эта неопытность, засоренность мозгов советской пропагандой, полная изоляция от всего мира и масса мифов, внедренных в сознание почти всех советских людей, позволяли коммунистам манипулировать поведением людей.

Тем не менее я заявил на суде, что не преследовал цели подрыва или ослабления советской власти, а как человек и ученый хотел только выслушать обе стороны и составить собственное мнение о существующем строе и улучшить его.

Но даже такая позиция в корне подрывала обвинение, т.к. согласно смысла статьи 70 УК РСФСР, привлекаться к судебной ответственности могут только лица, имеющие цель свержения советской власти.

В конце судебного спектакля прокурор произнес обвинительную речь с набором стандартных фраз о происках империалистов и их агентуры, стремящихся вносить смуту в ясное сознание советских людей. В доказательство он выложил маленькую красную книжечку «Вольное слово» за 1973г, в которой, как он сказал, была перепечатана «Свободная мысль» №1, и передал ее судье. Судья, даже не заглянув в нее, тут же спрятал ее в бумаги. У двух других судей-заседателей, разумеется даже не хватило духа попросить для осмотра это «доказательство». Вообще роль их на суде была какой-то жалкой, марионеточной. Изображая «совещание» судья Лубенцова на долю секунды наклоняла голову к одному, затем к другому заседателю и объявляла «общее» решение.

23 ноября 1973г был зачитан приговор. Все в нем было переврано, поставлено с ног на голову. Так, например, в нем утверждалось, что я вместе с Рубиной и Миркиной осуществлял перевод семи глав книги Р. Конквиста «Великий террор» на русский язык, хотя я никогда в глаза не видел ни Рубиной, ни Миркиной, да и английским языком не владел. В деле не было показаний ни Рубиной, ни Миркиной, да и на суд их не вызывали.

Аналогичная история с некой Смирновой В.П., вместе с которой я якобы переписывал на пишущей машинке антисоветские произведения. Эту женщину хоть вызвали в суд и она подтвердила, что видит меня впервые. Однако это не помешало судьям оставить в приговоре этот эпизод обвинительного заключения.

Хранение литературы у Макаревского в закрытом чемодане и заклеенных папках по каждому произведению было записано как передача для ознакомления Макаревскому, хотя из материалов дела было видно, что Макаревский в чемодан и папки не заглядывал и изъяты они были в запечатанном виде.

В результате было состряпано огромное число эпизодов «распространения». Само хранение по каждому произведению было записано как хранение с целью размножения и распространения для подрыва советской власти, хотя это абсолютно ни откуда не следовало. Я же утверждал, что хранил литературу для себя.

В приговоре перечислялись эпизоды «преступной» деятельности, а потом оптом говорилось, что эти эпизоды якобы подтверждаются показаниями свидетелей таких-то и таких-то, результатами экспертизы. Но ни из показаний свидетелей, ни из результатов экспертизы ничего такого не следовало. Даже в рамках коммунистического законодательства приговор представлял сплошную передержку и наглую фабрикацию.

В приговоре говорилось, что подсудимый совершил особо опасное государственное преступление. Меня приговорили к 4-м годам концлагерей строгого режима и двум годам ссылки после отбытия основного наказания.

В отношении Балакирева, написали, что он чистосердечно раскаялся, идеино разоружился, «своим поведением способствовал всестороннему и полному раскрытию преступления», а потому ему назначается мера наказания не связанная с лишением свободы (5 лет условно) и он подлежит освобождению в зале суда. Балакирев держал в своих руках все связи группы и по его показаниям КГБ открыл 14 новых дел и было очень довольно. Он был им нужен для обвинений других читателей.

Изъятые у меня при обыске радиоприемник, фотоаппаратуру, пишущие машинки, деньги в сумме 122 рубля, «суд» постановил взыскать в доход государства, взыскать судебные издержки, связанные с оплатой переводчика в сумме 150 рублей (месячная зарплата высоко квалифицированного специалиста в СССР в то время). В суде не присутствовал переводчик, в деле не было ни одной страницы перевода, тем не менее «судебные издержки» были назначены. Кагебисты таким способом оплачивали то ли осведомителей, то ли своих любовниц.

В приговоре нагло утверждалось, что суд был «открытым».

Однако вскоре при отправке в лагерь в Лефортовской тюрьме у меня отобрали обвинительное заключение, приговор, кассационное определение, выписки из дела и вообще все до единой бумажки. Все мои многолетние последующие попытки в соответствии с законодательством получить копии этих документов оказались безрезультатными. Ни Мосгорсуд, ни Верховный Суд РСФСР, ни КГБ, ни Министерство юстиции на мои запросы не отвечали. Я даже пытался подать на КГБ в Мосгорсуд, на Мосгорсуд в Верховный суд РСФСР, на Верховный суд РСФСР в Верховный Суд СССР.

Но результат был тот же. Все мои заявления, пересыпались в КГБ и клались в новое дело, как на лицо, продолжающее заниматься особо опасными государственными преступлениями.

Из 686 захваченных кагебистами при обыске предметов только около 30 пошли в дело в качестве доказательств моей «преступной» деятельности и около 30 были возвращены жене. Среди невозвращенных предметов советская литература и газеты, фотопленки книг, изданных в СССР, научные труды, чистые фотопленки, фотобумага, чистая бумага и многое другое. Все мои попытки добиться их возвращения были безрезультатны.

Часть 2. Концлагеря.

1. Концлагерь ЖХ-385/17а

В середине марта 1974 года мне было объявлено решение кассационного суда: приговор - утвердить, изъятые при обыске деньги 122 рубля – вернуть.

Мне предложили собрать все вещи, вызвали в отдельную камеру и приступили к тщательному обыску. Предполагая, что все выписки из дела и приговор у меня будут отняты, я тайнописью сделал некоторые выписки на чистых листах бумаги и по совету и при помощи сокамерника Лебедева спрятал их в сигареты и обложку словаря. Скрыто это сделать было невозможно, т.к. в камере практически ни на минуту не оставляют одного, а тут была хоть меленькая, но надежда, что Лебедев не окажется стукачом. Но этой надежде не суждено было сбыться. При обыске, ощупывая пачки с сигаретами, тюремщик сделал вид, что нашупал что-то твердое, все пачки были вскрыты, сигареты распротрошены, все книги и бумаги были отобраны. Тут же сбежалось все начальство, пришел фотограф и стал выжидать момента, как бы снять меня около кучи чистых бумажек. И хотя еще ни одна бумажка не была проявлена и прочитана и неизвестно есть ли на них что-нибудь мне тут же принесли и предложили расписаться на постановлении о помещении меня в карцер на 15 суток, как было сказано, «за попытку выноса антисоветских и клеветнических записей». Вот уж действительно метко они определили свое «дело» и приговор. Впрочем, после того как антисоветскими и клеветническими были объявлены решения прежних съездов КПСС и пленумов ЦК я перестал удивляться.

Но исполнять постановление им было некогда. За мной пришел воронок и охрана его не могла долго ждать, до отхода поезда им надо было обехать немало тюрем. Не знаю, послали ли тюремщики свое постановление вслед за мной в концлагерь, но в концлагере о нем мне ни разу не напомнили.

Тем не менее, мне сделали пакость - отказались передать жене лишние вещи (гражданскую одежду, в которой меня арестовали). Мне пришлось с огромными мешками тащиться весь этап, мучаясь с тяжестьми и возбуждая алчность у уголовников. Чувствовал я себя больным. Кроме того, на предыдущих этапах и поездках в суд выяснилось, что я очень плохо переношу маленький замкнутый железный ящик в воронке, в который помещают арестантов, и тряску во время езды. Меня начинало тошнить, рвать, колоть сердце и доходило до того, что я терял сознание.

Я стал говорить старшине воронка, что болен и не могу ехать. Старшина пытался что-то сказать тюремщикам, но те на него разорались и стали тыкать мою сопроводительную карточку, где тюремные эскулапы написали, что я здоров. Как обычно такое заключение дали даже не вызвав, не осмотрев меня, не поинтересовались самочувствием.

Тщательно скрывалось и место назначения. В дальнейшем я убедился, что подобная практика была стандартной.

Поездка в воронке и погрузка были обычными. Грузили ночью, где-то на затворках вокзала. Хотя я хорошо знал все вокзалы Москвы, но как пассажир только лицевую часть. Где мы находились, определить в темноте было невозможно. Я тащился со своими мешками в общей колонне заключенных из нескольких сот человек под крики охраны и лай собак. Поезд шел на восток в край концлагерей. Здесь масштабы были совсем иные, чем при этапировании в Ленинград. Со своими мешками я никак не мог влезть на высокую – по грудь первую ступеньку столыпинского вагона и офицер злобно насмехался: «Не начитался еще . И туда набрал с собой литературы».

Сначала набили в камеры как попало. Потом после погрузки начали сортировать. Охрана решила меня, как особо опасного государственного преступника, на всякий случай обыскать. Меня вывели в отдельную камеру, вытряхнули все вещи на грязный пол, повозили по нему и приказали собирать.

«Что медленно возишься!» - заорал на меня один из охранников.
«Как могу так и делаю».

Такой ответ ему был не привычен и явно не понравился. Он направился ко мне с явным намерением избить.

«Смотри, я политический – жаловаться буду» - предупредил я его.

«Всяких мы тут видали», ответил он и привычным движением с силой ударил меня в живот.

Я потерял сознание, а когда очнулся, застонал. Камеры в вагоне все расположены с одной стороны так, чтобы заключенные разных камер не могли видеть, ни передать что либо один другому. С других камер закричали: «В чем дело?» И когда я объяснил, поднялся страшный шум, особенно кричали женщины. Шум был такой, что казалось еще немного и вагон развалиться.

Из отделения для охраны вышел старшина. Я стал требовать у него фамилию солдата. Он молчал. Охранники сами быстро, комками затолкали мои вещи в мешки и перевели в маленькую камеру, где был еще один уголовник.

Этот шум и вопли, пожалуй, наиболее запомнившееся положительное пятно в моем общении с уголовниками, которые в основной своей массе народ очень темный, грубый, похабый и наглый.

Днем поезд прибыл в Потьму. Около трех-четырех десятков заключенных и меня в их числе выгрузили и сдали местным тюремщикам. Нас погрузили в воронки и отправили в местную тюрьму.

Это было маленькое темное облезлое одноэтажное здание. Большая часть камеры была занята широкими деревянными, двухярусными нарами. Внутри была неописуемая грязь. В углу вонючая параша. Уголовников в подобные камеры набивали по многу десятков человек. Тигровая клетка для прогулок представляла небольшую площадку 3x3 метра, обнесенную высоким сплошным забором, и натянутой сверху сеткой и колючей проволокой.

Меня как государственного и особо опасного преступника провели в небольшую отдельную камеру. Здесь только около входа было небольшое пространство, где можно было стоять и находилась параша. Все остальное было занято нарами. На них лежал человек. Он сказал, что осужден по ст.64 УК РСФСР (измена родине) за сотрудничество с немцами во время войны. Его везли в качестве свидетеля на процесс его знакомых по работе у немцев. Он же сказал, что повезут меня в концлагерь ЖХ-385/17а либо ЖХ-385/19, где содержат политзаключенных. Сам он из концлагеря ЖХ-385/17а. Я его стал

расспрашивать, кто нам находится. Из знакомых мне имен услышал фамилии Петрова Вячеслава и Глейзера Ильи. Слава был подельником Георгия Давыдова, с ним я уже встречался на Ленинградском суде. Об Илье и его деле я слышал от Захара в Лефортово.

Дня через 2 – 3 в этапный день (он был один раз в неделю - по пятницам) нас погрузили в воронок и повезли. Дорога была ужасной . В нашем тесном и душном железном гробу нас кидало и мотало на всех выбоинах и ямах грунтовой лесной сельской дороги. Мой попутчик ехал по ней много раз и по памяти говорил где будет немного лучше, а где совсем плохо. Сам он и ехавшие с ним уголовники сидели, упервшись ногами в стенки камеры и вцепившись руками в низенькую деревянную скамейку. Я не обладал еще нужным опытом. В течении часа езды мне разбило голову о крышу нашего железного ящика, отшибло зад и наставило синяков по всему телу. Руки, которыми я пытался ухватиться за дверь-решетку или упереться в стенки нашего железного гроба, вскоре ободрало до крови.

2. Прибытие в концлагерь.

Наконец машина остановилась. Уголовников высадили и сдали в уголовный лагерь. Меня с попутчиком сдали в концлагерь ЖХ-385/17а. На вахте тщательно обыскивали, хотя только что час назад при отправке был обыск. Вообще при передаче заключенного от конвоя к конвою, администрации тюрем и концлагерей, по инструкции каждый принимающий должен делать обыск. Поэтому обыски иногда делали по 3 и более раз в день.

Однако обыск при помещении в концлагерь имел особенность – все гражданские вещи, кроме некоторого количества нижнего белья, отобрали. Мне выдали арестантские телогрейку, ушанку, ватные брюки, кирзовые сапоги, хлопчатобумажный арестантский костюм (куртку и брюки), нижнее белье и заставили за все это расписаться. Многое было не моего размера и мне было не нужно. Только потом я узнал, что за все это затем вычитают из заработка, а поскольку он мизерный, то расчет затягивается на много месяцев, а то и годы.

Теперь я не отличался от заключенных и по одежде. С собой разрешили взять только трусы, майки, мыло, зубную щетку, некоторые продукты.

Наконец вывели в зону, провели в барак и указали койку на которой я должен спать.

Концлагерь был небольшой, имел всего два жилых барака. Это был филиал большого уголовного лагеря ЖХ-385/17, созданного специально для политических заключенных. Каждый деревянный барак состоял из двух больших комнат, в которых были установлены 30-40 коек. Около некоторых из них тумбочки, на стене общая вешалка, полки для вещей, репродуктор, кирпичная печь.

Мое прибытие было большим событием для политзаключенных. Вечером, когда впустили в жилую зону рабочую смену, ко мне началось паломничество. Я был «недавно» на воле и люди хотели знать новости, подлинную обстановку в стране, характер моего дела. Я познакомился со многими замечательными ребятами, с большинством из которых мы стали впоследствии друзьями. Прежде всего мы наговорились вволю со Славой Петровым. Он посвятил меня в некоторые детали его дела и рассказал о 17а концлагере, в котором он уже находился полгода.

Познакомился я также с украинцем Вячеславом Черновилом и Микитко Яромиром; литовцами Аликом Пашилисом, Брониславом Вильчаускосом; латышем Роде Гунером;

евреями Лассалем Каминским, Ильей Глейзером, Михаилом Коренблитом; армянами Меликаном, Бабаяном, Товмасяном; румыном Валерием Грауrom и др.

Ради такого торжественного случая Алик Пашлис пожертвовал свой небольшой запас запрещенного в концлагере растворимого кофе и устроил со своими друзьями для меня небольшое кофиепитие. Другие просто приглашали меня на чашку чая. В условиях концлагеря это соответствовало приглашению в ресторан или на домашний вечер на воле, являлось знаком расположения и дружбы.

Большинство из них сидело за чтение самиздатовской литературы, за критические высказывания по адресу существующего режима. Каминский и Коренблит получили свои сроки за попытку побега из коммунистического рая, предпринятую после того как они в течении многих лет добивались выезда. Роде Гунера обвинили в том, что в трамвайном депо, где он работал, он организовал кружок с целью якобы свержения советской власти. Ему дали 15 лет. Около 12 из них он уже отсидел. Он был тощий, бледный, преждевременно состарившийся, но редко мне приходилось встречать людей более стойких и мужественных, люто ненавидевших своих мучителей – коммунистов. Когда его впоследствии за невыполнение нормы (а выполнить ее он был просто не в состоянии из-за истощенности организма) заперли в отдельную камеру внутренней каторжной тюрьмы и подвергли многомесячной пытке голодом, он отказывался от куска хлеба, который ему пытались передать другие узники.

Моя койка оказалась почти рядом с койкой Володи Кузюкина. Бывший капитан советской армии он был осужден, по его словам, военным трибуналом за какие-то самиздатовские материалы. Выдать приговор на руки ему отказались. Работал он электриком, имел на работе отдельную комнатку, где тайно держал самодельную электроплитку и часто приглашал меня во время работы выпить глоток чая. Мы с ним сблизились и в дальнейшем питались вместе.

Восстановленный концлагерь №35 в Пермской области для политических заключенных.

3. Работа. Условия содержания.

На следующий день меня вывели на работу. Рабочая зона была отделена от жилой зоны сплошным забором с воротами и состояла из пошивочного цеха, небольшого гаража, где производился ремонт автомашин, и плотницкой мастерской с двумя работниками.

Основным было швейное производство. Здесь работали почти все заключенные. Шили рабочие брезентовые рукавицы. Норма была 90 пар за смену. Иногда заставляли шить матерчатые перчатки. Но это получалось не у каждого и выполнить норму на них было трудно.

Мне указали мое рабочее место и сказали, что дается 18 рабочих дней на ученичество, чтобы осилить арестантскую профессию. Мастер – сам зэк посидел со мной минут 15 – показал как вставить нитку, делать строчку и на этом «обучение» закончилось. В дальнейшем обучали и показывали уже ребята. Они же посоветовали мне не спешить с демонстрацией своих способностей, дня три не давать продукции вообще, а потом начать с одной рукавицы, увеличивая выпуск продукции на пару штук в день, демонстрируя «рост» и усердие, чтобы не раздражать администрацию. Однако укреплять этот «самый свободный в мире» режим у меня особого желания не было, и я в течение всего ученичества давал по одной паре в день, чем вызвал злобу и ненависть со стороны начальника отряда лейтенанта Зиненко и начальника колонии капитана Акмаева, которые вызывали меня и кричали, что другие уже через три дня ученичества дают норму, а ты Болонкин не желаешь трудиться на пользу родине.

Впрочем и после окончания ученичества я не спешил проявлять трудовой энтузиазм. В начале выполнял норму примерно на 1/3, а через три месяца к концу пребывания в 17а –ом концлагере дошел до 50 – 60 %. Лучше сидеть без ларька и премиальных (2 рубля в месяц), подвергаться пыткам голодом и холодом в карцере и внутренней тюрьме, чем трудиться на эту нечисть.

Впрочем и другие, хотя большинство выполняло норму, не очень старались, чтобы их «продукция» шла впрок. Обычно одна из ниток бралась более тонкая, чем нужно. Там где требовалось два шва, зачастую делался один и т.п. Поэтому многие рукавицы разваливались после нескольких часов работы. Приходилось мне также видеть как иногда, пользуясь бесконтрольностью в учете материала, бросали в печь, в туалет крой, нитки, неудачно сшитые изделия.

Чтобы лучше следить за заключенными, вдоль всей стены, соприкасавшейся с коридором, были сделаны окна и надзиратели ходили и наблюдали за работающими. Посещение туалета могло быть объявлено – хождением в рабочее время, отлучка к баку с питьевой водой – отсутствием на рабочем месте, консультация у товарища – болтовней во время работы. Особенно остро они цеплялись к тем, кто не выполнял норму. Любое мелкое нарушение, установленного ими жесткого режима служило поводом для рапорта и принятия репрессивных мер. Да и просто невыполнение нормы являлось с их точки зрения самым тяжким проступком и поводом для принятия жестких пыток холодом и голодом. Фактически заключенный в СССР доведен до уровня трудового раба, с которого стремятся выжать все соки. Хотя в конституции в законодательном порядке установлена 41 часовая трудовая рабочая неделя для ВСЕХ граждан, заключенных заставляют работать 6 дней в неделю по 8 часов и еще имеют право заставлять работать 2 часа ежедневно внутри лагеря (например, натягивать колючую проволоку), т.е. для них установлена фактически 60 часовая рабочая неделя.

Кормили нас на 28 копеек в день. Утром миска баланды, в обед миска баланды и каши, в ужин кусочек селедки и каша, либо уха. Хлеб только ржаной.

Раз в месяц по разрешению начальства можно было отовариться в ларьке на 5 рублей. Ассортимент был строго определен и редко соблюдался. Это маргарин, овощные либо рыбные консервы, конфеты (за исключением шоколадных ли в шоколадной оболочке) – обычно подушечки, печенье, спички, трусы, конверты, тетради, карандаши. Очень редко (раз в два – три месяца) в ларьке бывало сливочное масло и один – два раза месяц пшеничный хлеб. Работал ларек 1 – 3 раза в месяц. В нем никогда не было (а точнее было запрещено продавать) сахара, молока, молочных консервов, яиц, мясных консервов, сухофруктов. Продавались обычно залежальные товары, которые не желали брать даже привыкшие ко всему советские трудящиеся с просроченными сроками хранения. Да и получить ларек было не просто. Его обычно лишали за какие-нибудь сфабрикованные «нарушения». Во всяком случае я отоваривался в ларьке не более 3 – 4 раз в году. Заключенным перевыполнявшим норму полагалось еще 2 рубля в месяц на отоваривание. Но их также могли лишить за «нашение». Через каждые 6 месяцев можно было получить бандероль весом не более 1 кг., а после половины срока раз в год посылку весом не более 5 кг. Ассортимент тот же, что и в ларьке. Неположенные продукты: кофе, какао, сухое молоко, яичный порошок, сухофрукты, топленое масло и т.п. конфисковывались или отправляли обратно. Для отсылки обратно использовались и всякие формальные и почтовые причины, например, ничтожное превышение веса. Таким образом бандероли и посылки отфутболивали обратно у меня, например, по три-четыре раза. В итоге указанный промежуток между бандеролями и посылками увеличивался на несколько месяцев, ибо срок исчислялся со дня получения последней посылки или бандероли.

Посылки могли просто лишать в наказание за какое-нибудь сфабрикованное «нашение». За 2,5 года пребывания в Мордовии я получил только две бандероли и ни одной посылки (по закону я бы должен был получить 5 бандеролей и 2 посылки).

Система оплаты была построена так, чтобы заключенный трудился фактически даром. Хотя по конституции наимизшая месячная ставка была 70 рублей, заключенным в случае выполнения нормы начисляли 60 рублей, из которых тут же вычитали 50% налога. Из оставшихся 30 рублей тут же вычитали 15-25 рублей на питание, обслуживание, охрану и т.п. Из них непосредственно на продукты шло не более 9 рублей. Из оставшихся 5 -15 рублей вычитали на одежду, судебные издержки, иски и прочие начисления. Хорошо, если у з/к оставалось 5 рублей на ларек!

От рабства эта система отличалась только необузданым лицемерием и тем, что в случае невыполнения нормы тебя не били кнутом, а сажали в карцер и пытали холодом и голодом.

В таких условиях главным для коммунистических палачей было, чтобы сведения об их «величайшем в мире гуманизме» не стали достоянием общественности.

Разрешали посыпать не более 2-х писем в месяц. Вся переписка подвергалась строгой цензуре. Запрещалось писать буквально обо всем: о характере выполняемой работы, о питании, о состоянии здоровья, о своих товарищах. Конфискации писем следовали одно за другим. То что не устраивало цензуру, точнее КГБ, обычно никогда не говорилось. В акте говорилось, например, что письмо конфисковано на основании пункта номер такой-то Инструкции о цензуре. С самой инструкцией ознакомить отказывались, говоря, что она секретная. У Каминского Лассала, например, конфисковали письмо за фразу: «Весна наступила, птички поют». У меня как антисоветские и клеветнические конфисковали открытки, где было всего пять слов: «Поздравляю с Новым Годом. Желаю счастья».

Эти постоянные конфискации превращались в настоящее издевательство. Иногда по полгода я не мог послать ни одного письма. Начальник отдела Управления концлагерями ЖХ-385 Зубово-Полянского и Теньгушевского районов Мордовской АССР подполковник Смагин на мои жалобы о необоснованности конфискаций моих писем ответил: «А о чём, Болонкин, вам писать. Напишите жив, здоров и достаточно». Старые з/к рассказывали, что раньше вообще на стенке висел образец письма и посыпать можно было только переписанную копию этого образца.

Но даже из моих писем, которые пропускал лагерный КГБ примерно половина не доходила до адресов, «терялась» почтой. Все мои попытки добиться посылки других писем, взамен утерянных, были безрезультатными. В утре виновата почта, а не администрация – отвечала прокуратура и официальные советские органы. Да и подавать другие письма взамен утерянных можно было только в пределах календарного месяца, а о конфискации часто объявляли, когда месяц уже закончился.

Поступавшая корреспонденция также подвергалась цензуре и большинстве случаев конфисковывалась. О конфискации поступавших писем почти никогда не сообщалось.

Один - два раза в неделю устраивали политчас. На нем начальник отряда лейтенант Зиненко зачитывал присланный из Управления доклад. Страдая косноязычием, запинаясь и путаясь в таких словах, как эксплуатация и экспроприация, он поучал и доказывал политзэкам великие достижения и завоевания социализма.

В субботу и воскресенье показывали какой-нибудь старый или документальный фильм обычно о войне 1941 – 1945 гг., подобранный политотделом Управления концлагерей ЖХ-385. Раз в неделю устраивали баню.

Вскоре после моего прибытия меня вызвал кагебист, прикрепленный к 17а концлагерю. О его прибытии было уже известно и ребята посоветовали вообще молчать и не вступать с ним в беседу.

Явно наслаждаясь своим положением палача, он начал разговор с издевательского вопроса: «Что , Болонкин, надоела вам Москва, решили у нас побывать? Подышать мордовским воздухом, пошить рукавицы?» Я молчал. Все его попытки втянуть меня в подобную «беседу» окончились неудачей. В конце концов он распиховался, разорался и выгнал меня из кабинета. Больше он меня не вызывал.

Вскоре появились и первые «нарушение». При очередном шмоне у меня нашли под матрасом трусы и майку. Вынесли выговор за хранение вещей в неподложенном месте. - «А где положенное место?» – спросил я у ребят.

- Его нет. Советуем класть вещи в подушку или в наволочку матраца. В этом случае формальность будет соблюдена.

4. Политзаключенные.

Политзаключенные представляли собой дружную семью. Все помогали друг другу, делились, чем могли. Хотя это не исключало более тесные союзы по национальному признаку. Существовали как бы украинская, литовская, еврейская, армянская, русские общины, которые обычно выступали едино. Наиболее тягостно и остро переживалось отсутствие информации и поступившие новости мгновенно передавались всем. Свидания давали редко, выдергивали на них специально внезапно, не говоря куда и зачем, уводят заключенного. Тем не менее к свиданиям готовились и политзаключенному, у которого ожидалось свидание, давали массу поручений.

Наиболее выдающейся фигурой среди украинцев был Вячеслав Черновил. Бывшего журналиста в наглую, не имея никаких доказательств, обвинили в причастности к изданию «Украинского вестника» - самиздатовского журнала, наподобие московской «Хроники» информировавшего о репрессиях на Украине. Единственным «доказательством» его вины служила «экспертиза» коммунистов-филологов, что подобную информацию в «Вестнике» мог написать и Черновил. Ему дали 6 лет концлагерей строгого режима и 3 года ссылки. Это был живой, жизнерадостный и деятельный человек, с которым приятно было иметь дело. Как и все украинцы он стоял за отделение Украины от СССР. Перед отправкой из Украины, он написал заявление, что разговаривать с администрацией будет только на украинском языке и его решили отправить в ЖХ-385/17а, где начальник отряда украинец Зиненко еще немного помнил украинский язык.

Среди евреев наиболее значительной фигурой был кандидат биологических наук Илья Глейзер. Возмущенный наглой ложью коммунистической пропаганды об Израиле, он написал в советские органы анонимный протест. Его обвинили в антисоветской агитации. «Кого же я агитировал?» - спросил обвиняемый. «Но секретарь, которая вскрыла письмо – читала его» - был ответ властей. Ему дали 3 года концлагерей строгого режима и 3 года ссылки. Фактически же его посадили за желание выехать в Израиль.

Каминский Лассаль и Коренблит проходили по знаменитому Ленинградскому делу. Их посадили за то, что они дали согласие в качестве пассажиров сесть в самолет, на котором Кузнецов и его товарищи намеревались улететь в Швецию (а затем переехать в Израиль). Все они много лет добивались выезда из социалистического рая. В то время не существовало еще статьи в Уголовном кодексе об угоне самолетов и формально их обвинили якобы в замысле «украсть» самолет АН-2, который оценили в какую-то баснословную сумму. Осудили по статье за особо крупное хищение. Напрасно они доказывали, что самолет им не нужен, что он всегда возвращается страной, дающей политическое убежище. Логика отсутствует в советских судах – да и во всех случаях, когда она не выгодна тоталитаризму.

Ласаль был инженером-металлургом. Он показывал мне открытки с видами Израиля, читал присыпаемые ему письма. Его жена и дочь были уже в Иерусалиме. Впоследствии он подарил мне два тома учебника английского языка, достать которые в условиях концлагеря было нелегко. Занимался со мной языком Илюша Глейзер, который владел им хорошо. Он же организовал для молодых ребят политзаключенных цикл лекций по биологии. Они приходили рассаживались на его койке и он им рассказывал о новейших достижениях в своей области. Осведомители разумеется вскоре об этом донесли, Зиненко вызвал Глейзера, разорался и лекции пришлось прекратить.

Евреи имели, пожалуй, наиболее ясную перспективу перед собой. Их главной целью было переселение в Израиль. И после всемирного скандала, вызванного их процессом, они не сомневались, что после отбытия срока им дадут выезд. Во время пребывания в концлагере они старались сохранить здоровье, добыть продукты, делали по утрам зарядку. Не всегда участвовали в протестах, старались меньше конфликтовать с начальством. Это порой вызывало нарекания других пз/к. Евреям оказывалась большая поддержка со стороны Израиля и международных еврейских организаций в мировой печати и администрация притесняла и преследовала их меньше, чем остальных. Хорошо когда за твоей спиной стоит хоть маленькое, но демократическое государство!

Молдаванина Валерия Граура – кишиневского учителя физика посадили за требование возврата Румынии оккупированной Сталиным в предвоенные годы Бессарабии. Он

рассказал, что никакой так называемой молдавской нации не существует. Это румыны названные так коммунистами после оккупации этой области советами. И молдавский язык это фактически румынский язык. Считать молдаван отдельной нацией это все равно, что считать псковитян или новгородцев отдельными национальностями.

На всех этих и последующих других фактах (например, касающихся армян) хорошо известных за границей я останавливаюсь только потому, что в коммунистических учебниках истории о них никогда не упоминается и я услышал о них впервые. Основной массе русского населения да и большинству русской интеллигенции они не известны. Все мы в СССР живем в мире мифов коммунистической пропаганды и докопаться до правды чрезвычайно трудно, а чаще всего просто не возможно.

Сам Валера был мужественный и стойкий человек, с которым было приятно общаться.

Алика Пашилиса посадили за соучастие в распространении листовок с требованием независимости Латвии. Это был толковый парень, обладавший опытом пз/к и знаявший основы конспирации. С ним я имел несколько полезных бесед по методам размножения и безопасности. Он дружил с Брониславом Вильчаускосом – молодым парнишкой в прошлом музыкантом. Да и сам Алик играл на некоторых инструментах. Вчетвером они организовали небольшой самодеятельный ансамбль из пз/к и по торжественным дням мы иногда собирались в столовой и слушали их выступления. Начальство вначале смотрело сквозь пальцы на поступавшие к нему доносы о таких концертах, но после того как ансамбль отказался выступать на каком-то коммунистическом празднике, резко изменило свою позицию и собрания в столовой пришлось прекратить.

Бабаян, Товмасян и Меликян сидели за требование отделения Армении от СССР. Они рассказывали о недовольстве в Армении тем, что большая часть Армении после октябрьского военного переворота была отдана Лениным Турции и чудовищном геноциде, последовавшем вслед за турецкой оккупацией, резне, в которой погибли миллионы армян. Рассказывали о препятствиях, чинимых властями, когда армяне пытаются отмечать печальные даты в память о погибших. Бабаян и Товмасян были старики, Сурен Меликян – молодой парень. Они как и другие ребята считали меня главой русской общины, часто приглашали на чаепития, беседы, помогали, чем могли. Большинство нерусских пз/к понимало, что обрести независимость их республики могут только в случае падения тоталитаризма в СССР. Иначе даже такая крупная республика как Украина будет раздавлена массой русских рабов, которых одурачат очередным мифом о происках агентов империализма, национализма или необходимости срочной помощи данной нации в защите завоеваний «социализма».

Тем не менее, они не хотели сидеть, сложа руки и ждать, когда прозреет великий брат и считали, что борьба в республиках за национальную независимость поможет и прозреть русской нации.

В концлагере были участники освободительных движений на Украине и Прибалтике, боровшиеся с оружием в руках против коммунистов за независимость своей родины. Многие из них имели 25-летние сроки и сидели уже не первый десяток лет.

Одной из наиболее трагичных фигур был православный священник Ершов Михаил. Он был сторонником так называемых «истинных христиан», отказывающихся признавать поставленного коммунистами патриарха и оставшихся верными старому патриарху Никону. Это был благообразный набожный старик с седой бородой и усами. Однажды борода его начальнику не понравилась и его насильно обрили. Когда это делали, он плакал.

Сидел Ершов с 1933 года с молодых лет и с перерывом в два года. Отсидел в общей сложности около 40 лет. Я читал его приговор и диву давался за что терзали человека. Ничего кроме того, что он со своими сторонниками молился и организовал молельный дом, в приговоре не было. Со злобой писалось, что вместо ожидания коммунизма, они ждали конца света.

Умер он в 1974 году во время моего пребывания в концлагере ЖХ-385/17а. Его хватил паралич. Четыре дня он лежал без сознания. Затем его отвезли в больницу, где через несколько дней он скончался от истощения. Делать ему искусственное питание или как то бороться за его жизнь коммунистические эскулапы и не подумали.

5. Полицаи и другие.

В ЖХ-385/17а как и в других советских политических концлагерях политзаключенные специально перемешаны с нацистскими преступниками, людьми служившими (или работавшими во время оккупации) у немцев или как их здесь называли, бывшими полицаями. Это позволяло коммунистам всех оптом называть фашистами, убийцами, изменниками, прислужниками империалистов, натравливать на нас население и уголовников. Полицаи в большинстве своем были малограмотные, темные, деградированные личности, воспитанные подобно большинству советских людей в слепом подчинении властям. Многие из них и служить стали немцам потому, что новые власти приказали и надо было хоть как-то выжить. Можно ли лошадь судить за то, что она работала на немцев?

Поскольку администрация концлагеря требовала доносительства – они доносили, требовала работы – они были готовы трудиться до упаду. Стукчество среди них было развито чрезвычайно. Доносили всем: кагебистам, оперу, начальнику отряда, надзирателям. Каждый из администрации старался создать собственную сеть. Оказалось, что попутчик, с которым я ехал из Потьмы, работал библиотекарем – нарядчиком и был старшим среди этой обширной когорты стукачей. Должность библиотекаря удобна для передачи доносов и администрация ставит на нее обычно своего человека.

Судьба большинства полицаев типична и поучительна. После оккупации служба у немцев ради куска хлеба. Многие из них никого не убили и даже не избили. После прихода советских войск, допросы в КГБ, мобилизация и посылка на фронт – искупить свою вину. Те, кто остались живы, закончили войну с орденами, медалями, ранениями.

После окончания войны их арестовывают, отбирают ордена и медали, большинство расстреливают, а тех у кого ничего не было, кроме службы в полиции (иногда только работа во время оккупации), заключают в концлагеря. Они отрабатывают в них по 12 – 15 лет и оставшиеся в живых, наконец, обретают свободу. На воле работают, получают благодарности, обзаводятся семьями. В начале 60-х годов в советских концлагерях начинается нехватка рабочей силы. В пропаганде поднимается шум: мы ничего не забыли, мы ничего не прощаем. Многих бывших полицаев за то же самое вновь осуждают и сажают в концлагеря. В 1974-76гг, когда я находился в Мордовии, некоторые из них отсидели по 25 и более лет, хотя по советскому законодательству максимальный срок заключения не может превышать 15 лет. Рядом со мной была койка бывшего полицая Сухова. О себе он рассказывал следующее. Попал в плен. В лагере для военнопленных умирал с голода. Тут немцы объявили, что набирают команду для работы и работающие будут получать паек. Все лезут, все желают, все вопят «Я хочу». Немцы отбирают десяток

самых здоровых, в том числе Сухова. Оказалось, что «работа» заключается в закапывании трупов и набирали немцы команду могильщиков. Через пару месяцев при удобном случае Сухов бежит, переходит линию фронта, является к властям и по неосведомленности рассказывает все как было. Дальнейшая судьба типична.

Конечно среди полицаев были и такие, которые были виновны в массовых убийствах или участвовали в операциях против партизан, но они остались в живых, видимо, благодаря тому, что были осуждены тогда, когда в СССР на короткое время была отменена смертная казнь.

В основной своей массе это были типичные советские люди слепо верившие пропаганде, использовавшие слово «демократия» как ругательство и доносившие за пачку чая, мелкие льготы и дополнительные посылки.

Судьба большинства из них была уникальна. Это были единицы из миллионов, прошедшие войну, коммунистические концлагеря и оставшиеся в живых благодаря счастливому стечению обстоятельств, подлости и ловкости. Стукачество, рабская психология и приспособленчество были для них обычной вещью.

В отличие от политических, которые в первую очередь знакомились с приговорами друг друга, полицаи боялись навлечь гнев начальства и свои судебные решения читать никому не давали. За все время мне так и не удалось ознакомиться ни с одним из их приговоров. Возможно их им и не давали.

Некоторые из них жили представлениями о воле еще военных лет, сушили остатки пайки черного хлеба на сухари, копили старую арестантскую одежду, чтобы по выходе «помочь» своим родным.

Одной из забавных фигур в лагере был Петр Ломакин. Молодой парень, сирота, инвалид (повреждена и высохла рука, перекошено лицо), вырос в детдоме. В 16 лет его выпихнули из приюта. Ни жилья, ни прописки, ни работы. Стал нищенствовать. В церковные праздники, как рассказывал, набирал немало, хватало и на выпивку в ресторане.

Надоела такая жизнь, написал анонимку министру обороны Гречко. Посоветовал, чтобы тот взял власть в свои руки и навел в СССР порядок. В противном случае грозил потопить Тихоокеанский флот ?!

Однажды во Владивостоке, подвипив, позвонил по официальному телефону в местное КГБ, представился прибывшим из Москвы кагебистским инспектором-генералом и стал их ругать. Дежурный тут же установил с какого телефона звонят и туда помчалась машина КГБ. Кагебист, чтобы подольше задержать у телефона, почтительно поддакивал Ломакину, заодно записывая разговор на магнитофон. Ломакин сплюну все принял за чистую монету и стал крыть их за неполадки. Выходит из телефонной будки, а машина его уже ждет.

Устанавливают, что он автор анонимок и вполне серьезно приписывают ему замысел потопить советский тихоокеанский флот и попытку склонить министра обороны Гречко к заговору против советской власти. Даже мы, привыкшие ко всему, читали его приговор, с чувством пребывания в стране идиотов. Дали ему правда немного, всего 2,5 года. То ли учили малость лет, то ли сам КГБ стеснялся такого «свергателя» и «заговорщика». Как личность это было ничтожество, которое усердно доносило о нас Зиненко, а нам об администрации. Большинство пз/к его не любили и в глаза называли стукачом. Занимался он и воровством. У нас с Кузюкиным несколько раз пропадали из тумбочки продукты и я уверен, что похищал их Ломакин.

Слава Петров однажды обратил мое внимание на бывшего полковника, сотрудника московской военной академии. С целью проверки КГБ подсунул ему кагебиста,

представившегося агентом ЦРУ и предложившего сотрудничать с ним. Полковник согласился. Итог 10 или 12 лет концлагерей.

Наиболее одиозной фигурой в концлагере был старый узник-мужелом, называвший себя женским именем - «Любка». Он начал сидеть еще в сталинские времена и иногда рассказывал об ужасах тех лет. Он и другие я впервые услышал о старых концлагерях, в которых все, кроме начальника, были заключенные. Даже особо выделенных привилегированных заключенные стояли на вышках охраны с винтовками. Для управления такими концлагерями заключенных разделили на касты с разными условиями содержания. Надзирали за з/к специально отобранные узники, которые по жестокости намного превосходили вольных надзирателей. Избиения, убийства были обычным явлением в таких концлагерях. Питались работающие з/к объедками со стола новой администрации.

Существование таких концлагерей еще раз доказывает возможность создания общества, где все основано на страхе, где все недовольны кроме одного на верху пирамиды и где каждый из администрации служит за свои привилегии. Система «капо» в немецких концлагерях была слабым подражанием коммунистической концлагерной системы.

«Любка» рассказывал как они обманывали надзирателей во все время работы, укладывая на тачку сначала телогрейки, и только потом насыпали сверху грунт и камни, и как жестоко били тех, у кого обнаруживали этот обман.

Он был искалечен, у него не действовала рука, но его как и Ломакина заставляли работать.

Попал «Любка» в политический концлагерь, наверно, как и большинство узников. Он наслышался узников баек о «хороших» условиях содержания политзаключенных и решил податься к ним. Находясь в заключении, написал неграмотную листовку или обматерил кого-то из ЦК. Результат: довесок в несколько лет и отправка в политический концлагерь. Здесь ему очень не понравилось. Никто не хотел пользоваться его сексуальными услугами, никто не предлагал ему за это конфет или продукты. Он был фактически неграмотный и от всех виденных ужасов, по-видимому, несколько свихнулся.

Рядом со мной находилась койка раздатчика пищи – пожилого мужчины лет шестидесяти. Не знаю за что он сидел. Он рассказывал, что в тюрьме из-за истязаний кагебистов он заболел и не мог подняться. Ему выплескивали баланду прямо на грязный пол и чтобы не умереть с голода он ползком добирался до лужи и вылизывал ее языком.

Однажды он при всех рассказал как в их колхоз привезли английскую сперму и искусственно оплодотворили ей худосочных советских коров. Начали рождаться бычки какой-то английской породы с большими головами. Коровы никак не могли разрешиться от бремени. Многие из них погибли.

Стукачи тут же донесли и на следующий день раздатчика вызвали к Зиненко. Тот стал орать на него и угрожать репрессиями за антисоветскую агитацию.

6. Концлагерная жизнь.

Увиденное и услышанное в советских концлагерях сильно поразило меня, способствовало лучшему пониманию омерзительной сущности тоталитаризма, коммунистической системы. Особенно поразили приговора. Они были составлены коммунистами в духе обычной трескотни, голословных обвинений, передержек и наглой лжи. Тем не менее непредубежденному человеку, когда дело касалось конкретной части, совершенных деяний, становилось ясно, что за это сажать и подвергать людей мучениям не только бесчеловечно, но и преступно. Отлично это понимают и коммунистические

палачи. Приговоры часто объявлялись секретными, не выдавались на руки, а в случае выдачи забирались обратно. В концлагере я познакомился еще с одним методом скрытия фашистскими коммунистами следов своих преступлений. При обысках приговора изымались и у них вырезались печати и подписи. Чтобы потом заявить, что все это ложь и клевета. Т.е. палачи фашистского коммунизма отлично сознавали преступный характер своих деяний.

Владея тайнописью, я решил переписать наиболее интересные приговора в надежде, что их удастся вынести. Сделать это было чрезвычайно сложно. Барак был общим, уединиться было абсолютно негде, большая часть з/к были стукачи, которым было дано задание бдительно следить за некоторыми политзаключенными, в том числе и за мной. Странное писание на бумаге, после которого не остается никаких следов у любого бы вызвало подозрение. Само наличие приговора на столе вызывало бы подозрение и заставляло задуматься, что происходит. А чужого приговора тем более. Дача приговора для ознакомления преследовалась, а чужой приговор немедленно отнимался. За переписку чужого приговора могло сфабриковано новое дело.

Были и чисто технические трудности. Освещение было плохое, писать приходилось вслепую. А когда к тебе постоянно подходят люди и надо вести себя так, чтобы они ничего не заподозрили, терялся конец записи как по смыслу так и по расположению на листе. Приговоры были громоздкие. Некоторые содержали по 40 и более страниц плотного машинописного текста. Под предлогом изжоги я выпросил в медпункте немногого соды, 3 – 5% раствор которой я и использовал в качестве чернил. Я садился за тумбочку у стенки, спиной к обществу раскладывал на тумбочке конверты, недописанное письмо и имитировал писание почтового отправления. Единственный человек, который был посвящен в то, чем я занимаюсь, был сосед по койке Владимир Кузюкин, от которого скрыть это было просто невозможно. Неудобство же состояло в том, что моя тумбочка стояла около окна, окно находилось близко у выхода и мимо окна постоянно ходил народ. С той стороны им было видно меня неплохо.

Тем не менее все прошло удачно. Я написал общую тетрадь мелким почерком и переписал почти все интересные приговора. Позднее, когда меня временно отправили в больницу я передал ее для хранения политзаключенному С.

Спустя месяца два после моего отъезда в концлагерь ЖХ-385/17а из ЖХ-385/1-6 (особый режим) перевели двух уголовников-стукачей. Чтобы проявить свое усердие они выдумали и сочинили на С донос, что якобы С готовит Обращение к Мировой общественности. В ЖХ-385/17а в панике примчался сам начальник КГБ при Управлении ЖХ-385 полковник Дротенко. У С сделали генеральный обыск и после осмотра всех изъятых бумаг лично Дротенко, вернули. Чистая тетрадь не вызвала у него никаких подозрений и также была возвращена. Не зная в чем дело, запаниковал и передал ее Кузюкину, который заверил меня, что он ее сжег. Потом выяснилось, что она оказалась в КГБ.

В концлагере было много стариков по 60-70 и более лет, главным образом среди полицаев. Многие из них были больны, немощны и еле ходили. Но для заключенных коммунистических концлагерей не существует такого понятия как пенсионный возраст и освобождение от работы по старости или инвалидности. Они должны трудиться пока не подохнут. Тем не менее палачи понимали, что заставить работать или требовать норму от больного старика, который еле ходит, а то и не может подняться с постели – просто невозможно. Поэтому ежегодно проводились медицинские комиссии, на которых

определялась степень инвалидности. Инвалиды третьей группы пользовались в труде мизерными послаблениями. Например, их не могли посыпать ночью на разгрузку вагонов. Инвалиды второй группы освобождались от труда, но если он мог хоть немного двигаться, администрация выгоняла его на работу и требовала не менее половины нормы.

В мае мне дали личное свидание. Надзиратель пришел на работу и, не говоря куда и зачем, приказал мне следовать за ним. Меня провели на вахту, раздели до гола, обыскали, заглянули в зад, переодели в другую арестантскую одежду и заперли в той части вахты, которая была отведена под дом свиданий. Это часть представляла собой 3 или 4-е маленькие комнатки, выходящие в общий коридор, маленькую кухоньку и туалет. Повсюду решетки на окнах. Вход с вахты запирался на ключ. Вскоре после тщательного обыска туда же привели мою жену и объявили, что дают свидание на два дня. Был уже вечер. Мне повезло. В это же время у Алика Пашилиса проходило свидание с матерью. Я познакомился с Беруте – боевой и энергичной женщиной, знакомой с московскими диссидентами. От нее я узнал ряд новостей, произошедших за два года моей полной изоляции. Мы не могли наговориться, хотя ребята предупредили меня, что весь дом свиданий утыкан микрофонами.

Утром явился надзиратель и заявил, что я должен собираться, что меня хотят днем вывести на работу. Жена в слезы, да и у меня настроение не ахти какое, т.к. ясно, что после контактов с пз/к обратно они меня не приведут. Я стал возмущаться, протестовать. Надзиратель ушел «выяснить» и около часа мы сидели в томительном ожидании. Через час он явился и заявил, что начальство в виде особой милости решило меня на работу не выводить, но эти два дня я должен дополнительно отработать.

Позднее пз/к мне рассказали, что это один из психологических приемов, чтобы поиграть на нервах у заключенного и его родственников. И не выводят на работу они не из милости к политзаключенному, а чтобы не допустить передачи просьб или поручений других политзаключенных.

Свидание у Алика с матерью кончилось на сутки раньше, чем мое. В конце моего свидания он попросил меня спрятать в печке на кухне мешок с растворимым кофе. Дом свиданий оставался после нас на долгое время пустым, т.к. свидания в ЖХ-385/17а давались редко. Он надеялся потом каким-нибудь способом извлечь этот кофе. Я выполнил все в точном соответствии с его указаниями, затолкал мешок максимально далеко чуть ли не в дымоход, засыпал золой и заложил дровами. Надзиратели конечно хорошо знали все эти примочки и при обыске, которому подвергался дом после свиданий, нашли мешок. Кофе стоимостью свыше 100 рублей украли, а нам сказали, что оно якобы сгорело при топке печи. От начальства свое жульничество они скрыли, опасаясь, что оно заберет кофе себе и репрессий в отношении нас не последовало.

Аналогичная проблема (впрочем как и у всех на свидании) возникла и у меня. Как вынести хоть немного продуктов со свидания и угостить ребят. Многие из них уже по многу лет ничего не видели кроме баланды. Но где спрятать? В комнате только койка, столик, стул – все легко осматривается да и комнаты после свидания запираются. На кухне столик, полка и ведро с водой. Вонючий туалет – просто большая яма с доской наверху заваленная фекалиями.

И тут я вспомнил о шутке, которую сыграли со мной друзья, когда я еще учился в аспирантуре МАИ. В комнате общежития нас жило четверо. На площади в 16 кв. метров размещались 4-е койки, стол, 4-е стула и шкаф. Ребята шутки ради спрятали мой

чемодан и предложили его найти, утверждая, что он в комнате. Чемодан не иголка и даже не книга. Нормальный дорожный чемодан средних размеров. И спрятать его можно либо в шкафу, либо под одной из коеок. Все остальное в комнате на виду и легко просматривается, не сходя с места.

Под смех друзей я искал его около часа, и готов был спорить на что угодно, что его в комнате нет. Наконец, нахохотавшись, они мне показали, где он находится.

Таким способом я и спрятал часть продуктов, а остальные спрятал как обычно прячут все: в кастрюлю, под тумбочку, под кучу мусора. Все спрятанное обычным способом было найдено и забрано надзирателями себе. И только спецспособ сработал.

Впоследствии мы извлекли эти продукты и полакомились с друзьями. Жаль только, что поместить их там можно было немного.

В июле 1974 года у меня начался острый приступ болезни. Я еле ходил. В это время приехал в концлагерь начальник КГБ Дротенко. Он увидел как я ковыляю из барака в туалет и спросил в чем дело. Тогда КГБ не оставляло еще надежду склонить меня на свою сторону и Дротенко решил сделать милостивый жест. До этого концлагерные эскулапы и внимать не хотели моим жалобам на боли, на то, что я оправляюсь гноем и кровью. Тут же без всякого обследования или осмотра на следующий день в пятницу утром пришел надзиратель, сказал, что меня отправляют в лагерную больницу и приказал немедленно в его присутствии взять необходимые вещи: пару нижнего белья, мыло, зубную щетку, бумаги и конверты.

Я попрощался издали с друзьями и отправился с ним на вахту. Шмон, ожидание в камере вахты, посадка в воронок.

Часть III. Концлагерная больница ЖХ-385/3-3.

1. Первые впечатления.

Около часа мы тряслись в душном вонючем боксе воронка. Минут через 15 после такой езды меня начало рвать и несколько раз я терял сознание. Раза два солдаты выводили меня из воронка отдохнуть и, наконец, посадили с собой в охранном отделении.

Мы прибыли на станцию Явас. Заключенных выгрузили, посадили на траву, окружили автоматчиками. Минут через 20 подошел пригородный небольшой поезд и всех погрузили в столыпинский вагон. Все стены в камере-вагоне были исчерчены именами, фамилиями, ругательствами, проклятиями. Через окно в коридоре мы могли видеть кусочек «воли» и заключенные постоянно называли концлагеря, находящиеся вдоль железной дороги и расположенные друг за другом. Поистине, Мордовия край концлагерей.

Примерно через час поезд остановился на станции Баращево и нас как скот загнали в один из загонов, огороженный колючей проволокой. Из другого загона выгнали и погрузили з/к, предназначенных к отправке.

Мимо ходили жители поселка. Большинство не обращало никакого внимания на несколько десятков грязных, замученных людей с котомками, стоявших за колючей проволокой в окружении автоматчиков. Для них это была привычная картина. Да и большинство из них работало надзирателями в концлагерях, т.к. никаких иных предприятий в большинстве поселков этих районов не было.

В одном поезде с нами ехали пионеры. Их вывели, построили и под барабанный бой повели на очередное коммунистическое мероприятие. Задумался ли хоть один из них, что картина, которую он видит мало отличается от рисунков, изображавших нацистские концлагеря и почему весь их район заполнен так называемыми исправительно-трудовыми колониями?

Вскоре пришел начальник спецчасти. Наши дела рассортировали, нас разделили по группам. Большую часть повели в концлагерь для уголовников, а меня и еще несколько человек автоматчики повели в концлагерную больницу. Здесь заперли в одну из камер. Двое молодых людей были с обрезанными ушами. Это были уголовники концлагеря ЖХ-385/1-6 особого режима п. Сосновка, доведенные до полного отчаяния и обрезавшие себе уши в «подарок» очередному съезду КПСС. Снова последовал тщательный шмон, хотя нас шмонали всего три часа назад. Один из уголовников матерно ругался. Пока он ехал кто-то из его «друзей» успел заложить его. Из Сосновки позвонили и надзиратели торжественно извлекли из заднего шва его сапога защитные там 5 рублей.

Наконец около 12 часов дня нас выпустили на территорию больницы. Больные политзаключенные ждали с нетерпением – кто прибудет – пятница этапный день. Я снова встретил Славу Петрова, которого отправили в больницу недели две до этого. У него был цирроз печени и его поместили в терапевтический корпус. Меня же направили в хирургию. Посещать чужие корпуса запрещалось, но днем во время прогулки мы могли встречаться и беседовать на лавочке.

Концлагерная больница представляла собой прямоугольную территорию 150 шагов в ширину и 350 шагов в длину. На ней находились деревянные одноэтажные небольшие дома, каждый из нескольких комнат. Были корпуса: терапии, хирургии, совместно туберкулезный и инфекционный (огороженные отдельным забором), корпус в котором жила прислуга из з/к и находился небольшой зубной и зубопротезный кабинеты, столовая, баня, морг.

С одной стороны к больнице примыкал уголовный концлагерь и психбольница для з/к, с другой стороны женская больница для уголовников и зона для политзаключенных – женщин. Концлагерная больница охранялась также тщательно как и концлагерь.

Слава Петров провел меня по своему терапевтическому корпусу. Везде были вонь и грязь неописуемая. Темный, мрачный туалет с огромными мухами, здоровенные крысы, старики – больные, многие из которых не поднимались с постели и провоняли потом и мокротой, набитые битком комнатки – палаты. Заведывал этим корпусом врач Яковлев. Появлялся он два-три раза в неделю. Слава рассказывал, что были случаи, когда больному становилось плохо и по 12 и более часов нельзя было вызвать врача. Часто врачи являлись, когда больной уже скончался.

В хирургии, где поместили меня, было чище. Но это была целиком заслуга санитара – заключенного, сидевшего за то, что когда немецкая оккупация Прибалтики была заменена советской, он не захотел защищать свою оккупированную родину и прятался от новых властей. Раньше во время немецкой оккупации он также не хотел защищать свою страну от наступавших коммунистов и прятался от мобилизации. Но нацисты его за это не посадили, а коммунисты обвинили в измене родине и всадили 12 или 15 лет.

Санитаром в терапии был Валтус тоже прибалт, в отношении которого меня сразу предупредили, что это старый осведомитель КГБ.

Вообще подавляющая часть прислуги из заключенных, особенно санитары корпусов, были осведомители администрации и КГБ. Больница это место, где могли встречаться

заключенные разных концлагерей и информация могла просачиваться из концлагеря в концлагерь.

В хирургии меня поместили рядом с Мудровым, в отношении которого ребята меня сразу предупредили, что он работает на КГБ. О себе и своем деле Мудров ничего не говорил, но из обрывочных фраз следовало, что он сидел за попытку шпионажа, сообщив какие-то невинные сведения подсунутому ему агенту КГБ. У него в КГБ работал крупным чином какой-то близкий родственник, который с перепугу тут же от него отказался. В концлагере Мудров очень старался услугами КГБ добиться помилования. Бывший журналист сразу принял обхаживать меня, угождать деликатесами, раздобыть которые в условиях концлагеря можно было только через КГБ.

Слава Петров за время своего пребывания в больнице сошелся с Валерием Белоховым, работавшим санитаром в зубном и зубопротезном кабинете и помогал ему ремонтировать зубное отделение.

Он сказал: «О Белохове ходят слухи, что он работает на КГБ, но это эрудированный, толковый парень, знакомый с методами размножения, криминалистикой, конспирацией и с ним полезно познакомиться». Вскоре он представил Белохова мне.

Белохов сразу же доверительным тоном заявил: «Обо мне говорят, что я осведомитель, поэтому я убедительно прошу не говорить мне ничего такого, что представляло бы интерес для КГБ».

В последствии он подробно рассказал на чем основаны эти подозрения, указывая, что каждый из вменяемых проколов можно объяснить и другими причинами. О своем главном обвинителе Крониде Любарском Белохов отзывался с большим уважением как о кристально чистом и честном человеке, считая, что тот выдвинул против него малообоснованные обвинения. Все это производило впечатление. Во всяком случае Славе Петрову он настолько закапал мозги, что тот как-то сказал: «Если он действительно окажется осведомителем, то я его задушу собственными руками!»

Сидел Белохов за организацию какой-то группы, занимавшейся размножением самиздатовской литературы и листовками в Саратове. К активной деятельности они перешли после ареста ряда инакомыслящих студентов в Саратовском университете. Белохов говорил, что они делали подпольную радиостанцию и им оставалось две недели до выхода в эфир. Я не видел его приговора, но ребята с 19-го концлагеря говорили мне, что у него типичный приговор политзаключенного. Дали ему 4 или 5 лет. После изобличения в ЖХ-385/19 его перевели в больницу, где устроили санитаром в зубопротезный кабинет.

Техником в зубопротезном кабинете работал политзэк Заверткин Василий Илларионович, стариk около 60 лет. Это был убежденный террорист, в глубине души презиравший инакомыслящих с их ненасильственными попытками добиться либерализации коммунистического режима.

Свою деятельность он начал в террористической группе в 30-е годы. Группу раскрыли, все казнили, а его как несовершеннолетнего сослали в сибирские концлагеря.

Рассказывал как он бежал из сталинского концлагеря и зимой в сильный мороз по тайге и долинам рек по глубокому снегу прошел несколько сот километров до ближайшего городка. Шел около двух недель, обогреваясь у костра, и переползал заградительные посты, Пришел в городок изнеможенный, весь обмороженный, недели две лечился, а при попытке сесть в самолет был арестован.

По отбытии заключения, работал зубным техником. Был задержан на территории Кремля с автоматом под плащом и несколькими сотнями патронов. Приговорен к длительному сроку заключения. В Мордовские концлагеря он попал после 7 – 8 лет пребывания в зловещей Владимирской тюрьме особого режима.

Вел он себя очень настороженно, считал, что Белихов приставлен для слежки за ним, тайно делал надзорсоставу золотые зубы, брал с заключенных взятки за изготовление коронок и искусственных зубов. Ко мне он правда относился неплохо, подкидывал и помогал продуктами, которые получал от надзирателей за изготовление зубов. Он находился под постоянной угрозой закупорки кровеносных сосудов и мучился с ногами.

Хирургическим отделением заведовал врач Васильков. В операциях ему помогал заключенный бывший подполковник или полковник медицинской службы Шурер. Он был формально осужден за принятие подарка за лечение (по коммунистической терминологии «за взятку») и отбывал срок в соседнем уголовном лагере. Приводили его под конвоем. Впоследствии он был помилован.

В концлагерной больнице как и во всяком советском концлагере из заключенных, работавших в обслуге, был создан «Совет коллектива» (СВП) - организация, возлагавшая на своих членов функции официальных добровольных надзирателей и доносчиков на своих товарищей. В концлагерной больнице председателем этой организации был назначен бывший кагебист начальник следственного отдела КГБ г. Ленинграда и Ленинградской области генерал Браверман, осужденный после падения Берия на 25 лет за массовые убийства и пытки тысяч заключенных.

Это был гадкий противный тип с выпуклыми рачьими глазами, занимавшийся доносами и при каждом удобном случае старавшийся показать, что он готов также верно служить и новым коммунистическим правителям.

Затем его на этом посту сменил Чмара – бывший полицай, служивший в карательных войсках у немцев.

Вскоре, как я убедился впоследствии, во всех Мордовских политических концлагерях во главе добровольных надзирателей из з/к («сэвэпэшников») стояли матери фашистские убийцы, которые, не стесняясь, называли себя «верными псами советской власти». Слово «демократ» использовалось ими как ругательство. Да и само «сэвэпэ» целиком состояло из фашистских преступников. Слава Петров, находясь в 17-ом концлагере, смеха ради, подал заявление о желании вступить в «сэвэпэ». Начальник концлагеря Акмаев ответил, что он «не достоин» быть членом этой организации – сборища стукачей и подонков.

Питание в больнице было немного лучше, чем в концлагере. О заболевании, состоянии здоровья, результатов анализов – ничего не сообщалось. Скрывали даже факт выписки из больницы. Просто утром приходил надзиратель и приказывал в его присутствии собрать вещи для отправки на этап. Документация велась чисто формально. Я сам видел как раз в неделю приходила медсестра и заполняла карточки ежедневных замеров температуры больных (у всех близкая к нормальной), хотя я ни разу не видел, чтобы такие замеры делались в палате. Когда у меня брали анализ мочи, с целью проверки их объективности, я насыпал туда кучу разных размолотых таблеток. Потом я спросил - каковы результаты анализа? Мне ответили – все в норме.

Иногда раздавали таблетки или делали уколы, но не сообщали о применяемых лекарствах. Вообще лечения фактически не было. Скорее больница была местом, куда КГБ направлял политзаключенных, чтобы успокоить общественное мнение и создать иллюзию лечения. Кроме того, это было место куда временно отправляли особо заслуженных и

действительно тяжело больных осведомителей КГБ, поскольку отпусков в системе рабских советских концлагерей не существует.

Для КГБ постоянно стояла проблема организовать пребывание в больнице так, чтобы политзаключенные разных концлагерей, особенно видные политзаключенные, не могли встречаться друг с другом и чтобы информация из одного концлагеря не могла просачиваться в другой концлагерь. С этой целью график пребывания политзаключенных в больнице составлялся таким образом, чтобы, по возможности, исключить их совместное пребывание. Политзаключенных из концлагеря особого режима запирали в камеры, подходить к окнам которых строго запрещалось, разговоры с пз/к особого режима преследовались, на посетителей других корпусов смотрели косо, заключенных в этапный день (пятница) уводили утром, а новых больных приводили в обед, персонал obsługi почти сплошь набирался из стукачей.

Поражало полное равнодушие администрации и медперсонала к стонам и воплям искалеченных людей. Очень трудно было вызвать врача или других медицинских работников. Истекающие кровью люди бросались на попечение заключенных-санитаров, не имевших никаких познаний в медицине и не знающих как оказывать простейшую медицинскую помощь. На воле эти «санитары» работали землекопами, лесорубами, шоферами и попали в «медики» за услуги КГБ. Они в лучшем случае могли подметать палаты и топить печки, а их заставляли выдавать таблетки, делать клизмы и даже уколы. Многие из них развлекались тем, что давали больным не те лекарства и так делали уколы, что больные начинали вопить. Они отказывались помогать лежащим больным делать оправку и в палатах стояла нестерпимая вонь.

2. Игра

Кагебисты постоянно посещали «больницу». Обычно они занимали кабинеты врачей и начиналась беготня санитаров – вызовы к «врачам» на лечение. Вызывались стукачи, просто больные (чтобы нельзя было выявить осведомителей) и политзаключенные для воспитательных бесед. Конечно и был кагебист, постоянно прикрепленный к концлагерной больнице, который 2 – 3 раза в неделю делал обход прислуго, собирая устные и письменные доносы с «ценнейшими» сведениями, кто из пзк беседовал друг с другом, как вели себя надзиратели, врачи, больные. Или выслушивали сплетни стукачей друг на друга. Но начальство и само желало встречаться со своими подопечными стукачами 1 – 2 раза в месяц. И число вызовов к этим «врачам» могло конкурировать к врачам официальным.

В одном из таких посещений и «бесед» начальник КГБ Управления Дротенко предложил устроить меня на должность конструктора – технолога на соседнем заводике заключенных-уголовников в обмен на обещание вести себя тихо и не участвовать в коллективных голодовках и протестах политзаключенных.

Я знал, что в корпусе обслуживания в больнице в отдельной комнате работал заключенный в этой должности, который должен был освободиться по концу срока. Трудность была в том что на заводике работали уголовники, посещать его можно было только по разрешению начальника и работать нужно было заочно.

Я посоветовался с наиболее авторитетными пз/к, бывшими в то время в больнице и они решительно настаивали, чтобы я согласился. Как уже упоминалось, больница находилась на главном пункте передачи внутрилагерной информации и политзаключенные давно

стремились заиметь там своего человека. Особого значения не имело будет ли участвовать в голодовках и протестах больше или меньше на одного человека.

Около месяца я пролежал в хирургическом отделении и еще недели две меня продержали в зубопротезном, где поставили пару коронок. Все это время «решался» вопрос о моей работе. Кагебисты говорили, что никак не могут договориться с охраной, чтобы устроить мне экскурсию на завод. Наконец меня под конвоем двух автоматчиков провели 200 метров, отделявших завод от больницы. Гидом моим стал сам директор завода, который провел меня по всем цехам, службам, свел и познакомил с вольнонаемными технологами, работавшими в небольшой комнатке. «Завод» представлял собой мастерские, где изготавливались металлические каркасы рулей и втулки для автомобилей.

После авиационных заводов, где я проходил практику, и мастерских авиационных ОКБ, где мне приходилось работать, заводик заключенных производил гнетущее впечатление. Везде была грязь, разлиты масло и эмульсия, навалены материалы и заготовки. Между станками двигались серые, грязные фигуры заключенных. Некоторые с удивлением смотрели, что это за человек в арестантской одежде ходит с карандашом и бумагой вместе с их директором.

Директор жаловался на большое количество брака, частые поломки дорогостоящего инструмента и станков, на то, что на многих операциях заключенные вынуждены работать с голыми руками, а эмульсия разъедает кожу, на постоянный травматизм иувечья, на нежелание заключенных добросовестно трудиться. В одном месте он увидел, спрятавшегося за дверью и спавшего заключенного, стал его пинать и поднимать ногами.

После экскурсии, казалось, все препятствия устраниены и я могу приступить к работе. Однако это не происходило под смехотворным предлогом отсутствия стола. Наконец, кагебисты предложили мне вместо инженера-конструктора должность кочегара в больничной бане. Поскольку наша задача состояла в том, чтобы любыми путями заиметь своего человека в больнице, я согласился и в конце августа приступил к своим новым обязанностям кочегара. Думаю, что со стороны КГБ это была большая жертва. Им пришлось убрать с этой должности и отправить в 19-й концлагерь Мудрова, который пролез в обслугу больницы и старался оправдать доверие кагебов, усердно шпиона за политзаключенными.

Кочегарка была маленькая, тесная, грязная, с огромными дырами, заделанными фанерками и старыми телогрейками. В ней было дымно, а зимой холодно. Топить приходилось круглосуточно без выходных дней. Дров привозило мало и редко. А поскольку баня-прачечная была в самом дальнем углу больничного двора, то лошадь с дровами (возчика в зону не выпускали) доходила до бани редко. Все дрова в драку разбирали по пути санитары корпусов и хозобслуживающие. Не в заботе, конечно, о больных, а, заботясь о том, чтобы натопить кабинеты начальства, врачей и свои закутки. Больные топили в большинстве случаев сами из остатков, да и убирал палаты в большинстве случаев, кто-нибудь из больных, в надежде, что санитар замолвит за него словечко и его лишнюю неделю продержат в больнице.

Единственное преимущество состояло в том, что я мог сидеть там спокойно один и, закутавшись от холода, заниматься своими делами и английским языком. Конечно в любой момент мог прийти надзиратель. Но я сделал дырку в двери, замаскировал ее с внутренней стороны телогрейкой и мог наблюдать за подходами к бане.

С политзаключенными разных концлагерей я договорился о методе связи, используя иногда для этой цели под видом мелких услуг ничего не подозревавших полицаев. Так,

например, в короткое время удалось сообщить о случае, когда администрация специально бросила в камеру к уголовникам – стукачам украинского поэта Михаила О., которые его жестоко избили и пытались изнасиловать. Это привело к волне протестов и голодовок в Мордовских политических лагерях.

В одной из бесед Эдуард Кузнецов, находившийся в то время в больнице, сказал, что они давно хотят иметь «День советского политзаключенного», но никак не могут договориться в отношении даты. Русские предлагают объявить днем пзк – день смерти Галанскова – первого издателя самиздатовского журнала, но националисты были против, поскольку Галансков не одобрял их требование о самоопределении советских республик. Мы пришли к выводу, что таким днем должна быть какая-то нейтральная дата и Эдуард предложил 30 ноября. Понимая, что дискуссии по этому вопросу опять могут затянуться до бесконечности, я взял на себя ответственность и передал всем Мордовским политическим концлагерям, что согласно решения Совета пзк 30 октября объявляется «Днем советского политзаключенного». Академик А.Д. Сахаров сообщил об этом дне западным корреспондентам. В этот день в 1973 году впервые по политическим концлагерям были организованы массовые протесты и голодовки. Несмотря на договор с кагебистами я и сам в этот день не приходил в столовую, о чем стукачи немедленно донесли в КГБ. Впоследствии этот день стал отмечаться ежегодно.

За время пребывания было сделано немало других нужных и полезных дел, о которых говорить преждевременно. Важное место среди них занимала и просто передача новостей, сообщаемых зарубежными радиостанциями.

Когда темнело в кочегарку ко мне приходили поговорить, обменяться новостями, попить чаю почти все пзк, попадавшие в больницу.

В больницу попадали не только больные из мужских концлагерей. Примерно раз в неделю приводили в рентгенкабинет женщин из уголовных и политических концлагерей, расположенных рядом. Их бдительно охраняли надзиратели. Тем не менее иногда удавалось переброситься несколькими словами, обменяться новостями.

Изредка привозили в больницу больных из Пермских политических концлагерей, не выдержавших сурового уральского климата, а также на обследование в концлагерную тюрьму и психбольницу. Таким образом с большими задержками, но новости оттуда доходили и до нас. Так мы узнали о массовых голодовках, состоявшихся в Пермских концлагерях в первой половине 1973 года.

3. Встречи с политзаключенными.

За время пребывания в больнице мне удалось повидать и побеседовать со многими выдающимися диссидентами и борцами за права человека в СССР и национальную независимость.

В конце лета мы узнали, что в тюрьму – психбольницу в соседнюю зону доставлен организатор и руководитель «Христианско-Демократического Союза России» Игорь Огурцов. Его привезли из Пермских концлагерей, чтобы объявить психически ненормальным. Врач-психиатр этой больницы Кокарев – был полной марионеткой в руках КГБ и готов был скрепить своей подписью любое их решение. Однако замысли КГБ стали известны мировой общественности, поднялся большой шум и КГБ не отважился объявить Огурцова невменяемым. Его продержали в психушке 3 или 4 недели и перевели на три дня в нашу больницу, чтобы в ближайший этапный день отправить обратно в Пермские

концлагеря. До этого около 8 лет его продержали во Владимирской политической тюрьме особого режима.

Я и оказавшиеся в больнице в это время пзк буквально не отходили от Игоря, расспрашивая его о деталях его дела. Несмотря на 8 лет пребывания в ужасных условиях Владимирской тюрьмы Игорь не пал духом и не жалел о случившемся. Его «Союз»ставил своей целью переустройство России на демократических началах с признанием христианства как государственной религии. Были составлены «Программа», «Устав». «Правила конспирации».

К сожалению, Вагин и Сабо, бывшие первыми помощниками Огурцова, будучи арестованными, не выдержали шантажа КГБ и раскрыли код, позволивший КГБ расшифровать список членов организации. Были репрессированы примерно сто человек. Из них примерно 40 арестовано и осуждено. Во время суда была устроена выставка из 40 изъятых при обысках пишущих машинок, литературы и одного пистолета. Союз через студентов имел связь и отделения во многих оккупированных СССР восточно-европейских странах. В его деятельности оказались замешаны сыновья ряда крупных деятелей из этих стран.

Обошлись с членами «Союза» весьма жестоко. Огурцову как не признавшему себя виновным дали 20 лет заключения и ссылки: 8 лет в тюрьме особого режима, 7 лет в концлагере строгого режима и 5 лет ссылки в Сибирь.

В июле или августе 1973 года в больнице привезли из концлагеря особого режима ЖХ-385/1-6 (п. Сосновка) Эдуарда Кузнецова, заключенного на 15 лет за попытку побега из социалистического рая. Держали его в отдельной камере хирургического отделения и на один час в сутки выводили погулять около корпуса. Несмотря на запреты и доносы обслуги мне удалось несколько раз переговорить с Эдуардом. Он рассказывал о своем пребывании в заключении и о бешенстве, которое вызвало у КГБ опубликование его книги, тайно вывезенной из концлагеря, на Западе. Попытка побега Эдуарда и его товарищей была вынужденным актом, доведенных до полного отчаяния людей, много лет добивавшихся выезда из социалистического рая в капиталистический ад.

Он производил впечатление очень стойкого и мужественного человека, которого не сломили годы брежневских концлагерей. Рассказывал он о взаимопомощи политзаключенных особого режима и о давлении, которому тех подвергали, помещая с деградировавшими уголовниками, провокаторами и марионетками КГБ. Как он сказал, с администрацией концлагеря он предпочитал особо не скандалить по мелочам, стремясь к более крупным акциям, получающих международную огласку. Не будучи евреем, он объявил себя формально таковым и формально добивался выезда в Израиль. Обладая хозяйственными способностями и широкой поддержкой мировой общественности, ему удалось избежать ряда тягот, которые несли другие заключенные.

В больнице я познакомился с Василием Стусом – талантливым украинским поэтом, заключенным на 7 лет концлагерей строгого режима и 5 лет ссылки за стихи неугодные властям. Это был мягкий, добрый и отзывчивый человек, далекий от политики и планов переустройства общества. Однако с точки зрения властей он имел крупный недостаток – честность и собственное мнение, что совсем не полагалось иметь рабу тоталитаризма. Даже по коммунистическим бесчеловечным меркам обошлись с ним крайне сурово и на него долю в концлагере выпало немало тяжелых испытаний. Кагебня часто бросала его в карцер и он получил язву желудка. Чтобы смягчать постоянные боли, Стус нуждался в викалине. Однако в лекарстве ему отказывали, а когда викалин прислали родственники, то

отправили обратно. Подобная практика по отношению к политзаключенным была обычной. Нужное лекарство вдруг не оказывалось, а когда его присыпали родные, то администрация забирала себе или отправляла обратно. Кончилось тем, что у Стуса горлом пошла кровь и его в бессознательном состоянии под охраной кучи автоматчиков и собак принесли в больницу на операционный стол. При операции вырезали половину желудка.

Несмотря на свою мягкость и доброту по отношению к друзьям и товарищам по несчастью, Василь был совершенно непоколебим в своем отношении к существующему режиму и вследствие своей прямоты и честности неспособен хотя бы молчать и не раздражать кагебистов. Он в глаза называл кагебю и администрацию бандитами. Палачи его ненавидели очень. Наказания, лишения, карцера следовали одно за другим. По окончанию срока заключения его сослали в самый дальний и мрачный район Сибири, в Магаданскую область, в пограничный район на берег океана, чтобы никто к нему не мог приехать из родственников или друзей. И заставили работать в шахте.

Даже среди политзаключенных мне редко приходилось видеть таких непоколебимых и стойких людей как Василий Стус.

Несколько раз мне приходилось беседовать с украинским поэтом Михаилом Осадчим. Его привезли с особого режима и раза четыре выпускали из камеры на положенную часовую прогулку не в тигровую клетку 4x4 метра, пристроенную к терапевтическому корпусу, а на территорию больницы. Он лежал обычно на земле, наслаждаясь запахом травы, и говорил об искусстве, о поэзии. Посадили его за какие-то не одобренные властями стихи и это у него была вторая ходка в тюрьму. Как и Стус это был человек искусства далекий от политики. Какой звериной сущностью и бесчеловечностью, думал я, должен обладать режим, чтобы сажать людей только за самостоятельность мышления. Фашистскому коммунизму нужны только люди – рабы.

В период моего пребывания в больнице в ней лежал и Кузьма Матвиюк – украинский инженер, посаженный за несогласие с национальной политикой КПСС. Это был спокойный, рассудительный и осторожный человек. Из-за отсутствия техники безопасности при работе на фуговальном станке в 19-ом концлагере, ему оторвало пальцы на руке и истекающего кровью его доставили в больницу. Он неплохо играл в шахматы и иногда мы сходились, чтобы сразиться.

Кузьма всячески старался помочь своим соотечественникам – украинцам, находившимся на особом режиме. Самым ходовым (и запрещенным) товаром в концлагере особого режима был чай и Кузьма в счет своего ларька покупал и старался отправить его украинцам.

Повидал и побеседовал я и с Вячеславом Караванским – украинским националистом, отсидевшим много лет в коммунистических тюрьмах и концлагерях.

4. Морг

В хирургическое отделение часто и, особенно по ночам, приносили окровавленных заключенных. В основном это были уголовники, избитые и искалеченные охраной, неудавшиеся самоубийцы, жертвы взаимных драк, поножовщины, производственные травмы. Страшно было смотреть на истекающих кровью людей с разбитыми головами, зияющими ранами и отрубленными конечностями. Значительная часть людей поступала уже трупами и отправлялась прямо в морг. Один из врачей однажды рассказал мне о

зверствах охраны и о том, что его заставляли подписывать фиктивные свидетельства о смерти.

Только из ближайших 3-х небольших концлагерей за 6 месяцев моего пребывания в больнице в морг на моих глазах привезли свыше 100 трупов. Но большая часть их поступала ночью. По официальным данным за это время около 10 заключенных было убито охраной и около 20 человек покончили жизнь самоубийством. Большинство кончали самоубийством в карцерах и тюрьмах особого режима, так называемых ПКТ (помещения камерного типа – так лицемерно называли коммунисты свои пыточные тюрьмы). Примерно одну треть трупов составляли женщины.

Раза два мне приходилось видеть как в морг приносили трупы детей. Мне рассказывали о воплях и слезах матерей, у которых отнимали трупик ребенка, отказывали даже в праве похоронить его. Чаще это были новорожденные, которые естественно не могли выжить в условиях концлагеря.

Трупы людей, доставляемых в морг, представляли порой еще более ужасную картину, чем пожилых людей приносимых в хирургию. От полуземлянки морга смердило на полсотни метров вокруг. Однажды я из любопытства заглянул туда через полуоткрытую дверь. В полуумраке прямо передо мной на столе лежал голый труп молодого парня весь в крови со вспоротым животом. Вывалившиеся киски валялись рядом, свисали на землю. Вдоль стен на скамейках и прямо на земле виделись контуры других трупов. Все было засыпано хлоркой. Из полуоткрытой двери несло таким зловонием, что меня вырвало и я больше никогда не пытался заглядывать в это заведение.

Привозили трупы и увозили гробы почти ежедневно, причем гробы нагружали иногда полную телегу. Трупы почти никогда не выдавали родственникам. Хоронили заключенных на охраняемом кладбище под номерами, чтобы родные не могли разыскать, тайно выкопать и установить подлинную причину смерти. Скудный скарб тут же растаскивался надзирателями и заключенными, родным почти никогда ничего не возвращалось.

Трупы убитых сваленные в телегу. На такой телеге привозили трупы в больничный морг из соседних уголовных концлагерей и надзиратель требовал, чтобы А. Болонкин выгружал их.

Когда умер священник Ершов, то приехавшие верующие его общину умоляли начальников концлагерей Акмаева и Шорина отдать хотя бы его крест, записи, вещи и поступившие к нему письма верующих. Но даже в этом им было отказано в издевательской форме.

Баня-прачечная, в которой я работал кочегаром, находилась недалеко от морга. Обычно для погрузки гробов надзиратели привлекали помимо заключенного –работника морга, кого-нибудь из хозобслужи или холуйски настроенных больных. Однажды увидев, что я вышел за углем из кочегарки, они стали кричать, чтобы я шел грузить гробы с трупами. Я категорически отказался, сказав, что это не входит в круг моих обязанностей.

Через несколько дней меня вызвал начальник отряда и зачитал мне полуграмотный рапорт надзирателей. Он был составлен по стандартной форме.

В рапорте говорилось, что кочегар хозобслужи больницы заключенный Болонкин, несмотря на многократно проводимые с ним воспитательные беседы не желает становиться на путь исправления, постоянно и злостно нарушает режим, систематически отлынивает от работы, игнорирует указания и распоряжения надзирателей и т.д. и т.п. общие фразы в таком же духе на целую страницу. Наконец, в конце шло конкретное действие «это, в частности, проявилось в том, что такого числа Болонкин отказался грузить гробы с трупами. Требуем его наказать!»

О «воспитательных беседах» надзирателей я что-то не слышал за все время пребывания в советских концлагерях. Они являются обязанностью руководства от начальника отряда и выше. Отказ грузить трупы превратился в злостные систематические нарушения и отлынивания. Все это напоминало фабрикацию приговоров. Подобные передержки являются основой лицемерного коммунизма и его пропаганды. Ставится задача, что-то опорочить и за отсутствием нужных фактов составляется набор штампованных ругательских фраз и лживых обвинений.

Начальник отряда, то ли понимал всю фальшивость подобных рапортов, то ли был в хорошем настроении и решил оказать мне любезность, то ли имел указание КГБ пока не цепляться ко мне, но разорвал рапорт на моих глазах и выбросил в корзину. Я потом собрал эти кусочки и наклеил на отмытый кусок рентгеновской пленки. Получился неплохой обличительный документ коммунистического идиотизма – требование наказания советского заключенного за отказ грузить трупы своих товарищ. Заходившие ко мне ребята развлекались чтением этой бумажки.

К сожалению, при одном из обысков рапорт нашли и разумеется изъяли. О нем больше мне никогда не напоминали.

В хирургическом отделении я познакомился с одним уголовником из концлагеря особого режима п. Сосновка, фамилию которого, к сожалению, забыл. Он рассказал, как, вернувшись с фронта в орденах и медалях, застал свою семью в ужасающих жилищных условиях. Много раз он ходил к секретарю то ли райкома, то ли обкома с просьбой обеспечить жильем. Но тот отговаривался только обещаниями. Однажды, не выдержав издевательского отказа, этот герой войны выхватил пистолет, тайно привезенный с фронта и выстрелил в партийного руководителя. Его присудили к смертной казни, но потом решили прежде чем отправить на тот свет выжать максимальную прибыль на рабском труде и заменили смертную казнь на 25 лет заключения. Много раз он делал на стенах

камеры ругательские надписи в адрес величайших в мире коммунистических гуманистов и родителей трудящихся, писал на клочках бумаги «листовки», которые выбрасывал в форточку камеры в тюремный двор и однажды из простыни сделал флаг, на котором нарисовал несколько звездочек.

Под глазами у него было выколото «Раб КПСС», на лбу кожа вся изуродована. Он объяснил, что там была та же выколота нелестная надпись (кажется «коммунисты – палачи»), но его связали, насильно усыпили и надпись то ли выжгли, то ли содрали вместе с кожей. Под глазами он выколол потому, что содрать кожу здесь невозможно.

Каждый раз ему добавляли по 15, 20, 25 лет за антисоветскую «агитацию», «клевету», «вывешивание флага американского образца» (хотя он не знал даже сколько на американском флаге звездочек и какого они цвета). Ряд последних приговоров он мне показывал. Я насчитал в общей сложности по nim 150 лет заключения.

Как следовало из приговоров обвиняемый неоднократно умолял суды дать ему смертную казнь и прекратить его мучения. Но коммунисты считали, что из него еще не все выжато, он еще может работать и каждый раз дополняли срок до 15, 25 лет.

Как человек за эти 30 лет заключения он полностью опустился, стал наркоманом и готов был за таблетки, чай делать, что угодно.

Большинство уголовников с особого режима имели аналогичную судьбу. За десятки лет заключения и каторжного труда они потеряли человеческий облик, стали наркоманами. Настоящих наркотиков в условиях лагеря достать было невозможно. В качестве таковых использовались медицинские таблетки, содержащие наркотические добавки или таблетки, от больших количеств которых у человека мутлилось сознание и он забывал о реальности. Ради них они были готовы на все и кагебисты этим широко пользовались, делая из них доносчиков и провокаторов.

Чтобы попасть в больницу, где достать подобные таблетки было легче, заключенные, особого режима шли на все: вспарывали себе животы, протыкали легкие (чтобы заболеть туберкулезом), глотали гвозди, прибивали гвоздями половые органы. Некоторым операции на желудке приходилось делать по 2 – 3 раза, извлекая оттуда металлические предметы. Врачи говорили, что у некоторых уже негде резать желудок и грозили им, что в следующий раз они откажутся от операции.

В больнице такие заключенные были заняты одним – доставанием таблеток, которые выпрашивали и покупали у врачей, сестер, санитаров, надзирателей, кагебистов, а при удобном случае крали. Глотали они их в неимоверных количествах, целыми коробками, чтобы «балдеть» и получить «кайф», совершенно не думая о последствиях. Я уверен, что любое лекарство в таком количестве – вредно для организма.

Другим способом «балдения» был неимоверно густо заваренный низкокачественный чай – чафир (прессованные плитки чайных отходов и пыли. Я видел их только в тюремных ларьках). Он был запрещен в концлагерях особого режима, но в больнице чай продавался заключенным строго режима как и всем заключенным в ограниченном количестве и достать его было легко, хотя бы путем обмена на другие продукты. Заключенные особого режима ежедневно делали густую черную как деготь заварку (плитку на стакан кипятку) и пили этот горький противный напиток или как его называют в советских концлагерях и тюрьмах «чафир».

Такое чаепитие густой заварки чая широко распространено в советских уголовных концлагерях. Оно называется «чифарение», а удовольствие, которое, как утверждают

чифиристы, наступает от такого чаепития, они называют «кайфом». Впрочем по выходе из заключения большинство чифиристов предпочитают переходить на водку.

Членовредительство, вспарывание себе живота и глотание гвоздей - многие объясняют тем, что им ужасно хочется вспомнить вкус молока, а его дают только в больнице после операции

После операции в камере-палате особого режима стояли стоны, вопли, грохот.

Оперированные заключенные от боли колотили металлическими кружками о кровати, обитую железом дверь, решетку, били стекла, раздирали защитные на своем теле операционные разрезы. Призывы к терпению, к благоразумию, к разуму были бессмысленны. От звериных условий в течении десятков лет они уже потеряли человеческий облик и могли быть живой иллюстрацией «светлого коммунистического будущего».

В больнице мне пришлось наблюдать и еще одну мерзкую картину, которая на языке уголовников называлась «сеансы». С одной стороны больницы была расположена женская уголовная зона с другой стороны мужская. Расстояние между ними было около 100 метров. На крышу одного из зданий женской зоны поднималась девушка. Девушка раздевалась до гола и начинала принимать непристойные позы и совершать неприличные движения. На крыши зданий мужской зоны высыпали одна-две сотни уголовников. Толпа уголовников смотрела в гробовом молчании. Лишь, когда она останавливалась передохнуть, раздавались крики: «Давай еще!», «Повтори!». Солдаты, стоящие на вышках, могли наблюдать всю эту картину, но, видимо, тоже ловили «сеансы» и не спешили звонить начальству. А может считали, что происходящее внутри лагерей не имеет к ним отношения.

Четыре концлагеря в Барашево вплотную примыкали один к другому и были опоясаны единой системой охраны. Сколько было попыток уголовников проникнуть в женскую уголовную зону. Так один договорился с часовым на вышке, что солдат пропустит его в женскую зону, а через час пропустит обратно. Бросил часовому 100 рублей. Но когда перелез через забор и оказался в запретной зоне, то солдат застрелил его. Вызванный офицер с гордостью сказал: «Вот так мы обучаем солдат! Уложил насмерть с первого выстрела!». Солдату благодарность и внеочередной отпуск домой. Родителям же отказались выдать труп их сына.

5. Больные.

Среди больных было немало глубоких стариков, которые еле двигались и порой не могли самостоятельно сходить в туалет. Вспоминается один бывший надзиратель тюрьмы. Лет двадцать он работал в этой должности в советской тюрьме и когда немцы оккупировали город они заставили его работать на прежнем месте. Когда пришли советские войска кагебисты за службу у немцев засадили его в тюрьму. Глубокий старик после долгого пребывания в заключении свихнулся. В основном он лежал, иногда бродил по территории, разговаривал сам с собой, приставал к заключенным с пожеланиями счастья. Он уже не мог обслуживать сам себя, санитарам приходилось таскать за ним судно, водить в баню, где, потешаясь, они обливали его то горячей, то холодной водой, а то и не мыли совсем. Больница старалась выпихнуть его в концлагерь, а концлагерь в больницу. За время моего пребывания, он окончательно потерял способность двигаться. Его привезли из концлагеря ЖХ-385/3-5 на телеге в больницу и бросили в отдельную палату. Ухода, конечно, никакого

не было и в пище его постоянно обворовывали. Смрад и вонь в этой комнатке были такие, что мимо открытой двери невозможно было пройти. Он совсем высох. Это был скелет обтянутый серой грязной кожей. Большую часть времени он находился в бессознательном состоянии. Но даже умирающего коммунисты отказались вернуть родственникам. Он скончался в концлагерной больнице и был похоронен как все заключенные на специальном охраняемом кладбище под номером.

Мне рассказали о заключенном, который работал у немцев следователем в Краснодаре и вел дело так называемых «молодогвардейцев» подвиги которых так красочно описаны Фадеевым в романе «Молодая гвардия». В СССР этот роман стал школьным средством воспитания подрастающего поколения.

Следователь умер в больнице незадолго до моего прибытия. Он говорил, что никакой Молодой гвардии в Краснодаре не существовало, не было никакой борьбы за советскую власть и взрывов. Были отдельные ребята, занимавшиеся с голодухи воровством продуктов у немцев. Они были пойманы и расстреляны в назидание другим. Ни о каких политических целях, а тем более о борьбе за советскую власть они и не помышляли. И первым раскололся и выдал своих товарищей Олег Кошевой, представленный в романе как руководитель и организатор «Молодой Гвардии». А еврей С., изображенный в романе как предатель, оказался самым стойким.

Этому следователю дали расстрел, потом заменили на 25 лет и он отсидел почти весь этот срок. В конце срока с ним случился удар в туалете в 8 часов вечера. Доктора вызывали три раза. Но он пришел только в 11 часов утра. Все это время заключенный валялся в туалете и, не приходя в сознание, скончался.

Рассказали мне и о бывшем бургомистре городка близь Катынского леса в Белоруссии, также умершего в больнице. Его отказались освободить даже после отбытия срока. Как бургомистр города во время немецкой оккупации он хорошо знал и мог засвидетельствовать, что немцы действительно нашли огромные могилы с тысячами польских офицеров, расстрелянных в Катынском лесу коммунистами после раздела Польши между гитлеровским и сталинским «социализмами».

Бывшие советские партизаны рассказывали как они вербовали новых бойцов. Ловили немца, убивали его и труп тайно подбрасывали в деревню. Немцы находили труп и в отместку сжигали деревню. Перепуганное население окрестных деревень бежало в леса, где попадало в руки партизан. Впрочем они не брезговали и тем, чтобы переодеваться в немецкую форму, устраивать зверства, а затем вербовать или мобилизовать новых сторонников.

В послевоенное время, когда шла партизанская освободительная борьба в Западной Украине, коммунисты, кагебисты под видом участников освободительных движений устраивали налеты на деревни с грабежом, насилием и убийствами, чтобы восстановить против партизан население и трубить о зверствах националистических «банд».

Старые заключенные рассказывали, что за несколько лет до моего прибытия в Мордовию сидели бывшие моряки танкера «Туапсе». Танкер был задержан тайванскими китайцами во время войны Китая с Тайванем, т.к. вез коммунистическому Китаю советский авиационный бензин для истребителей. Морякам предложили отказаться от советского гражданства, обещая выпустить в третьи страны. Многие так и сделали, вернулись затем на родину и радовались как они ловко «обхитрили» тайванских китайцев. Но за границей знают больше о порядках в коммунистическом раю, чем сами советские граждане, живущие в мире мифов. В СССР за отказ от советского гражданства моряков арестовали и судили

как «изменников родины». Все это не помешало коммунистической пропаганде выпустить фильм о героическом поведении советских моряков в китайском заключении.

Один из бывших участников освободительного движения на Украине и узник концлагеря особого режима в Сосновке рассказывал мне о восстании заключенных в Норильских концлагерях, происходивших где-то в пятидесятые годы. Он сам участвовал в этом восстании.

Заключенные изгнали из концлагеря администрацию и забаррикадировали вход, отказались работать. Они требовали встречи с кем-нибудь из ЦК и улучшения условий содержания. На камне были вырезаны углубления-буквы и из свинцовой оболочки электрического кабеля изготовлен шрифт. При помощи самодельного шрифта отпечатаны листовки и при помощи воздушных шаров заброшены в соседний поселок. Впрочем там мало кто сочувствовал заключенным. Как обычно коммунистическая пропаганда утверждала, что это якобы уголовники и пугали население, что если их выпустить, то начнутся грабежи и насилия. Восстание поддержали только ряд соседних концлагерей.

Через несколько дней приехал кто-то из областной или краевой прокуратуры и потребовал, чтобы заключенные приступили к работе. Они не согласились, требуя более высокого представителя властей с тем, чтобы рассказать ему о зверствах, убийствах, творимый администрацией.

Вызвали воинскую часть, раскрыли ворота, вкатили грузовик, на котором стоял пулемет. Заключенные стояли спиной, взявшись за руки в несколько рядов, и загораживали вход. Офицер приказал солдату, находившемуся за пулеметом открыть огонь, но тот отказался. Солдата тут же арестовали и за пулемет лег сам офицер. Он косил ряд за рядом пока перед ним не образовались горы окровавленных трупов. Затем в концлагерь ворвались автоматчики и началось кровавое избиение. Строчили солдаты, стреляли с вышек, добивали раненых, выискивали спрятавшихся, разбивали им головы, топтали сапогами. Территория концлагеря представляла жуткую картину средневекового побоища, была завалена сотнями изувеченных трупов, залита лужами крови. Очень мало, кто сумел спрятаться и остаться в живых.

В других концлагерях восстание подавляли также с большой жестокостью.

В больнице я познакомился с одним политзаключенным с особого режима – прибалтом, пытавшимся бежать из социалистического рая на самолете. Он взял канистру с бензином, открыл пробку, включил зажигалку и заявил, что если самолет не возьмет курс на Швецию, то он спалит аэроплан. Летчики заверили, что его требование будет выполнено, но как обычно надули. Сообщили на землю, сделали большой круг и сели в «Швеции» на каком-то провинциальном аэродроме, где его ждало коммунистическое гестапо. Итог 15 лет за нежелание жить в социалистическом раю и гнуть спину на партбуржуазию. Он утверждал, что в его защиту выступил сам римский папа и жил надеждой, что ему дадут возможность покинуть соцрай до конца срока.

Ознакомился я с приговором одной политзаключенной из соседнего женского лагеря. Ее история аналогична. Хотела бежать на самолете с мужем из страны самых счастливых в мире трудящихся. Самолет сделал круг, сел на шоссе. В перестрелке с кагебистами муж был убит. Несмотря на то, что она была только пассажиркой и никакого участия в событиях не принимала, ей дали солидный срок что то около 10 или 12 лет.

Белохов рассказывал мне о своем знакомом – заключенном ЖХ-385/19 Владимире Богданове также пытавшемся бежать из соцрай. Тот купил надувную лодку и пытался пересечь на ней Черное море, добраться до Турции. Бог знает как ему удалось отплыть от

берега незамеченным пограничниками. Он пересек прибрежную зону и каким то чудом не был замечен пограничными катерами и вертолетами, постоянно циркулирующими вдоль побережья и заботливо охраняющими неразумных советских трудящихся от бегства в капиталистический ад. Гребет он себе, а тут навстречу советский пароход. Ему кричат, что ты делаешь в открытом море. Он на них нуль внимания. Пароход вызвал с берега спасательный катер. Беглеца забрали и сдали прямо в КГБ.

Весьма поучительна история с Евгением Сорокиным. Он работал переводчиком в советском посольстве в одной из азиатских стран, то ли Бирме, то ли Камбодже, не поладил с начальством и чувствовал, что скоро его отправят обратно в СССР. Во время одной из поездок разбивает машину посольства. Тут уж дело пахнет не только крупным иском, но и уголовным обвинением. Идет в американское посольство – просит политическое убежище. Американцы соглашаются, вывозят его в соседнюю страну. Дней пять его искали советские работники, но ничего, кроме разбитой машины найти не могли. Затем он встречается с советским представителем и заявляет о своем отказе вернуться в СССР, устраивает пресс-конференцию. Его привозят в США и предлагают работу в ЦРУ. Он соглашается. Работа – реферирование советской периодики и литературы. Один он снимает квартиру из 4 – 5 комнат. К нему приставляют парня из ЦРУ, то ли для охраны, то ли для наблюдения. Со своим начальником в ЦРУ Сорокин не поладил, начальника сняли. Парень, который был приставлен к нему, в праздник исчез, где-то веселился и из-за него Сорокин не смог съездить к подруге. Пожаловался и того выгнали из ЦРУ. Стал просить о переходе на гражданскую службу – переводчиком или гидом в туристическую компанию. Ему после каждой просьбы повышали зарплату и уговаривали остаться в ЦРУ. Рассказывал, что денег у него было много, не знал куда их девать. Стал пить.

Однажды поехал в русский магазин, торгующий советской периодикой и книгами. Там были сотрудники советского посольства. Его опознали. Вместе с охраной ЦРУ ему пришлось удирать, а посольская машина гналась за ними. Этот случай поразил меня наглостью советских представителей в США и беспомощностью ЦРУ.

Несколько раз представители советского посольства через американские власти встречались с Сорокиным и уговаривали его вернуться в СССР, клятвенно гарантировая, что ему ничего не будет и он даже будет работать на прежнем месте. На одну из встреч явился военный атташе и от имени советского правительства заверил его, что ему все простили, репрессий не будет, передал ему письма родителей, семьи, в которых его умоляли вернуться.

Однажды, подвыпив, Сорокин позвонил в советское посольство. Заявил, что он решил вернуться и назвал свой адрес. Через два часа подъехали две машины с советскими товарищами, быстро скидали в чемоданы вещи, загрузили ими обе машины и отвезли его в посольство. ЦРУ, видимо, настолько беспечно, что посольские телефоны стоят не на постоянном прослушивании, а на записи и ЦРУ не следит за посольскими машинами.

В посольстве по поводу его возвращения устроили банкет и пять дней его беспробудно поили. Перед дачей разрешения на выезд, американцы потребовали очной ставки с ним, спросили добровольно ли он возвращается в СССР и предупредили, что в Союзе его посадят.

«Что вы его пугаете, ему все простили, никто его не посадит!» - закричали ответственные работники посольства.

На пятый день Сорокину вручили телеграмму: «Бесконечно рады твоему возвращению. Обнимаем, целуем, встречаем на Внуковском аэродроме. Папа, мама, жена, дочка».

В сопровождении двух дюжих работников посольства его отправили на самолете в Москву.

По прибытии попросили подождать, когда сойдут все пассажиры, затем работники посольства вышли с ним, где у выхода Сорокина ждали воронок и «папа, мама, жена и дочка» в лице 4-х сотрудников КГБ. Телеграмма оказалась фикцией.

Когда же Сорокин спросил, а как же «заверения советского правительства», что репрессии по отношению к нему не будет, то кагебисты ему ответили: «Против врагов народа все методы хороши!»

Конечно из него вытрясли все, что он знал о ЦРУ, он каялся и безропотно согласился стучать на своих товарищей по несчастью. Тем не менее ему влепили 12 лет.

В лагере КГБ назначил его бригадиром одной из бригад заключенных и время от времени делало ему мелкие поблажки. Однако отказывали в настоящем лечении, хотя он страдал болезнью десен и еще какими-то заболеваниями.

У меня с ним были хорошие отношения. Он занимался со мной английским языком, и я его расспрашивал о США. Это был неплохой с точки зрения советских людей даже отличный парень, компанейский, развитой, всегда готовый помочь товарищам, первым среди своего выпуска окончивший суворовское училище и отличником школу военных переводчиков, прекрасно знал английский и французский языки. Кстати, в США он по указанию ЦРУ выдавал себя за француза.

После ареста как обычно против него собрали и представили в виде грязи все: и дружеские пирожки и развлечения с девушками. Причем как это принято в СССР его друзья дабы обелить себя начали усердно поливать его помоями, хотя пили и ели за его счет и сами просили, чтобы он познакомил их с девушками. Когда же Срокин стал указывать, что его знакомые – ответственные сотрудники и не такое творили, то ему был один ответ: «Но они не изменяли Родине!»

Единственное чему я в нем удивлялся так это политической наивности, близорукости, полном не понимании и не знании сути советского режима. Казалось, человек побывал за границей, видел вопиющее несоответствие между советской пропагандой и зарубежной действительностью. Но как и большинство советских людей он просто над этим никогда не задумывался и полагал, что эти искажения относятся к его области деятельности, а в общем и целом политика ЦК правильная. И лож для народа – в интересах самого народа!

В результате грубейший просчет, который ему так дорого обошелся!

Аналогичная история у другого перебежчика некого Петрова. Тот работал переводчиком в советском посольстве, кажется в Индонезии. Потерпел аварию на машине около американского посольства, зашел туда, там его перевязали. По приезде в советское посольство по наивности сказал, где ему была оказана медицинская помощь. Кагебисты перепугались, решили его отправить обратно в СССР, заперли в комнате, приставили охрану. Петров ночью выбрался через балкон, бежал в Американское посольство, попросил политическое убежище. Года полтора жил в США, за государственный счет учился в университете по технической специальности (кажется по электронике).

Советское посольство, конечно, не обделило его своим вниманием и заверениями, что ему ничего не будет. Решает вернуться. Результат 12 или 15 лет.

Но этот уже стучал, не испытывая даже угрызений совести. КГБ назначил его бригадиром над заключенными и он состоял членом СВП (Секции Внутреннего Порядка). Был полный эгоист и с ним не хотели дружить даже стукачи.

По рассказам бывших сотрудников обстановка в советских посольствах мало чем отличалась от концлагерной. То же взаимное доносительство и доносы на самого себя – отчеты о каждом своем шаге. Никуда не выходить без разрешения. Не дай бог, если ты стал дружить или встречаться с кем либо или с сотрудниками других посольств по собственной инициативе. Советские работники с завистью смотрели на американцев, которые могли ходить куда угодно, когда угодно, веселиться, где им хотелось, и встречаться с кем хотелось.

Одно время в больнице находился еще один беглец из соцрай Маслов. Этот решил попасть в капиталистический ад через Китай. Приехал зимой в Благовещенск, поселился в гостинице. Благовещенск находится на берегу Амура, по другую сторону которого так называемая КНР (Китайская Народная Республика). Несколько дне бродил по набережной, изучая пограничные посты, систему охраны и амурское побережье. Заприметил кабинку-туалет. Купил кусачки, апробировал их на проводах электроприборов гостиницы. Вечером спрятался в этой кабинке, ночью пополз на тот берег. Сумел как-то удачно проделать проход в колючей проволоке, хотя она и снабжена сигнализацией. Преодолел проволочные заграждения, встал и побежал на ту сторону. Но оказывается за колючей проволокой была натянута тонкая незаметная проволочка, включающая сигнальные ракеты. Запнулся об нее, ракеты сработали, солдат на вышке выскоил на веранду. Стал шарить прожектором. Маслов залег. Ему повезло, солдат его не заметил.

Когда все успокоилось, он благополучно добрался до китайской территории, пришел в деревню и попросил сдать его китайским властям.

Китайские коммунисты поселили его в маленькой квартирке, в гостиной которой находилась китайская охрана. Допрашивали его о СССР, о себе. Разва два он в сопровождении провожавших выходил и осматривал городок. Через месяц ему заявили, что помочь ничем не могут, у них договор с СССР о взаимной выдаче беглецов и вернули его советским властям. Результат – статья 64 УК РСФСР – измена родине и солидный срок.

В больнице я познакомился с Владимиром Богдановым, доставленным из Пермских концлагерей в связи с туберкулезом легких.

Рабочий, прокатчик, около 20 лет проработал, кажется, на Запорожском металлургическом заводе. Раскатывал урановые слитки. Все никак не мог добиться жилья для своей семьи. Решил утащить один урановый слиток и пошантажировать администрацию. Стащил, закопал в землю. На заводе даже не заметили. Впрочем у них и раньше исчезали слитки и они их оформляли как отправленные в переплавку. Года через полтора-два Богданов сказал о краже начальнику отдела кадров. Кагебня начала уговаривать его вернуть слиток, заверяя, что репрессий не будет. Затем его начинают преследовать, шантажировать. Он едет в Москву с приятелем жаловаться министру на администрацию, на отсутствие жилья. Здесь КГБ его арестовывают, при аресте жестоко избивают. Уговаривают указать, где зарыт слиток, утверждая, что после этого отпустят. Он показывает. Приятеля заставляют дать показания, что Богданов якобы замышлял продать этот слиток за границу и якобы Владимир спрашивал у какого-то прохожего, где находится американское посольство.

И хотя уран продается на международных рынках и торгует им также и СССР, тем не менее Богданову приписывают измену родине и дают максимальный срок по 64 статье УК. Я читал приговор Богданова и удивлялся его бездоказательности. Он выделялся даже среди советских приговоров, где все поставлено с ног на голову.

Наслушался я рассказов и бывших участников военных отрядов из советских граждан, организованных нацистами.

Один из сидевших отступал вместе с немцами и конец войны застал его с отрядом в Италии. По окончании войны началась пьянка. Приехал американский офицер и предупредил, что существует договоренность о возврате русских отрядов, воевавших за немцев, советским властям. И через несколько дней их повезут для передачи.

Нет бы им разбежаться и уехать, так работает стадное чувство (всем ничего не сделают!) и пьянка продолжается. Через неделю подходит поезд, им приказывают грузиться и везут в Германию. Поезд не охраняется. Кажется пора понять, что следует уносить ноги. Но нет. Их привозят на демаркационную линию. Здесь советские власти приказывают сдать оружие и перейти из пассажирского американского поезда в охраняемые теплушки. Допросы, следствия кагебистов. Руководство казнит, солдатскую массу отправляют для выжимания пота на 25 лет в трудовые концлагеря.

Однажды в одном из советских фильмов показали руководителя «Русской освободительной армии» бывшего знаменитого советского генерала Власова. В бараке немедленно нашлись люди, которые его знали лично и заявили, что негодяй, показанный в фильме, не имеет ничего общего с высокообразованным и мужественным человеком, каким был Власов. В немецком плена он выступал за создание демократического строя в России. В достижении своей цели у него не было иного пути как сотрудничество с немцами. Но нацисты никогда по настоящему не доверяли ему. Вспомнили, что в конце войны Власов выступил против немцев и его армия спасла восставшую Прагу от гитлеровского разгрома.

6. Изгнание из концлагерной больницы.

В сентябре 1973 года помиловали Белохова примерно за два года до конца срока. Он утверждал, что это результат хлопот его отца, но известно, что в СССР Президиум не милует, если не получено согласие КГБ и заявление от заключенного.

Почти одновременно с ним заявление о помиловании подавал и санитар терапевтического отделения Валтус. Тринадцать лет он верно служил КГБ и администрации, донося о своих товарищах. Ему оставалось два года до конца срока. Он считал, что его услуги будут учтены и у него была стопроцентная уверенность, что его помилуют. Он уже собирал чемоданы. Но кагебисты сочли, что пачка чая, которую они иногда давали ему – есть достаточная плата за его труды и прислали отказ. Не было вознаграждено и усердие Мудрова, также получившего отказ. Но тот пенял на начальника отряда, якобы из-за личной неприязни давшего ему отрицательную характеристику.

Где-то в сентябре-октябре в больницу прибывает из ЖХ-385/17а Петр Ломакин, а затем Валерий Граур и Миша Коренблит. За заварку чая Ломакин признается мне, что он послан Зиненко в больницу специально для слежки за мной. Что я знаком с тайнописью, шифрованием и ему следует наблюдать, чем я занимаюсь. Обо всем этом знала только кагебня и было очевидно, что Ломакин не врет. К этому времени положение мое в больнице стало довольно шатким. Кагебисты чувствовали циркуляцию информации между концлагерями, а главное ее выход на волю. Было организовано ряд одновременных голодовок по концлагерям и протестов. Иногда зарубежные радиостанции передавали сообщения о голодовке в тот же день, когда она объявлялась. КГБ получал втык от ЦК КПСС и бесилось. Чтобы отвести от себя подозрения я решало временно перекупить

Ломакина и послать через него донос на самого себя в нужном мне духе. За пачку чая Ломакин с радостью соглашается. Тем более это избавляет его от собственного сочинения «наблюдений». Под мою диктовку он пишет донос, в котором сообщает, что якобы подслушал разговор Болонкина с одним политзэком, в котором Болонкин отказывается от политической деятельности. Для большей достоверности он сообщал, что заметил место, где Болонкин прячет какие-то бумаги и предлагал их стащить для КГБ. В это место я специально положил записку якобы для политзаключенных с отказом от деятельности.

Уже спустя несколько месяцев из замечания, оброненного кагебистом во время одного из разговоров, я понял, что КГБ принял донос за чистую монету, что продлило мое столь нужное для всех пребывание в больнице по крайне мере на два месяца. Ломакин сообщил, что «красть» у меня записку ему категорически запретили, что она будет изъята при обыске. Я предупредил о предстоящем обыске ребят, ибо в концлагере у каждого всегда есть, что-то что нужно прятать. Два дня мы ждали, но шмон был устроен через неделю, причем генеральный и всей больнице. Для этого им пришлось стянуть надзирательские силы с других концлагерей.

Ко мне в кочегарку явилось 4 или 5 надзирателя во главе с офицером. Шмонали часа два. Разумеется «случайно» нашли записку. К сожалению, при этом весьма тщательном шмоне нашли и подлинник рапорта надзирателей о моем отказе грузить трупы, о котором я уже упоминал.

К этому времени Валтуса поймали с продажей наркотических таблеток уголовникам с особого режима и перевели в концлагерь ЖХ-385/19. На его место не нашли ничего лучше, как поставить Ломакина. В какой-то мере это было удобно и для нас, т.к. Ломакин получил отдельную комнату и там мы могли вечерами тайно собираться поболтать или попить чаю. Кагебня смотрела на это сквозь пальцы, надеясь, по-видимому, через Ломакина выудить что либо из наших разговоров. Приходили обычно Валерий Граур, Миша Коренблит и я. Ломакин рассказывал нам о своих методах «лечения» больных:

«Вот сегодня один старикашка попросил у меня таблетки от головной боли. А я ему дал слабительные. Заглядываю через полчаса в туалет, сидит дристает».

«Ну как дедушка голова» - спрашиваю.

«Да вроде легче» - отвечает старик.

Иногда мы собирались у меня в кочегарке, особенно когда в больнице еще был Кузьма Матвиюк. Здесь Ломакин с чувством читал или пел нам длинные нескладные стихи-песни о своей загубленной жизни. Он обычно ходил в больничном темно-сером халате и во время исполнения своих песен вздымал руки кверху и как мельница махал длинными рукавами халата. Из всех его стихов я запомнил три строки:

«Хотел я Турцию податься,
Но чекистов недремлющий глаз
Разглядел мои замыслы, братцы!»

Впрочем, он усердно доносил и о нас. Так однажды кагебист, придя ко мне в каптерку, сказал: «Что Болонкин глазок для наблюдения устроили!» И поднял телогрейку на двери на том месте, где было отверстие.

Пытался Ломакин продавать лживые доносы на администрацию, кагебню и мне. Однажды он прибежал ко мне в кочегарку, сделал таинственный вид, сказал, что у него важное сообщение и потребовал угостить его чафиром. После чего, сообщил, что якобы подслушал разговор администрации о том, что меня следует убрать из больницы. Но тут же был изобличен и со мной больше это делать не пытался.

Находясь в больнице, Ломакин подавал на помилование примерно за полгода до конца срока. Но ему было отказано Президиумом. Бедные советские стукачи! Как дешево коммунистические правители ценят их «труд»!

В ноябре 1973 года в больницу прислали Владимира Кузюкина. Он рассказал, что моя тетрадь с приговорами, записанными тайнописью, после обыска в панике была, передана ему и, якобы, им изрезана и лично сожжена. Позже, имея уже некоторый опыт концлагерной жизни, я понял, что Кузюкин сидел за какое-то воинское преступление и был стукачом. Говорят, что он был помилован.

Через пару дней в больницу приехал начальник КГБ Управления ЖХ-385/19 Дротенко. Он вызвал меня, сунул мне проявленный горячим утюгом листок с тайнописью, на котором был записан кусок из приговора Граура и заявил, что его нашли якобы в печке.

Дротенко стал кричать, возмущаться и обвинять в нарушении нейтральности.

Вскоре после этого кагебня организовала избиение меня бывшим немецким карателем Иваном Чмарой, ставшем у коммунистов в концлагере председателем СВП (Секции Внутреннего Порядка) – организации, созданной администрацией, члены которой обязаны доносить на своих товарищей-заключенных и терроризировать неугодных. Чмары работал в ренгекабинете санитаром. Он явился ко мне в кочегарку и стал скандалить, что я не даю ему дров, а затем набросился на меня с кулаками. Я выскочил из кочегарки, он за мной. На мое счастье поблизости оказались Кузьма Матвиюк и другие наши ребята и больные.

Я собрал показания и послал заявление в прокуратуру с требованием возбуждения уголовного дела против Чмарьи.

В декабре 1974г пришел ответ: За клевету на председателя СВП Чмару наказать Болонкина – лишить ларька и посылки.

Дни моего пребывания в концлагерной больнице были сочтены.

Это были два обычных тюремно-концлагерных года. Далее обозленный КГБ стал применять пытки голодом и холодом, издевательства, продержало меня более года (400 суток) в холодном карцере на 400 гр. черного хлеба, более 3 лет во внутрилагерной тюрьме особого режима, а всего 15 лет в концлагере строгого режима и ссылке.

Послесловие.

На этом записи обрываются. То ли мне вернули их не полностью, то ли у меня не было возможности их продолжить. Лица, интересующиеся другими годами моего 15-летнего заключения могут найти их краткое описание в более поздних книгах. Преимущество данной записи в том, что она описывает этот короткий период (2 года из 15) примерно в десять раз более подробнее, ибо я помнил детали событий тогда лучше (1977г), чем 20-30 лет спустя, когда я писал «**Записки советского политзаключенного**» (<http://vixra.org/abs/1309.0187>, <http://www.archive.org/details/MemoirsOfSovietPoliticalPrisonerinRussian>, <http://intellectualarchive.com> #1142), находясь в безопасности в США. Недостаток в том, что это писалось в то время под страхом того, что записи могут попасть в руки КГБ, быть использованы для фабрикации нового дела или повредить упомянутым в них людям.

Моя жизнь также кратко описана в книге А. Болонкин, «**Жизнь. Наука. Будущее**» (биографические очерки, исследования и инновации), Пермь, Россия, 2010, 286 pgs, 23 Mb., <http://viXra.org/abs/1309.0204>, <http://www.archive.org/details/Life.science.futureinRussian...>. Обе книги переведены на английский язык и изданы в США.

Приложение 1

Некоторые концлагеря в СССР

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/ussri.htm>

Карта некоторых концлагерей в СССР.

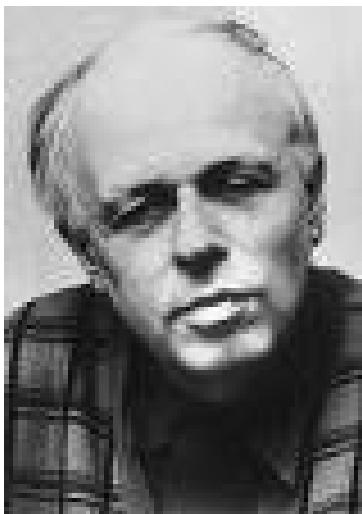
<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/kazakh.htm>

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/legenda.htm>

Здесь только небольшая часть коммунистических концлагерей. Более детальная карта в http://hro.org/editions/karta/mapgulag_big.jpg.

Около 60 миллионов людей было замучено только в советских концлагерях. И более 100 миллионов в коммунистических странах.

Лауреат Нобелевской Премии Академик **Андрей Дмитриевич Сахаров** - создатель водородной бомбы и защитник Прав Человека.

Вячеслав Черновил - был кандидатом в Президенты Украины, когда она получила независимость. Погиб в странной авто-катастрофе.

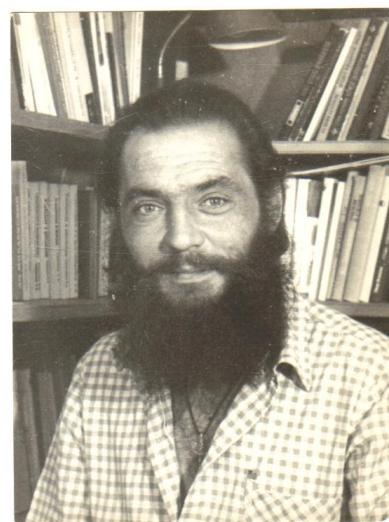
Василий Стус - знаменитый украинский поэт. Был кандидатом на Нобелевскую Премию. Замучен в советских концлагерях.

Сергей Солдатов - автор "Программы Демократического Движения СССР"

Игорь Огурцов - создатель "Христианско-Демократического Союза" в Ленинграде.

Вячеслав Петров - рабочий из Ленинграда.

Эдуард Кузнецов - писатель. Редактор газеты "Вести"

Илья Глейзер - биолог.

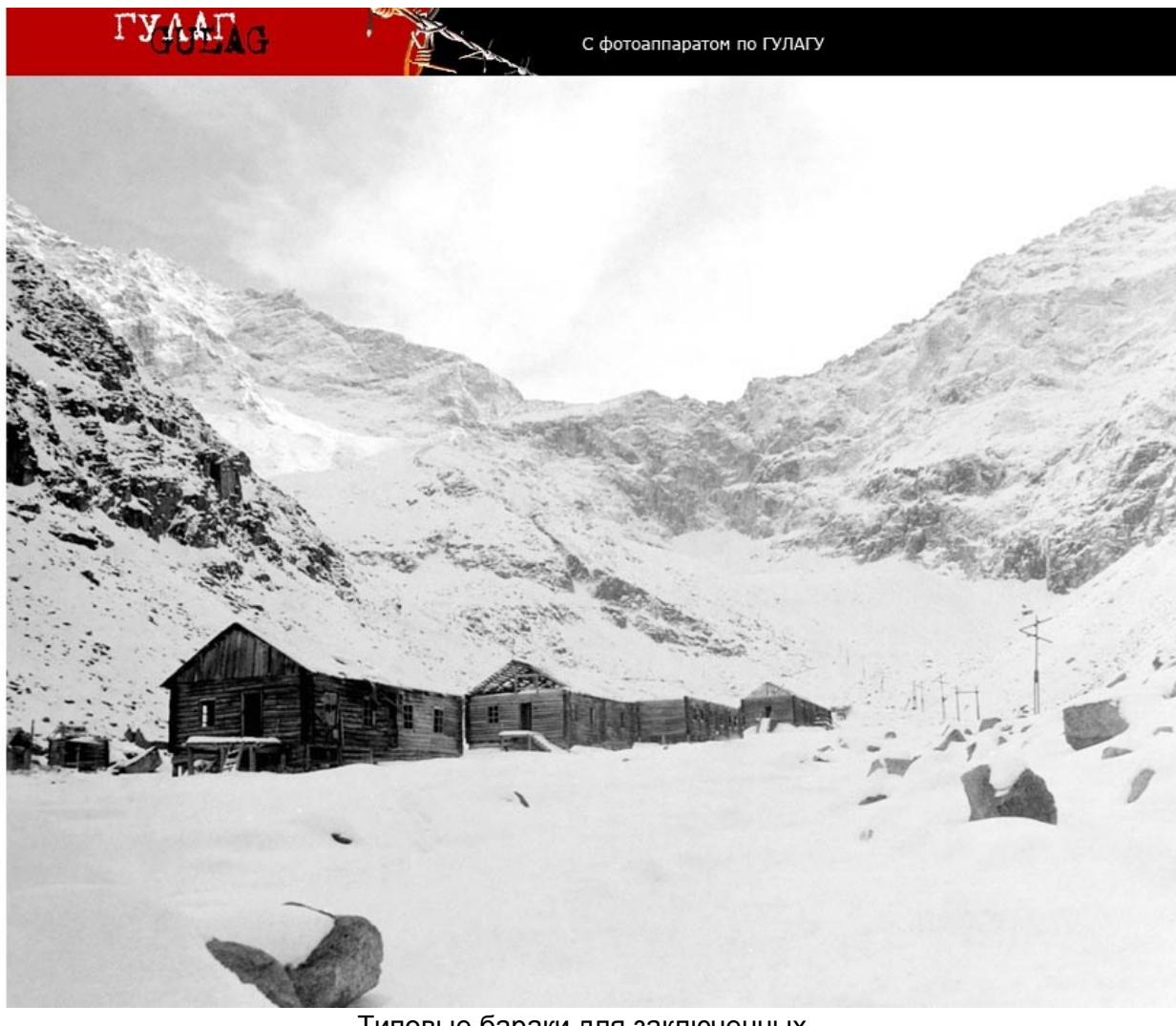
Паруир Айрикян - партийный лидер. Был кандидатом в Президенты Армении.

Александр Болонкин в ссылке (Поселок Маловский, Баунтовского района, Бурятской АССР. Сибирь, 1977 г.).

Хижина, в которой жил А.Болонкин в ссылке в Багдарино и еще две местных семьи.

Типовые бараки для заключенных.

Работа в коммунистических концлагерях и ее финал.

Типичный бетонный колодец, затянутый сверху колючей проволокой, для 30 минутных прогулок (каждая камера отдельно!) в советских следственных и внутрилагерных тюрьмах (Пермь №36). Сверху ходит надзиратель. Из такого колодца Болонкин через колючую проволоку мог видеть кусочек неба по 20 - 30 минут ежедневно в течении более 8 лет

Приложение 2

(По материалам радиостанции "Свобода")

ЗАЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ "АМНИСТИ ИНТЕРНЕЙШИНАЛ"

13.3.75 ЛОНДОН. В связи с предстоящим визитом председателя ВЦСПС ШЕЛЕПИНА в Великобританию английское отделение Международной общественной организации "Международная Амнистия" поместило письмо в лондонской газете "Таймс".

В письме, за подписью председателя отделения ПОЛА ЭСТРЕЙХЕРА и директора ДЭВИДА СИМПСОНА говорится, что, когда ШЕЛЕПИН прибудет в Великобританию, ему нужно в вежливой, но твердой форме сказать о том, что думают англичане о заключении в лагеря и тюрьмы инакомыслящих в Советском Союзе.

В 73-ем году доцент Московского авиационного технологического института, доктор технических наук АЛЕКСАНДР БОЛОНКИН был приговорен к четырем годам заключения за то, что он якобы призывал рабочих к забастовке в знак протеста против экономической системы в СССР.

В заключение письма указывается, что когда ШЕЛЕПИН прибудет в Великобританию, члены английского отделения организации "Амнистия" должны предпринять попытку встретиться с ним и выразить свою озабоченность по поводу подобных случаев нарушения прав человека в Советском Союзе.

Радио "Свобода"

ЛИСТОВКА ГРАЖДАНСКОГО КОМИТЕТА

(Составлена и распространена Ю. Юхновец)

Публикуемые далее три листовки Гражданского комитета распространялись в Москве в начале июня 1972 года. 19 июня сообщения об этих листовках передали на Запад аккредитованные в Москве иностранные корреспонденты.

Редакция «Вольного слова»

В ночь на I июня 1972г более 3,5 тысяч подобных листовок были разбросаны по почтовым ящикам в 8 районах Москвы

ГРАЖДАНЕ!

Мы едва сводим концы с концами!

1 июня 1972 — 10 лет со дня повышения цен. Они были повышены почти сразу после XXII съезда КПСС, на котором была принята «Программа построения коммунизма». Болтуны обещали: «Уже в течение первых десяти лет все слои советских людей смогут пользоваться достатком, будут материально обеспечены... будет покончено с недостатком в жилищах».

А вдруг в 62-м — повышение цен! Так заскулили:

«Мера времененная... нет сомнения, что в самое ближайшее время можно будет снижать розничные цены».

А мы едва сводили концы с концами!

Прошло десять лет. Цены все растут. Нас грабят везде! Огромные средства пожирает советская и партийная верхушка. Закрытые санатории, «Чайки», спец. продуктовые пайки, дачи, спецбольницы — вот их привилегии!

А мы едва сводим концы с концами!

«Друзьям» за границу — зерно, масло, мясо, сахар, ткани, пушки, танки, ракеты.

А мы едва сводим концы с концами!

Граждане! Боритесь! Пусть борьба рабочих кап. стран будет вам примером! Пусть Польша декабря 1970 будет нам примером! Пусть забастовки и выступления рабочих Москвы, Ленинграда, Новочеркасска, Темиртау, Чирчика и Каунаса будут нам примером!

БАСТУЙТЕ! ИДИТЕ НА УЛИЦУ! СВОБОДА! СВОБОДА! СВОБОДА!

3. ОБРАЩЕНИЕ А.БОЛОНКИНА К Н.ПОДГОРНОМУ

Самый кровавый, лживый и лицемерный режим!

*Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному
Н.В. Копии:*

*Правительствам стран, подписавшим Хельсинкские соглашения
от бывшего политзаключенного, д. т. н. Болонкина А. А.*

*Адрес: 671510, п. Багдарин Баунтовского района Бурятской АССР, до
востребования, Болонкину А. А.*

Господин Подгорный!

Как мне стало известно, местной кагебне дано указание любыми путями сфабриковать против меня какое-нибудь, желательно уголовное, «дело».

Не удовлетворившись фабрикацией против меня в 1972 году политического «дела», избиениями, пытками, издевательствами и каторжным трудом в ваших тюрьмах и лагерях, вы даже после моего 4-летнего пребывания в заключении не хотите оставить меня в покое, дать возможность покинуть ваш «социалистический рай» и уехать в «капиталистический ад». Все это является грубейшим попранием Хельсинкских соглашений, Всеобщей декларации прав человека ООН, Международного пакта о гражданских и политических правах, Советской Конституции.

Я еще раз подтверждаю свой отказ от советского гражданства, продолжаю требовать выезда из вашего «рая» и по-прежнему считаю ваш тоталитарный режим самым кровавым, лживым и лицемерным режимом, какой только был в истории человечества.

Да будет он навечно проклят!
Май 1977 г.

А.Болонкин

4. ОВРАЩЕНИЕ АКАДЕМИКА А.Д.САХАРОВА В ЗАЩИТУ А.БОЛОНКИНА

AC №4319

AC №4319. Андрей Сахаров. "Обращение в защиту Александра Болонкина",
Горький, 3.5.81.

Обращение в защиту Александра БОЛОНКИНА

За десять дней до окончания второго срока в лагере арестован Александр БОЛОНКИН. Ему предъявлено обвинение по ст.70 часть вторая УК РСФСР /клеветнические измышления с целью подрыва или ослабления советского общественного и государственного строя/, что грозит ему еще десятью годами заключения и пятью годами ссылки сверх тех девяти лет жесточайших мучений и несправедливых репрессий, через которые он уже прошел. Математик-кибернетик БОЛОНКИН был арестован в первый раз вскоре после защиты им докторской диссертации по теории управления. Он обвинялся в распространении самиздатовского журнала "Хроника текущих событий" и тогда, в 1973 году, был осужден на четыре года лагерей и два года ссылки. Приговор этот совершенно незаконен, так как "Хроника" - чисто информационный журнал и не ставит себе целей подрыва или ослабления строя. Докторская диссертация БОЛОНКИНА не была утверждена Аттестационной комиссией, а рукопись его монографии похищена. По пути в лагерь его избили, сломали руку. После отбытия 4-х лет в лагере и почти полного срока ссылки, за месяц до ее окончания он вновь арестован и осужден по сфальсифицированному обвинению еще на три года лагеря. И вот ему опять предстоит суд, на этот раз лагерный - с обычным в таких случаях лжесвидетельством других заключенных, вызванном угрозами, избиениями или обещаниями следователей.

Я обращаюсь к математикам - коллегам Александра БОЛОНКИНА в СССР и во всех странах, ко всем ученым, ко всем честным людям. Я обращаюсь к Главам всех правительств, подписавших Хельсинкский Акт, ко всем государственным и

общественным деятелям, деятелям культуры и бизнеса, которые могут иметь влияние на советских руководителей, обращаясь к Эмнести Интернейшнл.
Выступите в защиту Александра БОЛОНКИНА.

3 мая 1981 года

Андрей САХАРОВ
лауреат Нобелевской премии Мира

5. ОБРАЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ БОННЭР И ДР. ЧЛЕНОВ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ" В ЗАЩИТУ А.БОЛОНКИНА

AC №4333

AC №4333.- 4 члена Моск. ОГС (Е.Боннэр и др.). Документ №166. "Заключение Александра Болонкина становится бессрочным" (Москва), 30.4.81.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
30 апреля 1981 г. Документ № 166

Заключение Александра БОЛОНКИНА становится бессрочным

10 апреля 1981 г., за десять дней до окончание срока содержания под стражей по последнему приговору суда в лагере вблизи Улан-Удэ, арестован Александр БОЛОНКИН. Начальник следственного отдела КГБ ПРОЗОРОВ сообщил жене БОЛОНКИНА, что против него возбуждено дело по ч.2 ст.70 УК РСФСР и ведется следствие.

Александр БОЛОНКИН /1933 г.р./, математик-кибернетик, доктор технических наук /блестяще защищенная им диссертация не утверждена ВАКом в связи с арестом БОЛОНКИНА; в 1973 г. ВАК лишил его и звания кандидата наук/.

В сентябре 1972 г БОЛОНКИН был арестован и осужден к четырем годам заключения и двум годам ссылки по ч.1 ст.70 УК РСФСР /антисоветская агитация и пропаганда/ за хранение и распространение самиздатской литературы и документов.

После освобождения из лагеря БОЛОНКИН отбывал ссылку в пос. Багдарин Бур. АССР, где работал в мастерской комбината бытового обслуживания.

20 апреля 1978 г., за 26 дней до окончания срока ссылки, БОЛОНКИН был повторно арестован и осужден по искусственно созданному обвинению в •частнопредпринимательской деятельности и хищении» к трем годам заключения и 26 дням неотбытой ссылки. Во время пребывания в лагере Александр БОЛОНКИН /и по первому, и по второму приговору/ неоднократно подвергался преследованиям со стороны администрации: помещением в ШИЗО, ПКТ, лишением в связи с этим свиданий и т.п.

БОЛОНКИН неоднократно объявлял голодовки протеста.

20 апреля 1981 г. жена (1) и 14-летний сын (2) ждали освобождения Александра БОЛОНКИНА. Вместо известия об освобождении они получили сообщение о его новом аресте, уже в третий раз.

Поскольку в условиях лагеря никакая активная, в том числе и "антисоветская", деятельность практически невозможна, предъявление обвинения по ст.70 УК РСФСР просто абсурдно.

Наказание по ч.2 ст.70 УК РСФСР предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 10 лет с последующей ссылкой до пяти лет.

Так как Александр БОЛОНКИН уже отбывал наказание по ст.70 УК РСФСР, то он неизбежно будет признан опасным рецидивистом, что повлечет за собой отбывание наказания в нечеловеческих условиях лагеря особого режима.

После 9-летнего пребывания в лагерях и ссылке здоровье БОЛОНКИНА окончательно подорвано /хронический гастрит, холецистит, воспаление прямой кишки/, и новый длительный срок может стать для него пожизненным.

Мы обращаем внимание глав правительства, подписавших Хельсинкский Заключительный Акт, ученых всех стран и мировой общественности на трагическую судьбу Александра БОЛОНКИНА, чтобы сделать все возможно для его освобождения.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Елена БОННЭР
Софья КАЛИСТРАТОВА
Иван КОВАЛЕВ
Наум МЕЙМАН .

- 1. Маргарита (Хр.40:20, 46:109).
 2. Владимир; 1965 г.р., согласно приговору Мосгорсуда А. Болонкину и В. Балакиреву от 22.11.73 (AC №2631:1); ср. 1968 ("Список п/з СССР... Вести из СССР").

Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

6. ИЗ ПЕРЕДАЧИ РАДИО "СВОБОДА" (RFE-RL)

РАДИО СВОБОДА: ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА РС 86/81 8 мая 1981 года

АЛЕКСАНДРУ БОЛОНКИНУ УГРОЖАЕТ ТРЕТИЙ СРОК

Ю. Вишневская

Лауреат Нобелевской премии мира академик Андрей Сахаров обратился к ученым и правительствам стран свободного мира с призывом выступить в защиту Александра Болонкина, которому угрожает новый срок - вплоть до 10 лет лишения свободы с пятью годами последующей ссылки - по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" /ст. 70 часть 2 УК РСФСР/. Новое, уже третье, обвинение Болонкину было предъявлено ему за 10 дней до окончания срока по второму приговору, 10 апреля 1981 г. //.

Александр Александрович Болонкин родился 14 марта 1933 г. До ареста - доцент Московского высшего технического училища им. Баумана, доктор

технических наук, автор около 40 научных работ. Болонкин был арестован 21 сентября 1972 г. и с тех пор практически ни дня не был на свободе, а только в заключении с почти 2-летнем перерывом в виде ссылки в Забайкалье в Восточной Сибири.

Первый суд над Болонкиным состоялся в Москве 22 ноября 1973 г. Болонкину и его подельнику Валерию Балакиреву было предъявлено обвинение по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. Конкретно Болонкину инкриминировалось: слушание и распространение передач зарубежных радиостанций на русском языке; изготовление множительного аппарата mimeографа и распространение на нем "Хроники текущих событий", журнала "Демократ", листовки за подписью "Гражданский комитет", "Моих показаний" Анатолия Марченко, "Просуществует ли Советский Союз до 1964 года?" Андрея Амальрика, перевода книги Роберта Конквиста "Великий террор" и других материалов.

Кроме того, в 1971-72 гг. Болонкин распространил в Самиздате примерно полтора десятка своих собственных, подписанных различными псевдонимами работ с критикой социального обеспечения и низкого уровня жизни трудящихся в СССР. В частности, под псевдонимом А. Васильев Болонкин написал большой труд под названием "Сравнение жизненного уровня трудящихся России, СССР и капиталистических стран. Статистические сведения" /2/. Совместно со своим подельником Балакиревым Болонкин издавал также самиздатский журнал "Свободная мысль". 22 ноября 1973 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговорила его к 4 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки /3/.

В конце сентября 1976 г. Болонкин был сослан в пос. Багдарин Бурятской АССР. За два месяца до окончания ссылки он был арестован вновь по обвинению в "хищении собственной зарплаты". Во время следствия Болонкина избивали "и грозили убить руками уголовников", если он не признает себя виновным. Суд состоялся 4 августа 1978 г. в пос. Багдарин. На суде у него отобрали тексты закона, выписки из дела, не давали ему говорить. По свидетельству самого Болонкина, многие из представленных им документов исчезли из дела, а в ряде других документов следователи сделали подделки. Во второй раз Болонкин был приговорен по ст. 93 ч. 2 УК РСФСР "Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества" к максимальному сроку наказания по этой статье - 3 годам лагерей строгого режима и 26 дням неотбытой ссылки /4/.

Наказание по своему второму приговору"Болонкин отбывал в "учреждении" ОВ-94/2-Б в пос. Южный Бурятской АССР. В этом лагере Болонкина несколько раз помещали в ШИЗО /штрафной изолятор, куда можно посадить на срок до 15 суток/ и дважды на 6 месяцев в ПКТ /помещение камерного типа/. В результате жестокого обращения с ним Болонкин заразился дизентерией, заболел хроническим бронхитом, радикулитом, гастритом и другими заболеваниями. 6 мая 1980 г., почти за год до своего третьего "ареста", Болонкин направил письмо Генеральному прокурору СССР и министру внутренних дел СССР, где предупреждал:

Администрация без стеснения говорит, что за оставшийся год заключения меня либо заколотят в гроб, либо полностью подорвут мое здоровье, либо сфабрикуют новое дело /5/.

-
2. АС №1670.
 3. Приговор по делу Балакирева и Болонкина **см.** АС №2631; о суде **см.** "Хронику" # 30, стр. 5.
 4. АС 1*3624; РС 125/78 "Второй суд над Александром Болонкиным"; "Хроника" # 51, стр. 31-32.
 5. "Хроника" # 53, стр. 95, "Хроника" # 55, стр. 28; "Хроника" # 56. стр. 112-113; "Хроника" # 57, стр. 87-88; "Вести из СССР", ред. Кронид Любарский, 1980, ##18-41 и 20-30.

7. Александру Болонкину

Валерий Рубин

Перед пропастью страшной
обмирает душа...
Я Болонкина Сашу
обнимаю, спеша.

То ли передо мною
он на миг постарел,
то ли перед страною,
где он столько сидел.

Вот он — в сером костюме,
поприбавил морщин...
Я его после тюрем
проводжаю один.

Объявляется вылет
и не выдержать мук,
сколько в карцерах вынес
этот доктор наук.

Не подумаешь, встретя,
что колючкой крещен...
Это в наше-то время?!
А в какое ж еще?!

Вот уже он с вещами,
переходит черту...
Невиновных — прощают,

никогда — правоту.

Вот его у оконца
человек обыскал...
На энергии солнца
он поднимает корабль.

Вот он встал вдруг и замер,
поднимает кулак...
Мол, уходит не насмерть!
Но для нас это так.

Вот он издали машет,
как на том берегу
и помочь тебе, Саша,
я уже не могу.

1988г.

Валерий РУБИН - известный советский поэт и писатель. Публиковался в ведущих советских литературных журналах “Новый мир”, “Знамя”, “Юность”. В 1981 году опубликовал ряд своих критических стихотворений на Западе в журнале “Континент”, а затем их читали по “Голосу Америки”. За что подвергался преследованиям в СССР. В 1994г вышла его книга “Обыск”.

Михаил Литвин
ДИССИДЕНТУ Александру Болонкину

Ты страною своею был бит и гоним.
Много лет лагерей, а финал:
Не вдыхать тебе больше отечества дым,
Где за правду полжизни отдал.

Помнишь БУРОв мордовских зловонную пасть?
Был унижен ты, но не сражен.
Хоть сменила личину преступная власть,
Может зря все же лез на рожон?

Ты уже не внутри, но еще и не вне,
Чтобы памяти голос затих.

Кто у власти был – тот и сейчас на коне,
Ну а прочие все – при своих.

Ты прости, если что-то сказал я не так.
Надо нам эту песню допеть.
Выпьем водочки, вспомним проклятый Сиблаг,
Шахты клеть, произвола плеть.

Рано тлеть нам, душа еще хочет гореть,
Ей до срока не выгореть в шлак.
А России пока что болеть и болеть,
Ведь свободы приспущен флаг.

2004

Встреча бывших советских политзаключенных в Израиле в 1994 г. Справа - Александр Болонкин, в середине - Анатолий Щеранский (он станет Министром промышленности Израиля), слева - член Парламента Эстонии.

Встреча бывших советских политзаключенных в Израиле в 1994 г. Слева Александр Болонкин в середине Вячеслав Черновил (он был Председателем Движения "Рух" и кандидатом в Президенты Украины), справа Сусленский - председатель Общества "Украинско - Израильской дружбы".

Слева бывший советский политзаключенный Сергей Ковалев - бывший депутат Российской Думы и советник Президента России Бориса Ельцина по правам Человека. Справа Александр Болонкин (1996г).

Краткая информация о некоторых лицах, упомянутых в данной книге

(включены более поздние данные из Википедии и других источников).

Андрей Дмитриевич Сахаров

(Родился 21 мая 1921, Москва — 14 декабря 1989) — советский физик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Впоследствии — общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР, автор проекта конституции Союза Советских Республик Европы и Азии. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

За свою правозащитную деятельность был лишён всех советских наград, премий и в 1980 году был выслан с женой Еленой Боннэр из Москвы в Горький. В конце 1986 года Михаил Горбачёв под давлением Запада разрешил Сахарову вернуться из ссылки в Москву.

Имя Сахарова носят 60 улиц в городах и сёлах России.

Биография

По окончании средней школы в 1938 году Сахаров поступил на физический факультет МГУ. После начала войны, летом 1941 года пытался поступить в военную академию, но не был принят по состоянию здоровья. В 1941 году эвакуирован в Ашхабад. В 1942 году закончил университет с отличием.

В 1942 году был распределён в распоряжение Наркома вооружений, откуда был направлен на патронный завод в Ульяновск. В том же году сделал изобретение по контролю бронебойных сердечников и внёс ряд других предложений.

Научная работа

В конце 1944 года поступил в аспирантуру ФИАН (научный руководитель — И. Е. Тамм). Сотрудником ФИАН им. Лебедева оставался до самой смерти.

В 1947 году защитил кандидатскую диссертацию.

В 1948 году был зачислен в специальную группу и до 1968 года работал в области разработки термоядерного оружия, участвовал в проектировании и разработке первой советской водородной бомбы по схеме, названной «слойка Сахарова». Одновременно Сахаров вместе с И. Е. Таммом в 1950—1951 годах проводил пионерские работы по управляемой термоядерной реакции. В Московском энергетическом институте читал курсы ядерной физики, теории относительности и электричества.

Доктор физико-математических наук (1953 год). В этом же году в возрасте 32 лет избран действительным членом Академии наук СССР, став вторым по молодости на момент избрания академиком за всю историю (после С. Л. Соболева). Рекомендацию, сопровождавшую представление в академики, подписали академик И. В. Курчатов и члены-корреспонденты АН СССР Ю. Б. Харiton и Я. Б. Зельдович. Сахаров был избран сразу академиком — минуя степень член-корреспондента.

В 1955 году подписал «Письмо трёхсот» против печально известной деятельности академика Т. Д. Лысенко.

С конца 1950-х годов он активно выступал за прекращение испытаний ядерного оружия.

Внёс вклад в заключение Московского Договора о запрещении испытаний в трёх средах. С конца 1960-х годов являлся одним из лидеров правозащитного движения в СССР.

В 1966 году подписал письмо двадцати пяти деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу против реабилитации Сталина.

В 1968 году написал брошюру «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая была опубликована во многих странах.

В 1970 году стал одним из трёх членов-основателей «Московского Комитета прав человека» (вместе с Андреем Твердохлебовым и Валерием Чалидзе).

В 1971 году обратился с «Памятной запиской» к советскому правительству.

В 1960-х — начале 1970-х годов ездил на процессы над диссидентами.

В 1970-х — 1980-х годах в советской печати проводились кампании против А. Д. Сахарова (1973, 1975, 1980, 1983).

29 августа 1973 года в газете «Правда» было опубликовано письмо членов Академии наук СССР с осуждением деятельности А. Д. Сахарова («Письмо 40 академиков»).

31 августа 1973 года в газете «Правда» опубликовано «Письмо писателей» с осуждением Сахарова и Солженицына.

В 1974 году Сахаров собрал пресс-конференцию, на которой сообщил о состоявшемся Дне политзаключённых в СССР.

В 1975 году написал книгу «О стране и мире». В том же году Сахарову была присуждена Нобелевская премия мира. В советских газетах были опубликованы коллективные письма деятелей науки и культуры с осуждением политической деятельности А. Сахарова.

В сентябре 1977 года обратился с письмом в организационный комитет по проблеме смертной казни, в котором выступил за отмену её в СССР и во всём мире.

В декабре 1979 года и январе 1980 года выступил с рядом заявлений против ввода советских войск в Афганистан, которые были напечатаны на передовицах западных газет.

22 января 1980 года по дороге на работу был задержан, а затем вместе с женой Еленой Боннэр без суда сослан в Горький — город, в то время закрытый для посещения иностранными гражданами. Сам Сахаров связывал ссылку со своими выступлениями против ввода советских войск в Афганистан. Тогда же он указом Президиума Верховного Совета СССР был лишён звания трижды Героя Социалистического Труда и постановлением Совета Министров СССР — звания лауреата Сталинской (1953) и Ленинской (1956) премий (также ордена Ленина, звания члена АН СССР лишен не был). В Горьком Сахаров провёл три длительных голода.

В 1981 году он, вместе с Еленой Боннэр, выдерживает первую, семнадцатидневную, — за право выезда к мужу за рубеж Л. Алексеевой (невестки Сахаровых).

В июле 1983 года четыре академика (Прохоров, Скрябин, Тихонов, Дородницын) подписали письмо «Когда теряют честь и совесть» с осуждением А. Д. Сахарова.

В мае 1984 года провёл вторую голодовку (26 дней) в знак протesta против уголовного преследования Е. Боннэр. В апреле-октябре 1985 года — третью (178 дней) за право Е. Боннэр выехать за рубеж для операции на сердце. В течение этого времени Сахарова неоднократно госпитализировали (первый раз — насильно на шестой день голодовки; после его заявления о прекращении голодовки (11 июля) он был выписан из больницы; после её возобновления (25 июля) через два дня был вновь насильно госпитализирован) и насильно кормили (пытались кормить, иногда это удавалось). В течение всего времени горьковской ссылки А. Сахарова во многих странах мира шла кампания в его защиту. Например,

площадь в пяти минутах ходьбы от Белого Дома, где находилось советское посольство в Вашингтоне, была переименована в «Площадь Сахарова». В различных мировых столицах регулярно, начиная с 1975 года, проводились «Сахаровские Слушания».

Был освобождён из горьковской ссылки с началом перестройки, в конце 1986 года — после почти семилетнего заключения.

23 декабря 1986 года вместе с Еленой Боннэр Сахаров возвращается в Москву. После возвращения он продолжил работать в Физическом институте им. Лебедева.

В ноябре-декабре 1988 года состоялась первая поездка Сахарова за рубеж. Состоялись его встречи с президентами США Р. Рейганом и Дж. Бушем, Франции — Ф. Миттераном, премьер-министром Великобритании М. Тэтчер.

Умер вечером 14 декабря 1989 года от внезапной остановки сердца в своей квартире на улице Чкалова.

Похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

Вячеслав Максимович Черновол (Чорновіл)

(укр. *В'ячеслав Максимович Чорновіл*; 24 декабря 1937 год — 25 марта 1999 год) — украинский политический деятель, советский диссидент, журналист, один из основателей Народного руха Украины, Герой Украины (2000).

В ноябре 1967 года был впервые осуждён на шесть лет в колонии строгого режима. Причиной стала его книга о шестидесятниках «Горе от ума».

С 1970 года издавал подпольный журнал «Украинский вестник», за что в 1972 году был осуждён во второй раз — на шесть лет заключения в колонии строгого режима и три года ссылки. Наказание отбывал в Мордовии и Якутии. В 1978 году вышел на свободу.

22 мая 1979 года стал членом Украинской Хельсинкской группы.

В мае 1980 года в третий раз был арестован и сослан на пять лет в Якутию.

8—10 сентября 1989 года с участием Черновола был создан «Народный рух Украины за Перестройку» (впоследствии — Народный рух Украины).

30 марта 1990 года избран народным депутатом Украины, получив 68,60 % голосов при 7 претендентах (по одномандатному округу). В апреле 1990 года также избран главой Львовского областного совета.

В октябре 1991 года на Большой казацкой раде избран Гетманом украинского казачества.

1 декабря 1991 года занял второе место на первых выборах президента Украины, набрав 7 420 727 голосов (23,27 %).

Паруйр Аршавирович Айрикян

(Родился 5 июля 1949, Ереван) — армянский государственный деятель.

Биография

- 1966—1969 — Ереванский политехнический институт, одновременно работал в качестве электрика на трикотажной фабрике.
- С 1967 г. — член подпольной «Национальной объединённой партии Армении». В 1969 г. был арестован. Получил 4 года лишения свободы, срок он отбывал в колониях строгого режима в Мордовии.
- В 1973 — по возвращении в Ереван был поставлен под административный надзор.
- 5 февраля 1974 — за нарушение надзора получил 2 года лагерей, после суда был помещён в следственный изолятор КГБ.
- С 1987 — вернулся в Ереван и вместе со своими соратниками создал партию «Национальное самоопределение».
- В феврале 1988 — обвинил власти СССР в организации погромов армянского населения в Сумгаите, был лишен гражданства и выслан в Эфиопию, однако затем нелегально вернулся в Армению.
- 1988—1992 — был лидером национально-народного движения СССР, избран председателем международной организации «Демократия и независимость».
- 1990—1995 — депутат Верховного совета Армянской ССР. Член постоянной комиссии по вопросам утверждения государственной независимости и национальной политики. Секретарь депутатской группы «Свободные парламентарии».
- 1992—1993 — командир Горисского района, принял меры для обеспечения эффективной защиты и организации переселения беженцев в Сюникский марз.
- 1995—1999 — депутат парламента. Член постоянной комиссии по внешним сношениям. Лидер партии «Национальное самоопределение».
- 1998—1999 — руководил комиссией по подготовке конституционных изменений при президенте Армении.
- 1999—2002 — председатель комиссии по вопросам прав человека Армении.
- С 2002 — лидер партии «Объединённое Самоопределение».
- В феврале 2003 — являлся кандидатом в Президенты Армении.
- В декабре 2012 — снова выдвинул свою кандидатуру на выборы Президента Армении 2013 года.
- 31 января 2013 пережил покушение, получив ранение в плечо.

Солдатов Сергей Иванович (1933-2003)

инженер, преподаватель, писатель

(Справка составлена по воспоминаниям жены, Людмилы Грюнберг-Солдатовой)

1933, 24 июня. — Родился в Нарве (Эстония).

1941—1944. — Проживание на оккупированной территории.

1950-е гг. — Работа на шахте, на газогенераторных печах, заводским электриком.

1954—1960. — Учеба в Ленинградском Политехническом институте. По окончании работа на инженерных должностях в Таллинне: на заводе «Вольта», на экскаваторном заводе. Преподаватель на кафедре машиностроения Таллиннского Политехнического института. Работа над диссертацией на тему износа металлорежущего инструмента.

1960-е, середина. — Начало преследования. За распространение «буржуазного национализма» среди студентов увольнение с преподавательской должности.

1968. — Основание с единомышленниками подпольной группы Демократического Движения Эстонии (ДДЭ), а позднее «Союза морально политического Возрождения». Работа над основными документами ДДЭ, статьями и очерками для Самиздата, редакция нелегальных журналов «Демократ» и «Луч Свободы».
1969. — Написание «Программы Демократического движения Советского Союза (ДДСС)», передача для публикации на Запад.
1970. — Написание работы «Тактические основы ДДСС».
- 1975, январь. — Арест.
- 1975, осень. — Верховным судом ЭССР вынесение приговора к 6 годам лагерей строго режима за антигосударственную и антисоветскую деятельность. Содержание в лагере № 17 Зубово-Полянского района Мордовской Автономной республики.
1976. — Осуждение сына, Александра Солдатова, за участие в драке, приговор к пяти годам строго режима.
1977. — Участие в стодневной забастовке.
- Перевод в политический лагерь № 19 в поселке Лесном (Мордовия).
- 1978, 3 января. — Направление в президиум Верховного Совета ЭССР Декларации о легализации ДДЭ. Передача на свидании с женой статьи «Двенадцать принципов русского дела».
1979. — Увольнение жены с работы.
1980. — Перевод в лагерь ЖХ-385 поселка Баращево (Мордовия). Отказ на предложение покинуть СССР после окончания срока. Этап в таллинскую тюрьму «Батарея». Объявление голодовки до окончания срока заключения.
- 1981, 3 января. — Освобождение из тюрьмы. Поселение у супруги в Таллинне. Административный надзор. Лишение советского гражданства указом Президиума Верховного Совета ЭССР. Вынужденная эмиграция.
- Получение в Вене приглашения от немецкой группы «Международная Амнистия» поселиться в Западной Германии. По рекомендации А. И. Солженицына получение журналистской работы на радио «Свобода»: радиопрограммы на эstonском языке.
1984. — Награждение золотым Знаком Почета на собрании Эстонского Национального Комитета в Швеции. Выступление в Италии перед участниками христианско-демократического движения.
1987. — Основание собственного издательства «Вест-Ост ренессанс»: издание всех немецкоязычных трудов, четырех книг на эstonском языке и большинства работ на русском языке.
1988. — Поездка в Таллинн и Ленинград. Издание журнала «Катарсис».
1992. — Получение немецкого гражданства.
- 1995, февраль. — Поездка в Москву на встречу с А. И. Солженицыным.
2000. — Возвращение в Эстонию. Выпуск 4-х книг на эstonском языке и нескольких альманахов.
- 2003, 24 января. — Скончался Сергей Иванович Солдатов в г. Таллинне. Похоронен на кладбище Александра Невского.
2006. — Передача наследия и архива Сергея Ивановича Солдатова на хранение Национальную Библиотеку Эстонии. Издание трудов под общим названием «Наследие и архив» в 15 томах.

2008. — Написание женой, Людмилой Грюнберг-Солдатовой книги воспоминаний «Пунктир моей жизни».

Огурцов Игорь Вячеславович

((род. 1937) — русский политический и общественный деятель, лидер антикоммунистического подполья в СССР, основатель и руководитель Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН), бывший политзаключенный.

Биография

Родился 22 августа 1937 года в Сталинграде в семье потомственного инженера-кораблестроителя Вячеслава Васильевича Огурцова и преподавательницы музыки Евгении Михайловны Огурцовой (Деревенской).

Учился на философском и восточном факультетах Ленинградского государственного университета (ЛГУ), который окончил в 1966 году. Работал редактором в ЦНИИ информации и технико-экономических исследований.

В 1964 году вместе со своими единомышленниками (М. Ю. Садо, Е. А. Вагиным, Б. А. Аверичкиным) основал и возглавил подпольную антикоммунистическую организацию — Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН). Автор «Программы ВСХСОН ЧАСТЬ ВТОРАЯ» (1964), «Народной хартии».

15 февраля 1967 г. арестован КГБ. 3 декабря 1967 г. приговорён к лишению свободы по ст. ст. 64 п. «а», 72 УК РСФСР на 15 лет с отбыванием первых семи лет в тюрьме, а остального срока — в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет, без конфискации имущества за отсутствием такового¹¹.

Тюремный срок отбывал во Владимирской тюрьме (7 лет) и Чистопольской тюрьмах (3 года), а лагерный — в Пермской области (политическая зона Пермь-35 - 5 лет). За участие в забастовке заключённых срок заключения был переквалифицирован — 10 лет тюрьмы вместо семи.

В 1987 г. полностью отбыл срок заключения и ссылки (в сумме 20 лет). Был вынужден эмигрировать, и вместе с семьёй противозаконно лишён гражданства. Жил со своей семьёй в г. Мюнхене (Германия). Находясь в эмиграции, вёл большую общественно-политическую работу.

В 1992 г. вернулся в Россию. В феврале 1992 г. участвовал в работе Конгресса гражданских и патриотических сил, был избран членом Центральной Думы учреждённого на конгрессе Российского Народного Собрания. В 1997 г. основал в Санкт-Петербурге благотворительный фонд «Милосердие». Президент международного благотворительного фонда «Милосердие» с 1997 г. по настоящее время.

В 2006 г. И. В. Огурцов в числе группы лидеров русских патриотических организаций подписал обращение в ПАСЕ «Русские — в поддержку идеи международного осуждения коммунизма», направленное на поддержку резолюции Совета Европы.

За свою деятельность удостоен почётного французского гражданства (Экс-ан-Прованс), почётного гражданства города Энн-Арбор (штат Мичиган, США), званий члена ПЕН-клуба, почётного члена Союза Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии и других наград.

В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге. Власти Российской Федерации не реабилитирован^[3]. (власти РФ вынуждены были по суду официально признать только факт незаконного лишения гражданства И. В. Огурцова и членов его семьи).

Стус Васíлий Семёнович

(укр. *Васíль Семéнович Стус*; 1938 — 1985) — украинский поэт, диссидент, политзаключённый. Герой Украины (2005 — посмертно).

Биография

Родился 6 января 1938 года в селе Рахновка (ныне Гайсинский район, Винницкая область, Украина).

В старших классах подрабатывал на железной дороге, тогда же познакомился с запрещённой в СССР литературой украинского «Расстрелянного Возрождения». После окончания школы (1954) поступил на историко-филологический факультет Донецкого государственного педагогического университета, где учился в литературной студии под руководством Т. Духовного; затем работал в сельской школе учителем украинского языка и литературы.

Год спустя был призван в СА, служил на Южном Урале (где в результате несчастного случая потерял фалангу пальца). В 1963 году Стус становится аспирантом киевского Института литературы им. Тараса Шевченко.

«Хрущёвская оттепель» стала для Стуса новой отправной точкой, с которой он начал свою активную творческую и политическую деятельность. 4 сентября 1965 года вместе с И. М. Дзюбой и В. М. Черноволом перед общественным просмотром фильма «Тени забытых предков» в киевском кинотеатре «Украина» публично выступил с протестом против волны арестов украинской интеллигенции. В результате Стуса исключили из аспирантуры, и он был вынужден искать временную работу. В декабре этого же года женится на Валентине Попелюх.

В поисках временного заработка был работником строительной бригады, кочегаром; полгода работал в историческом архиве, позже — инженером технической информации. Участвует в протестах против ареста Ивана Светличного, был одним из тех, кто подписал «Письмо-протест 139-ти»; публично обвиняет КГБ в убийстве художницы и диссидентки А.

А. Горской. В это время поэта нигде не печатали, кроме его нескольких переводов И.-В. Гёте и Гарсия Лорки, опубликованных под псевдонимом *Василь Петрик*.

Стус активно протестовал против реставрации культа личности. Известны его письма к президиуму СПУ, редактору «Літературної України» Л. Дмитерку с острой критикой его выступлений против Ивана Дзюбы (1969), в ЦК КПУ и КГБ, в Верховный совет УССР, где он доказывал вредность ущемления демократии, ущемлений прав человека.

12 января 1972 года был арестован одновременно с рядом других украинских диссидентов. В сентябре состоялся суд с обвинением по ст. 62 УК «Антисоветская агитация и пропаганда». Отбыв пять лет лагерного заключения в Мордовии и два года ссылки в Магаданской области, поэт в сентябре 1979 года вернулся в Киев, где продолжил свою деятельность, выступая при поддержке западных организаций в защиту «узников совести». С 1978 года он являлся почётным членом английского «Pen-клуба».

Уже в начале 1980 года Стуса задержали во второй раз. «Назначенным» адвокатом Стуса был молодой юрист В. В. Медведчук, впоследствии украинский политик. Стус в нарушение процедуры был лишен последнего слова и удален из зала суда; приговор ему был зачитан в его отсутствие: он получил 10 лет принудительных работ и 5 лет ссылки. В лагере Пермь-36 близ села Кучино Пермской области продолжал писать и переводить. В 1983 году администрацией лагеря ему было запрещено присыпать стихи и переводы в письмах родным. Умер 4 сентября 1985 года после объявленной 27 августа голодовки в карцере. После его смерти написанные в последние годы стихи и переводы не были переданы родственникам; сохранились ли они, неизвестно.

В 1989 году прах Василя Стуса был торжественно перевезён на Украину и захоронен в Киеве на Байковом кладбище. Стус посмертно реабилитирован в 1990 году. (Постановление №2381н90 Пленума Верховного Суда СССР (по делу 1972 года) (доступно к скачиванию, *.pdf), Решение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР (по делу 1980 года) (доступно к скачиванию, *.pdf)

Память

- В 2001 году на здании филологического факультета Донецкого Национального университета был установлен памятный барельеф поэту В. Стусу. Скульптор Пискун, Виктор Фёдорович, архитектор Леонид Бринь.
- В 2008 году Национальный банк Украины выпустил юбилейную монету номиналом в 2 гривны, посвящённую Василию Стусу. На реверсе этой монеты портрет Стуса расположен на фоне стилизованной мозаики «Женщина-птица» Аллы Горской.
- В Киеве одна из улиц носит имя Стуса.
- В Одессе, Виннице и Ивано-Франковске тоже названы улицы в его честь.

Награды

- 26 ноября 2005 года «за несокрушимость духа, жертвенное служение Украине и национальной Идее, высокие гуманистические идеалы творчества» президент Украины Виктор Ющенко посмертно присвоил В. Стусу звание Героя Украины.
- Государственная премия УССР имени Т. Г. Шевченко (1991 — *посмертно*) — за сборник стихов «Дорога боли»

Творческая деятельность

Автор многочисленных стихов и ряда критических статей. Переводил на украинский язык Киплинга, Гёте, Рильке, ряд других авторов.

Тетрадь с последними стихами и переводами (общим числом около 500), названная автором «Птах души», не была возвращена родственникам и после смерти поэта.

Влáсов Андрéй Андрéевич

(Родился 14 сентября 1901, село Ломакино, Нижегородская губерния, Российская империя — 1 августа 1946, Москва, СССР) — советский военачальник, участник Битвы за Москву. Командовал 2-й ударной армией, в ходе Любансской наступательной операции в 1942 году попал в немецкий плен и пошёл на сотрудничество с руководством Третьего рейха против политического строя СССР, став руководителем военной организации из советских военнопленных и эмигрантов — Русской освободительной армии (РОА). Вождь Русского освободительного движения, председатель Президиума Комитета освобождения народов России (1944—1945), главнокомандующий РОА (28 января — 12 мая 1945). В 1945 году пленён Красной армией, в 1946 году осуждён по обвинению в государственной измене, лишен воинского звания, государственных наград и казнён.

Норильское восстание

— выступление заключённых Горлага (Норильск) летом 1953 года. Имело ненасильственный характер, вследствие чего термин «восстание» может быть применён к нему лишь условно; по документам лагерной администрации, советской прокуратуры и суда события проходили как «антисоветское вооружённое контрреволюционное восстание», что не соответствует действительности, затем как «массовое неповинование заключённых лагадминистрации».

Это самое продолжительное и массовое выступление заключённых в истории ГУЛАГа. С 26 мая по 4 августа волнения происходили во всех шести лаготделениях Горлага. К концу восстания Горлаг поддержали и два лаготделения ИТЛ «Норильлаг». По данным архивов число одновременно бастующих доходило до 16 378 человек. Существенно то, что забастовка началась до ареста Л. Берии, а её подавление совпало с известием о его аресте. После этого 3-е лагоотделение бастовало ещё 3 недели, так как комиссия ГУЛАГа, действовавшая от имени Берии и занятая подготовкой подавления, срочно вернулась в Москву.

Трофíмов Анатóлий Васíльевич

(род. 1 июня 1940, Подмосковье — ум. 10 апреля 2005, Москва) — с января 1995 по февраль 1997 года начальник Управления ФСБ по Москве и Московской области, генерал-

полковник в отставке, расстрелянный неустановленными лицами 10 апреля 2005 года близ своего дома. Один из главных палачей советского народа.

Факты биографии

В органах КГБ с 1962. В 1966 окончил 1-й факультет Высшей школы КГБ имени Ф. Э. Дзержинского.

Служил следователем особого отдела Туркестанского военного округа, старшим следователем по особо важным делам в Среднеазиатском военном округе.

С 1971 на различных должностях в управлении КГБ по г. Москве и Московской области.

Как начальник следственного отдела Московского управления КГБ вёл политические дела многих правозащитников: Александра Болонкина, академика Андрея Сахарова, Сергея Ковалева, священника Глеба Якунина, Наташа Щаранского, Кронида Любарского, Александра Подрабинека, Алексея Смирнова, Юрия Орлова, Виктора Орехова (капитана КГБ, помогавшего диссидентам) и других.

В октябре 1993 участвовал в аресте вождей оппозиционного Верховного Совета: Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова.

В мае 1994 был назначен в Академию ФСК на должность руководителем курсов повышения квалификации руководящего состава.

19 января 1995 был назначен заместителем директора ФСК и одновременно начальником московского Управления ФСБ.

В феврале 1997 уволен, по мнению некоторых СМИ, в результате депутатского запроса Ю. Щекочихина.